

RESPUBLICA
LITERARIA

№4 2023

Respublica Literaria

2023. Т. 4. № 4.

Учредитель:

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

Founder:

Institute of Philosophy and Law of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Редакция:

Главный редактор - Абрамова М. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Заместитель главного редактора - Хлебалин А. В.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Секретарь – Персидская О. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)

Редакционный совет:

Вольф М. Н. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Аязбекова С. Ш. (МГУ, Нур-Султан, Казахстан)
Иванов А. Ф. (СПбГЭТУ, СПб, Россия)
Кефели И. Ф. (СЗИУ РАНХиГС, СПб, Россия)
Константиновский Д. Л. (ИС РАН, Москва, Россия)
Лазаревич А. А. (ИФ НАН, Минск,
Республика Беларусь)
Синеокая Ю. В. (ИФ РАН, Москва, Россия)
Толстых В. Л. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Целищев В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Шаронова С. А. (РУДН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Аблажей А. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Алмакаева А. М. (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)
Арутюнова Е. М. (ФНИЦС РАН, Москва, Россия)
Афонасин Е. В. (БФУ им. И.Канта, Калининград, Россия)
Борисов Е. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Григоричев К. В. (ИГУ, Иркутск, Россия)
Зыков С. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Изгарская А. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Костина Е. Ю. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Костюк В. Г. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Куликов С. Б. (ТГПУ, Томск, Россия)
Лбова Е. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Маклашова Е. Г. (ИГИИПМНС СО РАН,
Якутск, Россия)
Петров В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Попков Ю. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Санжеников А. А. (ИФПР СО РАН,
Новосибирск, Россия)
Солодова Г. С. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Сторожук А.Ю. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Ярулин И. Ф. (ТОГУ, Хабаровск, Россия)
Ячин С. Е. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Campbell C. (Техасский университет в Остине, США)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Университет Зелена Гура,
Зелена Гура, Польша)
Liberska H. (Университет г. Быдгощ им. Казимира
Великого, Быдгощ, Польша)

Editorial council:

Chief editor-M. A. Abramova
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Vice chief editor-A. V. Khlebalin
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Editor – Persidskaya O. A.
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)

Editorial Board:

Volf M. N. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Ayazbekova S. Sh. (MSU, Nur-Sultan, Kazakhstan)
Ivanov A. F. (SPbSETU, St. Petersburg, Russia)
Kefeli I. F. (NWIM RANEPa, St. Petersburg, Russia)
Konstantinovskiy D. L. (IS RAS, Moscow, Russia)
Lazarevich A. A. (IP NAS, Minsk, Republic of Belarus)
Sineokaya Yu. V. (IP RAS, Moscow, Russia)
Tolstykh V. L. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Tselishchev V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sharonova S. A. (Peoples' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia)

Editorial Board:

Ablazhey A. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Almakayeva A. M. (HSE University, Moscow)
Arutyunova E. M. (Institute of Sociology
of FCTAS RAS, Moscow, Russia)
Afonasin E. V. (IKBFU, Kaliningrad, Russia)
Borisov E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Grigorichev K. V. (ISU, Irkutsk, Russia)
Zykov S. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Izgarskaya A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kostina E. Yu. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Kostyuk V. G. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kulikov S. B. (TSPU, Tomsk, Russia)
Lbova E. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Maklashova E. G. (IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia)
Petrov V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Popkov Yu. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sanzhenakov A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Solodova G. S. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Storozhuk A. Yu. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Yarulin I. F. (Pacific National University,
Khabarovsk, Russia)
Yachin S. E. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Campbell K. (University of Texas at Austin, USA)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Zielona góra University,
Zielona góra, Poland)
Liberska H. (University of Bydgoszcz.
Casimir The Great, Bydgoszcz, Poland)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Головко Н. В. Эвиденциализм, тезис Фантла-Макграта и аргумент от ошибки...	5
Олешкова А. М. Проблема репрезентации: постмодернизм, критическая теория и медиадискурс.....	14
Родин К. А. Лев Толстой и мессианское время.....	28
Стрельцов А. М. Стиль как способ философствования И. Г. Гамана в «Сократических достопамятностях»	41

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

«Аналитическая философия: вычислительный поворот»

Алексеев А. Ю. Неоаналитическая философия: принципы базовых дефиниций..	59
Доманов О. А. Монадные вычисления в теоретико-типовой семантике.....	70
Катречко С. Л. Теорема Геделя о неполноте: говорит ли она о неполноте математики?	82
Лобовиков В. О. Объединение универсальной эпистемологии с формальной аксиологией в мультимодальной формальной аксиоматической теории «сигма + 2с», и философские основания математики (на англ.).....	88

СОЦИОЛОГИЯ

Арутюнова Е. М. Российская гражданская идентичность в региональном контексте: кейс Республики Саха (Якутия).....	114
Лукьянов Н. Е., Изгарская А. А. Умиротворение террористических организаций и способы их интеграции в легитимный политический процесс	126

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ерохина Е. А. Диспропорции регионального развития, практики федерализма и риски мобилизованной этничности (на примере национальных республик Азиатской России).....	140
Заринов И. Ю. Антропологическое нашествие.....	155
Солодова Г. С. Несколько слов о постмодернистском транзите понятия нации..	168

CONTENTS

PHILOSOPHY

Golovko N. V. Evidentialism, Fantl-McGrath's Argument and the Argument from Error.....	5
Oleshkova A. M. The Problem of Representation: Postmodernism, Critical Theory and Media Discourse	14
Rodin K. A. Leo Tolstoy and the Messianic Time.....	28
Streltsov A. M. Style as Means of Doing Philosophy in j. G. Hamann's "Socratic Memorabilia".....	41

CONFERENCE MATERIALS "Analytical Philosophy: The Computational Turn"

Alekseev A. U. Neo Analytical Philosophy: Principles of Basic Definitions.....	59
Domanov O. A. Monad Computations in Type Theoretical Semantics.....	70
Katrechko S. L. Goedel's Incomplete Theorem: Does it Say Something about the Incompleteness of Math.....	82
Lobovikov V. O. Combining Universal Epistemology with Formal Axiology in a Multimodal Formal Axiomatic Theory "Sigma + 2C", and Philosophical Foundations of Mathematics.....	88

SOCIOLOGY

Arutyunova E. M. Russian Civic Identity in a Regional Context: Case of the Republic of Sakha (Yakutia).....	114
Lukyanov N. E., Izgarskaya A. A. Appeasement of Terrorist Organizations and Ways for their Integration into the Legitimate Political Process	126

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Erokhina E. A. Disproportions in Regional Development, the Practice of Federalism and the Risks of Mobilized Ethnicity (on the Example of the National Republics of Asian Russia).....	140
Zarinov I. Yu. Anthropological Invasion	155
Solodova G. S. A Few Words about Postmodernist Transit of the Concept of Nation.....	168

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165

ЭВИДЕНЦИАЛИЗМ, ТЕЗИС ФАНТЛА-МАКГРАТА И АРГУМЕНТ ОТ ОШИБКИ

Н. В. Головко

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
golovko@philosophy.nsc.ru

Аннотация. Цель работы – показать, что пример, который приводят Дж. Фантл и М. Макграт (2002), (прагматические соображения относительно риска приписать желаемый эпистемический статус данному убеждению в данной ситуации влияют на само понятие «эпистемический факт» и, как следствие, мы должны отказаться от эвиденциализма, как представления о том, что необходимые и достаточные условия обоснования определяются исключительно доступными эпистемическими данными), не достигает своей цели. Принимая во внимание рассуждения Дж. Кванвига о том, что проблему «прагматических соображений» можно свести к представлению о «ложности обыденного представления об оценивании [достоверности] знания» (2011), мы можем сказать, что проблема, о которой говорят Дж. Фантл и М. Макграт, – это не проблема эпистемической рациональности, а проблема достаточности эпистемического обоснования в ситуации, когда риск совершить ошибку является еще одним фактором, подчеркивающим принципиально субъективный характер приписывания эпистемического статуса убеждению. Как следствие, мы интерпретируем рассуждения Дж. Фантла и М. Макграта как одну из форм скептического аргумента «от ошибки», который решается указанием на принципиальную разницу в «объеме» эпистемических данных в ситуациях, которые интроспективно рисует себе субъект, предполагая, знает ли он или нет. Такая интерпретация рассуждений Дж. Фантла и М. Макграта не угрожает эвиденциализму.

Ключевые слова: эпистемология, эвиденциализм, прагматические соображения, эпистемическая рациональность, фаллибилизм, скептицизм, Дж. Кванвиг.

Для цитирования: Головко, Н. В. (2023). Эвиденциализм, тезис Фантла-Макграта и аргумент от ошибки. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 4. С. 5-13. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.5-13

EVIDENTIALISM, FANTL-MCGRATH'S ARGUMENT AND THE ARGUMENT FROM ERROR

N. V. Golovko

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
golovko@philosophy.nsc.ru

Abstract. The paper aims to show that the example given by J. Fantl and M. McGrath (2002) that pragmatic considerations regarding the risk of attributing the desired epistemic status to a given belief in a given situation affect the very concept of «epistemic fact» and as a consequence, we must abandon evidentialism, as a general concept that the necessary and sufficient conditions of justification are determined solely by the available epistemic data, does not achieve its goals. Taking into account J. Kvanvig's position that the problem of «pragmatic encroachment» could be reduced to the notion of «the false presupposition about the value of knowledge» (2011), we may say that this is not a problem of epistemic rationality, but a problem of the sufficiency of epistemic justification in situations where the risk of making a mistake is just another factor that emphasizes the fundamentally subjective nature of epistemic status

attribution to a belief. As a consequence, we see the J. Fantl's and M. McGrath's argument as a form of the skeptical argument «from error», which is solved by pointing out on the fundamental difference in the «volumes» of epistemic data within situations that the person introspectively draws for himself, assuming whether he knows or not. Such an interpretation does not threaten evidentialism at all.

Keywords: epistemology, evidentialism, pragmatic encroachment, epistemic rationality, fallibilism, skepticism, J. Kvanvig.

For citation: Golovko, N. V. (2023) Evidentialism, Fantl-McGrath's Argument and the Argument from Error. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 4. pp. 5-13. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.5-13

Существует поверие, что, когда вы едете в автобусе и опаздываете, главное не подавать виду, что волнуешься: автобус чувствует ваш страх опоздать и нарочно едет медленнее. Дж. Фантл и М. Макграт используют аналогичные рассуждения для того, чтобы показать, что эпистемическое обоснование не является предметом исключительно одних лишь имеющихся данных [Fantl, McGrath, 2002]. Вы стоите на перроне, чтобы поехать в Переделкино отдохнуть с друзьями, и вы спрашиваете случайного попутчика: «Останавливается ли эта электричка на платформе Очаково?». Попутчик отвечает: «Да, эта электричка останавливается у каждого столба. Мне так сказали в кассе». С точки зрения Дж. Фантла и М. Макграта, в этой ситуации вы «эпистемически обоснованы» в том, что поезд остановится на платформе Очаково, вы готовы приписать убеждению «этот поезд остановится на платформе Очаково» какой-нибудь «хороший» эпистемический статус. В другой ситуации вам очень нужно оказаться на платформе Очаково, чем раньше, тем лучше. И, как и в первом случае, попутчик заверяет вас, что по информации, которую тот получил в кассе, поезд там остановится. Однако, вы можете подумать: «А что если он ошибается? Важна ли для него предполагаемая остановка на платформе Очаково? Может быть кассир не так понял вопрос? Может быть он не так понял ответ?» После этого вы решаете, что лучше все-таки пойти и проверить самому. Дж. Фантл и М. Макграт говорят, что в этой ситуации у вас нет достаточных данных для того, чтобы быть «эпистемически обоснованным» в том, что поезд остановится на платформе Очаково, – эпистемический статус, который вы готовы приписать убеждению «этот поезд остановится на платформе Очаково», недостаточно «хорош». Когда на кону стоят важные вещи, «случайного» источника информации недостаточно. Здесь две ситуации. В одной – приписывание эпистемического статуса убеждению не зависит от практической значимости обстоятельств, в которых находится субъект. В другой – цена ошибки, которую субъект может допустить, приписывая «не тот» эпистемический статус соответствующему убеждению на основании имеющихся (и, возможно, не полных) данных, велика, а значит, субъект находится в ситуации, в которой он «не знает». И теоретически, хорошая эпистемическая теория должна учитывать подобные «прагматические соображения» (pragmatic encroachment), а вместе с ними и условный «тезис Фантла-Макграта» в общей модели эпистемического обоснования.

В общем случае, эвиденциализм, как концепция эпистемического обоснования, предполагает, что необходимые и достаточные условия обоснования приписывания данного эпистемического статуса данному убеждению определяются исключительно доступными эпистемическими данными (Д. Юм, Б. Рассел, Р. Чизолм, А. Плантинга и др.). В традиционном понимании основные факторы, влияющие на приписывание данному убеждению статуса «знание», связаны с представлениями об истинности и обосновании

(«достоверность», «не-случайность» и др.), так или иначе отсылают к истинности убеждения и доступным данным. В данном случае, Дж. Фантл и М. Макграта настаивают на том, что, отвечая на вопрос «А обладает ли данный субъект в данном случае знанием?», мы должны перейти от анализа традиционных факторов к анализу «прагматических соображений», намекая на то, что разница в практических обстоятельствах отражает разницу «в знании». Единственно, что отличает ситуации «я еду в Переделкино отдыхать», и «я еду в Очаково работать», это вопрос *важности для субъекта* того, что происходит. Предположение о том, что прагматические соображения могут оказывать существенное влияние на существование «эпистемических фактов», будет направлено против эвиденциализма. Во-первых, доступные эпистемические данные больше не будут являться достаточными условиями эпистемического обоснования. Во-вторых, то, что субъект полагает делать в данной практической ситуации, в каком-то смысле, должно быть включено в необходимые условия эпистемического обоснования. Однако, на наш взгляд, как бы грозно не звучала претензия условного «тезиса Фантла-Макграта», классический эвиденциализм не находится под угрозой. Наша гипотеза заключается в том, что если принять во внимание позицию Дж. Кванвига о том, что риск совершить ошибку является всего лишь еще одним фактором, подчеркивающим принципиально *субъективный* характер приписывания эпистемического статуса убеждению [см., например: Kvanvig, 2011], то ситуация, описываемая Дж. Фантлом и М. Макграта, отвечает одной из форм скептического аргумента «от ошибки». Следуя канонической интерпретации аргумента «от ошибки» [см., например: Steup, 1996, ch. 10], скептик утверждает, что до тех пор, пока вы не покажете «релевантную разницу» (именно в эпистемических терминах) между ситуациями (например, вы знаете, что *p*, когда едете отдыхать, и вы не знаете, что *p*, когда едете на работу), вы не можете говорить, что вы эпистемически обоснованы.

В общем случае прагматические соображения относительно риска (приписывания желаемого эпистемического статуса данному убеждению) в той или иной ситуации нельзя напрямую рассматривать как расширение множества эпистемических данных, но мы можем использовать их для того, чтобы схватить идею «легитимной законченности процесса обоснования». В ситуации, когда вы едете на работу, процесс обоснования на исходном множестве эпистемических данных не закончен, осознание риска заставляет вас искать новые эпистемические данные для того, чтобы подтвердить или опровергнуть исходную гипотезу. Учитывая этот «запрос на поиск новых эпистемических данных» (продиктованный исключительно прагматическими соображениями), мы можем говорить о потенциальной разнице в условном «объеме» эпистемических данных в описанных двух ситуациях, а значит можем содержательно различить две ситуации и тем самым блокировать рассуждения скептика. Ключевой момент в данном понимании рассуждений Дж. Фантла и М. Макграта заключается в том, что мы должны различать ситуации, в которых, с одной стороны, мы оцениваем достаточность «эпистемического обоснования» для приписывания данного эпистемического статуса для данного убеждения, а с другой – когда мы оцениваем приписывание эпистемического статуса с точки зрения принятого представления об «эпистемической рациональности». Когда мы говорим о разнице «объемов» эпистемических данных, – это проблема эпистемического обоснования, и здесь апелляция к аргументу «от ошибки» вполне допустима. Когда мы говорим о необходимости «что-то сделать» с эвиденциализмом, потому что прагматические соображения вносят изменения

в саму его логику, – это проблема эпистемической рациональности, которую, на самом деле, здесь можно не рассматривать вовсе. Ситуация, описываемая Дж. Фантлом и М. Макгратом (формально, в обоих случаях множества эпистемических данных в пользу p одни и те же, но интуиция подсказывает, что субъект не знает p , когда начинает учитывать прагматические соображения), не требует того, чтобы мы рассматривали ее через призму общей дискуссии о релевантности практических соображений ответу на вопрос: обладает ли субъект знанием. Это пример, который подчеркивает принципиально субъективный характер приписывания эпистемического статуса убеждению в данной практической ситуации и не угрожает эвиденциализму.

Эвиденциализм

Эвиденциализм – это доктрина о необходимых и достаточных условиях эпистемического обоснования приписывания данного эпистемического статуса данному убеждению. Именно так. Мы не обязаны каждый раз говорить о «знании» и полагать, что вопрос об эпистемическом обосновании всегда привязан исключительно к классическому определению знания. Допустим, вы фаллибилист (Ч. Пирс, В. И. Ленин, К. Поппер, У. Куайн и др.), а значит желаемый максимальный эпистемический статус убеждения, который вы, как правило, обсуждаете, говоря об эпистемическом обосновании в конкретной практической ситуации, – точно не то самое платоновское «знание». Не говоря уже о том, что само понятие «эпистемическое обоснование» по определению применяется для обсуждения любых эпистемических статусов, включая «негативные» [см., например: Chisholm, 1989, ch. 2]. Как отмечают Э. Кони и Р. Фелдман: «... доксистическая установка (doxastic attitude) [эпистемический статус] D по отношению к пропозиции p является эпистемически обоснованной для S в t , если и только если обладание (having) D отвечает (fits) данным, которые есть у S в t » [Conee, Feldman, 1985, p. 15]. Все дело в «качестве» данных. Более «сильные» данные дают возможность обосновать более «сильный» эпистемический статус. «Негативные» статусы и классическое «воздержаться от суждения» также требуют обоснования данными. Естественно, с самого начала, эвиденциализм – это интерналистская концепция, и, как следствие, «обоснованность эпистемического статуса супервентна (strongly supervenes) случающимся (occurrent) и диспозиционным ментальным состояниям, событиям и условиям» [Conee, Feldman, 2004, p. 56]. Данные, которые есть у S в t , должны быть «когнитивно доступными» (cognitively accessible). В каком-то смысле мы говорим о вполне определенной метафизической картине, которая скрывается за таким представлением об эпистемическом обосновании. Эпистемическое обоснование является следствием наличия когнитивно доступных ментальных состояний. Как отмечает Х. Вахид: «В отличие от истины, обоснование – это всегда некоторая перспектива, определяемая относительно данных, доступных субъекту. Если убеждение истинно, то оно истинно всегда. Но обоснование зависит от эпистемических обстоятельств (circumstances), в которых находится субъект. Субъект может быть не обоснован в принятии убеждения в t_1 , например, поскольку у него нет релевантных данных. И то же самое убеждение может считать обоснованным в t_2 . И именно такой характер эпистемического обоснования является тем, что не допускает (obviates) превращение эпистемического обоснования в истину» [Vahid, 2003, p. 85].

На первый взгляд, это замечание всего лишь повторяет простую истину, что второе (или первое, если у вас «условие истинности» стоит на первом месте) и третье условия – это разные условия. Однако, на наш взгляд, тут может скрываться один важный момент, вызванный пониманием различия в указании на достаточность «эпистемического обоснования» для приписывания данного эпистемического статуса для данного убеждения, и в оценивании приписывания эпистемического статуса с точки зрения принятого представления об «эпистемической рациональности».

Эпистемическое обоснование по определению должно иметь нормативное измерение (или нормативный контекст). В данном случае нужно развести вопросы *активности*, которую проявляет субъект для того, чтобы «сконструировать» эпистемическое обоснование (и именно с этим вопросом мы и свяжем норму приписывания того или иного эпистемического статуса), и вопросы *метафизических оснований*, которые дают саму возможность обоснования. Э. Кони и Р. Фелдман отмечают: «Для любого S , времени t , пропозиции p и любой доксистической установки (doxastic attitude) в отношении p , которую S может принять, верно, что если данные в t поддерживают (support) p , то S эпистемически должен (ought) принять установку по отношению к p , которая поддерживается данными, которые есть у S в t » [Conee, Feldman, 2004, p. 185]. Суть замечания в том, что принимаемая «доксистическая установка» должна быть установкой, которая эпистемически обоснована имеющимися данными. При этом это «долженствование» вполне логично понимается в терминах тех установок (или эпистемических статусов), которые *рационально* принять на основании анализа имеющихся данных. Эпистемический статус (или установку), который должно рационально принять, определяется «когнитивно доступными» для S данными: «... принимая (или сохраняя) установку по отношению к пропозиции p , субъект максимизирует эпистемическое значение (value) посредством принятия (или сохранения) рациональной установки по отношению к p » [Ibid]. Вместо того, чтобы продолжать разговор об активности субъекта, который «конституирует знание», мы можем обратиться к обозначенной «метафизической картине». Она, как мы видим, акцентирует внимание на доступности данных. Конечно, представление о «доступности данных» играет важную роль и в принятии решения, какой эпистемический статус рационально (или нет) принять в данном случае для данного убеждения. Однако, вопрос может быть не в том, например, максимизируем ли мы по ходу приписывания эпистемического статуса ту или иную заранее выбранную субъектом «эпистемическую ценность», а в том, какой именно случай приписывания эпистемического статуса мы выбираем как образец, по которому строим «рациональность»? На наш взгляд, тот факт, что большинство авторов, так или иначе, нацелены на то, чтобы говорить о «знании», мешает тому, чтобы увидеть всю полноту картины. Естественно, когда мы говорим об эпистемических данных, которые приписывают эпистемический статус «знание» (который сам по себе по определению является «недостижимым» исключительным статусом), то в этой ситуации кажется правильным говорить о «рациональности» соотношения данных и приписывания статуса в смысле максимизации, наперед заданной «эпистемической ценности». Здесь мы изначально оперируем абстрактными объектами (пропозиция, награжденная статусом «знание», данные, т. е. другие пропозиции, которые используются для обоснования приписывания именно статуса «знание», «эпистемическая ценность», как правило, истина, и т. д.), и поэтому

построение идеализированного представления, которое всегда дает то, что нужно, не вызывает сомнений. Но что если мы будем говорить о других, менее «сильных» эпистемических статусах? Например, статус «за рамками обоснованного сомнения» (*beyond reasonable doubt*) не является «недостижимым» (таким как платоновское «знание») и, более того, активно используется на практике. Если верить аллюзиям на реальную юридическую практику в рамках прецедентной системы права, на которые опирается Р. Чизолм, приводя свою систему эпистемических статусов [Chisholm, 1989, ch. 2]. Можно ли в данном случае, например, имея в виду данные, которые используются для обоснования приписывания статуса «за рамками обоснованного сомнения», вообще говорить о том, что мы можем апеллировать к достаточно строгой идеализированной системе правил, которые и будут репрезентировать для нас «эпистемическую рациональность»? Это открытый вопрос.

Работать со «знанием», с данными, обосновывающими статус «знание», и на этом основании рассуждать об «эпистемической рациональности», в каком-то смысле намного проще, чем работать с другими статусами и рассуждать о моделях «эпистемической рациональности», которые можно построить к ним обращаясь. Более того, у нас есть серьезные сомнения в том, что традиционный дискурс о природе эпистемической рациональности (имеющий в качестве образца рассуждений о приписывании эпистемического статуса именно обоснование приписывания статуса «знание») вообще может пережить отмеченную Дж. Фантлом и М. Макгратом необходимость расширить традиционные представления за счет «прагматических соображений», которые, например, мы должны будем принять во внимание, если согласимся с тем, что для нас, в данном случае, важно то, что именно субъект полагает, что он должен делать в данной практической ситуации. Дж. Стэнли, как контекстуалист, легко может утверждать, что в данном случае «деление на практическую (инструментальную) и теоретическую рациональность является менее четким, чем кому-либо хотелось» [Staley, 2005, p. 2], и в рамках контекстуализма, по-видимому, это будет справедливо¹. Однако, не все согласны с тем, что здесь мы должны рассматривать эпистемическую рациональность как, например, представление о том, что «рациональным является принятие убеждений, приближающих субъекта к истине», как частный случай инструментальной рациональности. И даже, более того, не все согласны с тем, что в данном случае «истинность» как цель, которую ставит перед собой субъект, должна играть существенную роль. Как отмечает Т. Келли: «Инструментальная рациональность предписывает делать то-то и то-то, потому что это действие обещает приблизить нас к определенной, осознаваемой субъектом цели... однако, случаются ситуации, когда у нас могут быть эпистемические основания для того, чтобы принять пропозицию, даже в том случае, если ее принятие не обещает приближения к какой-либо

¹ Не стоит забывать о том, что современный контекстуализм не является классической теорией, обсуждающей «природу знания». Это (тяжкое) наследие лингвистического поворота. Здесь «знание» определяется не как предельный эпистемический статус, которым могут обладать лишь немногие убеждения, а как «указующий» (*indexical*) термин по отношению к выражению, чей семантический контекст (значение) зависит от контекста его использования [см., например: Stanley, 2005]. Выражение «он знает, что лифт сломался», может соответствовать разным пропозициям, в зависимости от моего употребления. И все это существенно отличается от классической дискуссии о природе знания, которую, например, можно найти у Р. Чизолма [Chisholm, 1986]. В нашем случае, мы рассматриваем проблему эвиденциализма (пытаясь определиться с необходимостью учитывать «прагматические соображения») как проблему природы знания, а не проблему приписывания термина «знание».

цели, осознаваемой субъектом» [Kelly, 2003, p. 630]. Эпистемические основания, т. е. данные в пользу *p*, могут существовать (что делает принятие *p* эпистемически рациональным), но их сложно соотнести с какой-либо целью. И эта ситуация намного больше отвечает представлению о том, что мы должны принимать во внимание не только приписывание эпистемического статуса «знание» и работу с соответствующими данными (в этом случае, мы действительно можем согласиться с условной «телеологической» интерпретацией эпистемической рациональности, принимая как цель истину), но и строить свою модель эпистемической рациональности на примере приписывания других статусов.

Таким образом, говоря об эвиденциализме и проблеме того, что «прагматические соображения могут оказать существенное влияние на существование эпистемических фактов», на наш взгляд, у нас есть возможность вообще не обращаться к проблеме эпистемической рациональности. Представление об «эпистемической цели» достаточно сложно зафиксировать так, чтобы исключить аллюзии на другие типы рациональности; есть сомнение в том, что работу со всем многообразием эпистемических статусов (не ограничивая себя «знанием») можно описать в рамках одной системы правил (уже потому, что эта система правил должна оперировать объектами разной природы, – убеждения, получающие статус «знание» и любые другие убеждения); наконец, идея, что прагматические соображения влияют на приписывание эпистемического статуса, сама по себе уже является частью любой концепции эпистемической рациональности, т. к. апелляция к «когнитивной доступности» данных предполагает «практический опыт». В этом смысле, гораздо продуктивнее будет рассмотреть другую часть аргументации, связанную с «оцениванием достаточности эпистемического обоснования для приписывания данного эпистемического статуса для данного убеждения».

Дж. Кванвиг и фаллибилизм

Основной элемент условного «тезиса Фантла-Макграта» – это допущение, что приписывание эпистемического статуса убеждению существенным образом зависит от *практической значимости* обстоятельств, в которых находится субъект. Что если вместо: «эта электричка остановится на платформе Очаково», мы бы рассматривали убеждение « $2 \times 2 = 4$ »? А что если это годовая контрольная по проверке знания таблицы умножения в первом классе? В чем будет разница в анализе этих ситуаций, если мы допускаем, что «добавление прагматических соображений в представление об эпистемическом обосновании делает эвиденциализм ограниченным», и будет ли она? Здесь стоит отметить, что соотношение «знания» и «практики» – это классический вопрос. Сами по себе «прагматические соображения» в самом общем виде всегда включены в представление о знании, например, в том смысле, что выстраивание правильного аргумента это вопрос опыта². И в нашем случае, особенно показательными могут быть рассуждения Дж. Кванвига:

² Не будем забывать, что «обоснование» – это аргумент, т. е. «логически строгая» (предположим, что у нас есть достаточно четкое представление о модальности эпистемического обоснования) последовательность шагов рассуждения. Допущение «прагматических соображений» намекает на то, что мы не можем рассматривать исключительно и собственно эпистемическую модель эпистемической рациональности. И как отмечалось выше, интерпретация «рациональности» в терминах «цели» (стремления

«Большинство аргументов [против эвиденциализма] указывают на ложность обыденного представления об *оценивании* (value) [достоверности] знания. Если вы не можете действовать в соответствии с имеющейся информацией, то насколько хорошим является ваше знание? Не нужно поспешных обобщений. Я могу ответить, что знание ценно уже потому, что является центральной характеристикой, которая делает любую практическую деятельность рациональной ... В случае с поездом [в работе Дж. Фантла и М. Макграта] подчеркивается акцент на риске совершить ошибку. Однако сам по себе акцент на риске совершить ошибку не вносит никакой анти-эвиденциалистский элемент в теорию знания. Привязка акцента на риске совершить ошибку к обладанию знанием всего лишь ведет к осознанию большей субъективности знания. Тут важно посмотреть на факторы, которые влияют на то, какой акцент мы выбираем. Если это акценты, касающиеся практических аспектов ситуации, которая влечет потерю (loss) знания, – это одно, но если акцент касается именно риска совершить ошибку, то очевидный фактор, в данном случае, – это субъективный характер принимаемого решения. И субъективность подобного рода не может быть частью критики эвиденциализма» [Kvanvig, 2011, p. 84]. Дж. Кванвиг намекает на то, что одно дело – попперовский фаллибилизм научного знания и проблема индукции, – это как раз ситуация, в которой «практические аспекты влекут потерю знания», а другое – ситуация, в которой «мы изначально обладали знанием, а потом *в силу сомнения* в самой возможности обладать знанием отказались от него». В первом случае мы подчеркиваем необходимость в практической деятельности работать с убеждениями, эпистемический статус которых весьма далек от идеального «знание». А вот второй случай нам более интересен. Здесь мы подчеркиваем субъективность принимаемого решения. И для того, чтобы показать, почему подобные «сомнения» могут не влиять на наше общее представление об эвиденциализме, нам нужно привести пример ситуации, в которой мы отказываем себе в знании на основании того, что однажды, прибывая в такой же ситуации, уже ошиблись. Именно такая ситуация, на наш взгляд, описывается в скептическом аргументе «от ошибки».

Приведем каноническую формулировку «аргумента от ошибки», как аргумента против эмпирического знания: «Рассмотрим две ситуации: (S1) вы [когда-то] увидели собаку и [заключаете по ряду признаков] говорите: “Это моя собака”, но чуть позже [когда данных становится больше] оказывается, что вы ошибались; (S2) сейчас вы снова видите собаку

к истине, уменьшения количества ошибок и т. д.) – это не лучший ход рассуждений. Тогда, что остается? Один из вариантов – вспомнить, что «обоснование» (и о чем говорил еще Аристотель), это *конечный* процесс. Мы должны позаботиться о том, чтобы на определенном этапе рассуждения мы, наконец, пришли к какому-то конечному (в том числе, демонстрирующему содержательную законченность рассуждения) результату. В каком смысле, когда мы говорим об эпистемическом обосновании, процесс обоснования может быть признан «легитимно законченным»? На практике мы действительно вправе ожидать, что если риск ошибиться достаточно высок, то процесс обоснования не может быть закончен. Законченность обоснования может предполагать, например, что кроме того, что у нас уже есть достаточное множество данных для обоснования, у нас также есть достаточные основания предполагать, что дальнейшее обоснование не приведет к лучшему результату. Эта ситуация аналогичная той, когда вы видите снег за окном и говорите: «Я знаю, что на улице холодно, но я не хочу туда идти, чтобы это проверить». Возвращаясь к рассуждениям Дж. Фантла и М. Макграта, само предположение, что я потенциально могу сколько угодно долго сомневаться в имеющихся данных (если оно является частью условного «тезиса Фантла-Макграта»), вообще не дает возможности зафиксировать критерий «легитимной законченности» рассуждения.

и говорите: “Это моя собака”. Проблема заключается в том, что вы не знали, что это ваша собака в S1, и поскольку ситуация S2 полностью аналогична S1 (как вам кажется, имеющиеся перцептуальные данные одинаково и полностью обосновывают ваше знание и в S1, и в S2), то непонятно, знаете ли вы, что это ваша собака в S2» [Steup, 1996, p. 217]. Скептик утверждает, что до тех пор, пока вы не покажете «релевантную разницу» между ситуациями, вы не можете говорить, что знаете, что это ваша собака в S2. Как преодолевается «аргумент от ошибки»? Его каноническое же опровержение выглядит следующим образом: «[В ситуации S2] общий (total) объем имеющихся данных включает понимание того, что сейчас я знаю, почему в S1 мое убеждение было ложным. Таким образом, говоря, что я знаю в S2, я могу показать релевантную разницу между S1 и S2» [Ibid, p. 218]. В примере, который приводят Дж. Фантл и М. Макграта, у нас не две ситуации – поездка на отдых и поездка на работу, а три. «Поездка на работу» разбивается на две. Воображаемая в сознании субъекта ситуация, которой он не пошел «за новыми данными» и опоздал, и обратная. В обоих случаях приписывание эпистемических статусов убеждению «этот поезд остановится на платформе Очаково» не выходит за рамки эвиденциализма. И там и там приписывание эпистемического статуса происходит на основании множества имеющихся «когнитивно доступных» данных. Речь именно о внутреннем «субъективном» анализе данных. И отличаются эти ситуации именно тем, что субъект интроспективно, на основании имеющегося опыта, разделяет ситуации, в которых он ошибается, и в которых нет. Но это и есть суть скептического аргумента «от ошибки». И поскольку мы специально интерпретируем «тезис Фантла-Макграта» не как проблему изменить «рациональность» эвиденциализма, а как проблему достаточности эпистемического обоснования, то мы можем разделить условные объемы эпистемических данных в двух гипотетических ситуациях: «вчера я не пошел за дополнительными данными и ошибся», и «сегодня я знаю, что вчера я ошибся, а значит мне нужны дополнительные данные». Без «дополнительных данных» во втором случае процесс эпистемического обоснования не будет «легитимно закончен».

Идея Дж. Кванвига о том, что всю проблему «прагматических соображений» можно свести к представлению о «ложности обыденного представления об *оценивании* [достоверности] знания» (принципиально то, что она не является проблемой природы знания, а значит нет необходимости рассуждать о рациональности и критиковать эвиденциализм), естественно, имеет свои плюсы и минусы. В частности, хорошо то, что в данном случае нам может быть не важно то, о приписывании какого эпистемического статуса идет речь. Мы не обязаны все время интерпретировать «доксастическую установку», которая есть у субъекта по отношению к «этот поезд остановится на платформе Очаково», как «знание». С другой стороны, в определенном смысле, здесь мы обязаны принять ту или иную форму фаллибилизма относительно знания. И это может быть проблемой. По сути, вместо обсуждения модели «рациональности», которая связана с эвиденциализмом, мы переходим к обсуждению «рациональности» фаллибилизма, например, как представления о том, что «знать p – это знать p , несмотря на то, что обоснование p не “максимально” [в каком-то смысле]». Как отмечает Д. Льюис: «Мы находимся между Сциллой фаллибилизма и Харибдой скептицизма. Но обе [позиции] сумасшедшие (mad)! Вы говорите, что S знает, что P , но при этом же говорите, что не можете исключить возможность не- P . Это звучит

противоречиво. Послушайте, как это звучит: “Он знает, однако не исключил всех возможностей ошибки”, последовательный (explicit) фаллибилизм звучит неправильно (wrong)» [Lewis, 1996, p. 550]. Да, если перед нами стоит выбор: «фаллибилизм или скептицизм?», то многие выберут фаллибилизм, но вопрос о соответствующей модальности рассуждений, возможно, будет не менее сложен.

Список литературы / Reference

- Chisholm, R. (1989). *Theory of Knowledge*. 3rd ed. Prentice Hall.
- Conee, E., Feldman, R. (1985). Evidentialism. *Philosophical Studies*. Vol. 48 (1). pp. 15-34.
- Conee, E., Feldman, R. (2004). *Evidentialism: Essays in Epistemology*. Clarendon Press.
- Fantl, J., McGrath, M. (2002). Evidence, Pragmatics, and Justification. *Philosophical Review*. Vol. 111 (1). pp. 67-94.
- Kelly, T. (2003). Epistemic Rationality as Instrumental Rationality. *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 66. no. 3. pp. 612-640.
- Kvanvig, J. (2011). Against Pragmatic Encroachment. *Logos & Episteme*. Vol. 2. no. 1. pp. 77-85.
- Lewis, D. (1996). Elusive Knowledge. *Australasian Journal of Philosophy*. Vol. 74. pp. 549-567.
- Stanley, J. (2005). *Knowledge and Practical Interests*. Oxford University Press.
- Steup, M. (1996). *An Introduction to Contemporary Epistemology*. Prentice Hall.
- Vahid, H. (2003). Truth and the Aim of Epistemic Justification. *Teorema: International Journal of Philosophy*. Vol. 20 (3). pp. 83-91.

Сведения об авторе / Information about the author

Головко Никита Владимирович – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г.Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: golovko@philosophy.nsc.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4707-1231>.

Статья поступила в редакцию: 19.08.2023

После доработки: 30.09.2023

Принята к публикации: 30.11.2023

Golovko Nikita – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: golovko@philosophy.nsc.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4707-1231>.

The paper was submitted: 19.08.2023

Received after reworking: 30.09.2023

Accepted for publication: 30.11.2023

УДК 316.7

ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ: ПОСТМОДЕРНИЗМ, КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И МЕДИАДИСКУРС

А. М. Олешкова

Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал)
(г. Нижний Тагил)
oleshkova@bk.ru

Аннотация. Цель статьи – проанализировать возможности и ограничения репрезентации офлайн-культуры в онлайн-пространстве. Как следствие, необходимо охарактеризовать феномен постмодернизма, очертить его границы и ключевые маркеры. Пластичность границ и содержание эпохи постмодернизма обуславливают современного «говорящего субъекта», его взаимоисключающие модели поведения: например, абсентеизм и политизация. Выявлены и охарактеризованы проблемы репрезентации в медиадискурсе, который носит преимущественно квазиполитический характер. Обозначены чувствительные сферы репрезентации: гендерная, расовая, идеологическая. В контексте критической теории и постмодернизма представлены сложности в репрезентации, связанные с тремя факторами: ограниченность языка и символов, предвзятость и субъективность авторов, сложность и многогранность самих явлений культуры. Современное общество – постмодернистское и капиталистическое. В статье использованы методы историко-философского, компаративного анализа и критического дискурс-анализа. Сделан вывод, что свобода для «говорящего субъекта» является декларируемой, а идентичность – множественной и динамичной, что позволяет говорить о проблеме десубъективации социального агента в условиях децентрированной коммуникационной сети и конфликтующих типов репрезентации социокультурного пространства по типу «конструирование» или «отражение».

Ключевые слова: репрезентация, онлайн-культура, офлайн-культура, медиадискурс, контекст, постмодернизма, критическая теория, Франкфуртская школа.

Для цитирования: Олешкова, А. М. (2023). Проблема репрезентации: постмодернизм, критическая теория и медиадискурс. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 4. С. 14-27. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.14-27

THE PROBLEM OF REPRESENTATION: POSTMODERNISM, CRITICAL THEORY AND MEDIA DISCOURSE

A. M. Oleshkova

Russian State Vocational Pedagogical University (branch) (Nizhny Tagil)
oleshkova@bk.ru

Abstract. The purpose of the article is to characterize the possibilities and limitations of the representation of offline culture in the online space. The article uses methods of historical and philosophical, comparative analysis and critical discourse analysis. The specifics and genesis of the concept of “postmodernism” are determined in connection with the need to understand the essence of modern culture, which can be represented as divided into online and offline spaces. The problems of representation in the media discourse, which is predominantly quasi-political in nature, are identified and characterized. The sensitive spheres of representation are indicated: gender, racial, ideological.

In the context of critical theory and postmodernism, the difficulties in representation associated with three factors are presented: the limitations of language and symbols, the bias and subjectivity of the authors, the complexity and versatility of the cultural phenomena themselves. Modern society is postmodern and capitalist. It is concluded that freedom for the “speaking subject” is declared.

Keywords: representation, online culture, offline culture, media discourse, context, postmodernism, critical theory, Frankfurt School.

For citation: Oleshkova, A. M. (2023). The Problem of Representation: Postmodernism, Critical Theory and Media Discourse. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 4. pp. 14-27. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.14-27

Современный человек испытывает влияние лингвистического и визуального поворотов. Новые акценты в культуре и методологии обуславливают обращение к характеристике такого феномена, как постмодернизм, являющегося контекстом и наполнением современности. В отношении данного термина существует многообразие трактовок, в том числе в рамках сопряженных категорий [Горбунова, 2011], приводятся разные варианты точек отсчета и динамики развития обозначенного явления.

Существует версия о начале данного явления с творчества Ф. Ницше, в работах которого ведется активная борьба с идеями рационализма. В более классическом варианте началом данного явления считаются 60–70-е гг. XX в.

Следует выделить следующие грани в осмыслении феномена «постмодернизм» с точки зрения его генезиса и морфологии:

- течение, связанное с художественными практиками, посредством которых происходит отказ от метафизичности; конструктивная критика принципов классического рационализма и традиционных ориентиров метафизического мышления [Емелин, 2010];
- новый этап развития европейской культуры XIX в.; фактически подразумевается период, идущий за Новым временем [Тойнби, 1990; Горбунова 2011];
- преемственность в антропологической традиции, начиная с Сократа, Платона, Августина Блаженного, Гегеля [Hassan, 1987];
- синхронизация философского и социологического смыслов через сведение к общему знаменателю общества постмодернизма и постиндустриального общества [Лиотар, 1998; Белл, 2004].

Интересна точка зрения отечественного исследователя А. Рыкова, рассматривающего постмодернизм через феномен «консерватизм» [Рыков, 2007]. Консерватизм как обобщающая категория позволяет говорить о системных и стабильных качествах состояния культуры. Следует отметить, что параллель «консерватизм – постмодернизм» не является распространенной темой в отечественной гуманитарной науке [Мусихин, 2013, с. 102].

Симптоматично, что в культурологическом смысле термин «постмодернизм» предполагает такой тип мировоззрения, который означает свободу во всем. Постмодернизм можно понимать как направление культуры 60–70-х гг. XX в., отразившее преодоление культурного кризиса современного общества.

Также начало эпохи постмодернизма связывают с выходом работы Л. Фидлера «Пересекайте границы, засыпайте рвы» [Fiedler, 1972]. В работе критикуются авторы предшествующей эпохи модерна (Джойс, Пруст и др.) за их рафинированность, замкнутость

и элитарность идей. Прежде всего, Лесли Фидлер предлагает стереть границы между элитарной и массовой культурой. Примечательно, что впервые призыв Фидлера был опубликован в журнале «Playboy». Помимо новой демаркации между этапами и формами культуры следует отметить особенности новой культуры.

Современная культура строится на принципах двойного кодирования. Показательными являются работы У. Эко, например, «Имя Розы» [Эко, 2014]. Для неподготовленного читателя подобный текст представляет собой захватывающий детектив. Для профессионала – семиотическую реальность, требующую процедуры дешифрования, наполненную многочисленными аллюзиями. Социокультурная реальность становится множественной и подлежит сложной процедуре осмысления, но при этом доступна и простому обывателю.

Новый мир – это смешение реальностей, смешение временных и пространственных континуумов. Так, Майкл Крайтон создает «Парк Юрского периода» – образец технотриллера, в котором ярко переплетены законы разных жанров. Из-под его пера также вышли сценарии «Западного мира», представляющий воедино проблемы технологизации и гуманизации современного миропорядка.

Новая реальность такова, что стирает не только массовое и элитарное, но также чудесное и вероятное. Виртуальное и реальное находятся в сложно различимой плоскости [Делез, Гваттари, 1998, с. 204-205]. Это означает расширение всяческих границ, нарушение канонов, изменение привычных форм и содержания. Такая тенденция заметна в разных видах и жанрах литературы, архитектуры, философии. Лидерство постмодернизма в 1970-е гг. принадлежит как раз архитектуре, в которой предметно отражены тенденции разомкнутости, реализация принципа ризомы. У зданий нет четких границ и форм, возможны любые варианты продолжения. Важными элементами становятся стекло и зеркало, выполняющие функцию двойного агента: одновременно отражают и скрывают реальность.

Философский постструктурализм, прежде всего французский, предоставил важнейшие интеллектуальные ресурсы для развития постмодернизма: Ж. Деррида, Ж. Делез, М. Фуко, Ф. Гваттари, Ю. Кристева. Совокупно представители этого течения выдвинули следующие идеи:

- догм не существует, все предшествующие авторитеты больше не оказывают влияние на умы нового поколения; вера в догмы невозможна по определению;
- должна быть обозначена установка на множественность, зафиксирован распад былого единства, что характерно и для тотальности бытия, и для статуса субъекта: итогом является «распад» или «уничтожение», в конечном счете, «десубъективация» [Фуко, 2005, с. 215];
- для описания явлений и процессов нет универсального языка, происходит взаимопроникновение разных языков, принадлежащих разным контекстам;
- отсутствуют единые законы логики, ранее позволявшие объяснять противоречия мира; нет бинарных оппозиций между такими понятиями, как *след*, *различие*, *письмо*, с одной стороны, *наличие* и *логоцентризм* – с другой [Деррида, 2000, с. 20];
- мир алогичный и рассогласованный; нарушены традиционные грани и пространства, разрываются привычные нити повествования [Кристева, 2003, с. 175].

Следует говорить о ризоматичном мышлении, соответствующем механизму, разобранному в работе «Капитализм и шизофрения» [Делез, 2008]. Шизофреничная модель творчества предполагает возможность увидеть в себе другого.

В этом новом культурном пространстве действуют спонтанные культурные агенты, активность которых может, подобно Интернет-серфингу, менять свои траектории. Для новой культурной ситуации характерно игровое начало, постоянная смена состояний, отрицание всех ранее обозначенных норм (этических, эстетических, методологических). При этом новые условия не формируют общих представлений об эталоне чего-либо. Человек с плохим вкусом – это некоторая норма, с которой соглашается общество, по определению допуская все, что не запрещено. Современное общество и культура характеризуются разрывом между массовым и элитарным. Не случайно считается, что современное арт-пространство наполнено перформансами, хэппинингами, флеш-мобами, вовлекающими в культурные практики разнообразные слои населения. Многие из этих практик ушли в онлайн-пространство, а в своем изначальном виде уже стали классическими и несовременными. Неизменно, что игра представлена через иронию и гротеск – это способы интерпретации современной действительности. Фактически не масса дотягивается до уровня элиты, а элита движется в сторону массовых форм и ценностей.

Постмодернистский взгляд на мир предполагает переосмысление ценностей мира модерна, представленных рациональностью, культом технического преобразования, идеей вечности исторического процесса. 1970-е годы – время ставших очевидными проявлений кризиса в различных сферах: экономической, экологической, истории. Закономерным является вопрос, обозначенный в работе Ф. Фукуямы «Конец истории?». Сегодня Фукуяма иначе отвечает на поставленный ранее вопрос [Фукуяма, 2019].

Если техника начала проникать в мир культуры, то общий *технизм* как ориентир современного общества стал трансформироваться в *вещизм*. Новым отношением сопровождается телесность человека. Легитимизируется культ телесности, что также отражает тенденцию сближения массовой и элитарной культур, в рамках которой физиология, восходя из низовой культуры, становится частью общей культуры. Современность сопровождается новым восприятием времени. Все процессы происходят очень быстро. Человек превращается в прагматика, руководствующегося задачами, понятными и прозрачными, прежде всего, самому себе, построенными на материальных интенциях. При этом материальная, массовая культура помогает субъекту справиться со сложной жизнью. Сериалы, Интернет-пространство формируют территорию эскапизма и гедонистического абсентеизма. Создается новый образ героя. Антагонист, плохой парень – это тот, за кого начинает переживать публика. Показательными являются современные сериалы «Dexter» и «You», в которых антагонист становится протагонистом, которому сопереживает зритель. В неожиданном ракурсе может быть представлен любой субъект, явление или процесс. В современном обществе мало табуированных тем. Десакрализируется все, что в предшествующие эпохи считалось значимым. Смеховая культура отражена в Интернет-мемах, демотиваторах и других частях Интернет-пространства, представленного полимодальными феноменами. Преобладает атмосфера несерьезности и профанирования сакрального: ценностей, власти, устоев, социальных институтов, в конечном счете, самого человека.

Важным оказывается тот факт, что массовая культура не имеет опций по приращению новых смыслов. Законы жанра, банальность сюжета, как одна и та же сказка для ребенка, которую он готов слушать каждый день, формируют устойчивую картину повторяемого бытия, самовоспроизводимого в каждой своей точке. В этом отношении мир постмодерна устойчив и традиционен: констатируя многообразие вариантов, он не порождает нового смысла. В постмодернистском тренде только массовая культура способна сформулировать внятное моральное суждение в условиях массового кино, музыки, искусства. М. Липовецкий определяет ряд признаков постмодернизма, позволяющих понять современную социокультурную ситуацию: интертекстуальность, игра, диалогизм хаоса и порядка [Липовецкий, 1997].

Современная культура представляет собой дискурс, требующий применения стратегий прочтения. Термин «дискурс» – один из самых противоречивых в современной науке. Проблема усиливается, и одновременно сам феномен приобретает большую значимость в связи с тем, что данное понятие несводимо ни к какой одной области, а, напротив, выходит на процессы, осмысляемые философией, социологией, политологией, лингвистикой и другими науками. С одной стороны, дискурс аккумулирует прагматическую составляющую коммуникации и связан с сугубо лингвистическими проблемами, с другой – выходит на вопросы ментальности говорящего социума. Мы понимаем дискурс в рамках условной схемы «текст + контекст».

Реальность в мире постмодерна выражена семиотически и интертекстуально, когда всякий текст в отношении другого текста является именно интертекстом. Если вплоть до эпохи модерна включительно речь могла идти о бессознательной экстраполяции идей, то современность осознанно оперирует разными контекстами, сводя воедино различные эпохи и ценности. Текст становится анонимным и одновременно цитатным. Воображаемое и реальное слабо отличаются, что создает иллюзию со-присутствия всего и всему. Также трудно выделить *субъект*, который растворен в самовоспроизводящихся контекстах. Если даже не абсолютизировать тезис о «смерти автора» [Барт, 1989, с. 384-391], то стоит отметить, что фокус внимания смещается от автора и его сознания к самому тексту. В этой связи эстетика и этика эволюционируют от нормативной к ненормативной ситуации, определяя безграничное своеобразие субъекта, стоявшего за текстом, или его отсутствие. Перефразируя Р. Барта, можно говорить о изначальной «смерти анонима».

Культура карнавала является постмодернистской универсалией. Новая социокультурная ситуация отказывается от принципа мимезиса. Игра связывает автора, текст и читателя. Понятие игры включает в себя разрушение канонов, множественность и релятивность смыслов, активность всех вовлеченных в этот процесс субъектов, что обуславливает деиерархизацию явлений. Смех становится важным приемом, обновляющим сакральные смыслы. Это тенденция особенно проявляется в сетевом языке, новоязе, которым оперирует «говорящий субъект». И Интернет-мемы, и речь в Интернет-комментариях включают в себя целый спектр средств и жанров: англицизмы, неологизмы, олбанский язык, языковую игру, иронию, обценную лексику, язык вражды и др.

Явления хаоса и порядка сопровождаются взаимопроникновением и диалогизмом. Антиномия «хаос – космос» в этой связи позволяет осмыслить особенности постмодернистского мышления и речи. Классическая культура давала возможность субъекту вытеснять деструкцию из своей художественной деятельности в периферийные области,

элементы хаоса были включены в авторскую концепцию, подчинялись ее законам. В постмодернизме хаос вступает в диалог с субъектом, представляя новый синтетический феномен, в котором преодолевается вечная художественная и экзистенциальная антитеза, сближающая гармоничное и хаотичное.

В постмодернизме изменения претерпевает проблема репрезентации, являющаяся ключевой для современного социально-гуманитарного знания, в том числе в контексте дискурсивных и когнитивных исследований. При обращении непосредственно к визуальным и текстовым источникам важным является ряд новых положений проблемы. Еще с позиции гегельянства искусство рассматривалось как способ репрезентации внешнего и внутреннего миров, позволяя одновременно осознать собственную субъектность и внешнюю реальность. Частное и особенное в художественном образе составляет его содержание. «Характерное» включает в себя «определенное чувство, ситуацию, событие, поступок ... тот способ, каким это содержание изображается» [Гегель, 1968, с. 24]. Вместе с тем Гегель понимал ограничения столь абсолютистского подхода, полагая, что не вся истина может быть представлена художественным образом. Популярные и эволюционирующие Интернет-мемы, с одной стороны, оперативно реагируют на изменения социокультурной реальности, с другой – их период существования очень скоротечен. Интернет-мем не может реконструировать абсолютно полную картину мира по тому или иному вопросу. Простой тест: если субъект видит мем и не смеется над ним, или совсем никак не реагирует, для него этот мем не прецедентен.

Традиция постмодернизма определяет проблему смысла через несколько векторов: слияние значения с референтом или детерминированность языком. При том, что второй вариант тяготеет к классической интерпретации смыслов, постмодернисты отдают предпочтение идее конвенциональных и произвольных связей между означающим и означаемым. Необходимо было разорвать неестественное единство формы и содержания. С одной стороны, постмодернистские трактовки не позволяют утверждать, что мир можно подвергнуть репрезентации, но, с другой стороны, все есть репрезентация [Рыков, 2007, с. 96, 97, 100, 101]. При этом акцентирование внимания на концепции должно происходить через перцепцию, т. е. реципиент должен понимать транслируемые смыслы, во-первых, через ощущения, во-вторых, в контексте. Именно контекст начинает играть первичную роль в сравнении с самим артефактом. Отказ постмодернистов от единого языка и призыв учитывать и соединять множество языков был связан с восприятием языковой системы как тоталитарной и в определенной степени опередил акцент на полимодальности современной культуры. Важную роль играет карнавальная процесс, смеховая культура, переосмысление категории хаос и особый статус смысла в контексте плюрализма мнений. Преломление этих постмодернистских черт в культуре происходит в формате разных площадок коммуникации (социальные сети, форумы, блоги) и в виде разных источников (Интернет-мемы, демотиваторы, ранее – карикатуры, комиксы).

Таким образом, именно постмодернизм актуализировал проблему полимодальности. Постмодернистская ситуация текста (в широком социокультурном смысле) сопровождается акцентом на новом статусе субъекта (тезис о «смерти автора») и самого текста (тезис «мир – это текст»). «Постмодернизм» можно понимать в следующих смыслах: эпоха, методология

и метод критики культуры, эстетическое направление, социальное явление и отказ от метафизики. Две основные позиции, которые можно сформулировать, исходя из существующих споров о терминах: постмодернизм – это продолжение модерна; постмодернизм закончился, и наступила стадия иных «измов» [Метамодернизм..., 2021].

Обозначенные противоречия генезиса и интерпретации постмодернизма обусловили противоречивость процессов порождения, потребления и интерпретации информации, которые происходят в современном обществе. Постмодернизм связан с поздним капитализмом. Эта связь раскрыта в работе Ф. Джеймисона, идеи которого оказали влияние на творчество С. Жижека и П. Андерсона, представляя собой продолжение развития тезисов Франкфуртской школы. Помимо широкого перечня непосредственно экономических процессов и явлений, Джеймисон упоминает медийный фактор развития капиталистических систем. Постмодернизм в этой связи является своего рода культурной модальностью капитализма, эпифеноменом. Постмодернизм в эпоху капитализма – это иллюзия множества интерпретаций и открытости. Отвергая идею единого истинного значения, признается идея множественности. Это отражается на процессе коммуникации, где каждый индивидуум может иметь свою собственную версию истины и свою собственную интерпретацию сообщений. При этом следует учесть обратную сторону информационных технологий, которая связана с коммерциализацией, искажением истины и манипуляцией. Постмодернизм – индикатор культурной логики развития капитализма. В результате исчезает не только референция и значение, но сама реальность и ее смысл представляют собой набор случайных означаемых и означающих, совокупность «несвязанных друг с другом подсистем» [Джеймисон, 2019, с. 661].

Современная культура, с одной стороны, вполне четко разделена на онлайн- и офлайн-пространства. Онлайн-культура – культура, развивающаяся в онлайн-среде, включает в себя социальные сети, социальные медиа, блоги, форумы и другие Интернет-платформы. С другой – сегодня стоит констатировать тот факт, что современный человек большое количество времени проводит именно в онлайн-пространстве. Как следствие, разделить эти модусы (онлайн – офлайн) не так просто. Репрезентация относится к способам представления и интерпретации мира через язык, символы, знаки. Ограничения в механизмах репрезентации можно объяснить различными факторами, в частности, связанными с субъектом, языком, который субъект использует, а также темой, которая излагается на данном языке. Для понимания специфики современного общества и процесса репрезентации важно обратиться к феномену медиадискурса, в котором современный человек заявляет о себе и интерпретирует Других.

К медиадискурсу относится совокупность нарративов в медиа, созданных для передачи информации и формирования общественного мнения. При обозначенном выше гедонистическом абсентеизме, контрастным феноменом является нарастающая политизация современной культуры. Культура в этой связи выступает как маркер состояния общества (в том числе политическая культура, ее уровень). В упрощенном виде продукты медиадискурса можно поделить на три большие группы: развлечение, профессиональные знания и политика. Анализ социальных медиа, прежде всего Интернет-комментариев к постам, свидетельствует о том, что «говорящие субъекты» могут перевести самые далекие от политики темы в политическую плоскость, точнее квазиполитическую. Язык медиадискурса носит преимущественно квазиполитический характер, вовлекая политику

в разные контексты: спорт, музыка, социальные институты, др. Эти и другие темы обсуждаются не только в «чистом» виде, но и в рамках разговора о традициях, образе государств, морали, нациях, нормальности и т. д. Кроме того, о политическом характере медиадискурса свидетельствуют следующие его опции: влияет на общественное мнение, представляя определенную идеологию; является платформой для политических партий и отдельных политиков; медиа взаимодействуют с политическими институтами, играют важную роль в общественном контроле и участвуют в формировании гражданской позиции по ключевым вопросам современности – иммиграция, социальная справедливость, неравенство, коррупция, экономические проблемы и др.

Медиадискурс использует язык и символы для формирования идеологий и систем ценностей. Культуриндустрия, описанная Франкфуртской школой [Хоркхаймер, Адорно, 1997, с. 149-209], представлена разными секторами (кино, телевидение, музыка, издательство, реклама, а сегодня еще Интернет, который включает в себя все то же самое и еще мощный локализованный и одновременно рассредоточенный сектор коммуникации), определяя господствующую идеологию потребления. Через этот фильтр проходит любая репрезентация в медиадискурсе.

Культуриндустрия – это часть капиталистической системы и служит целям контроля и манипуляции общественным сознанием. Она создает и продвигает определенные идеологии, стереотипы и образы, которые соответствуют интересам доминирующих социальных и экономических групп. Составные элементы культуриндустрии, которые можно назвать культурными товарами, поддерживают определенные ценности, паттерны поведения. В этой связи, с одной стороны, квазиполитичность, действительно, не означает истинную политизированность, построенную на академическом знании. С другой стороны, существуют противоречия и напряжения внутри культуриндустрии, которые могут обусловить проявление критических идей, т. е. создать возможность альтернативного потребления. Условно разница между просмотром сериалов на телевидении или по подписке Кинопоиск или Netflix. Наличие / отсутствие альтернативы не говорит в пользу исчезновения идеологии потребления как части капиталистической системы.

Контроль и манипуляция, «вшитые» в ткань культуриндустрии, транслируют определенные образцы поведения, стереотипы. Культуриндустрия формирует условия для репрезентации различных социальных групп и идей.

Ограниченность языка и символов влияет на трансляции замысла автора, что делает репрезентации неточными. Ограничения, порожаемые институтами, работают как фильтры. Кроме того, в любой культуре существуют табуированные темы [Лиотар, 1998, с. 49]. Это важно подчеркнуть особенно с учетом того, что современное общество – капиталистическое и постмодернистское одновременно. Но радость от товаров не обязательно внушаема вещами [Джеймисон, 2019, с. 58]. Неоспорима роль языка в формировании культурных значений, и этот процесс всегда идет с издержками. Вещи не всегда удается «блистать» при редуцировании знака. Репрезентант оказывается репрезентацией, и этот процесс будет бесконечным. Репрезентация чужда интуитивной очевидности [Деррида, 2000, с. 171]. В условиях культуриндустрии, которая является контекстом для «говорящего субъекта», бесконечность сводится к конкретным модусам операнди, поэтому варианты потребления есть, но они остаются потреблением, в котором

субъектность «говорящего субъекта» остается под вопросом. Вполне конкретным перечнем являются и сами ограничители, следствия репрезентации, прошедшей через фильтры культуриндустрии: стереотипы, предубеждения, дискриминация, стигматизация. Закономерно сложными и искаженными представляются отображения следующих концептов: гендер, религия, раса, идеология. В этой связи следует отметить методологию критического дискурс-анализа, направленную на выявление отношений скрытого доминирования в языке: в диапазоне от официального текста до повседневной речи [Дейк, 2013]. Сведения о происходящих событиях в мире «говорящий субъект» потребляет и высказывается по их поводу на основе «медиафактов». Под этим понятием подразумевается событие, соответствующее одному из двух критериев или одновременно обоим критериям: специально отобранное для потребления в том или ином ресурсе (социальная сеть, группа, телеграмм-канал и др.) в связи с идеологической основой самого ресурса; отражающее псевдособытие, искажающее положение вещей полностью или частично. Последняя трактовка отражает идеи критической традиции, выраженной как в философском и социологическом направлениях, так и в лингвистическом. В одном и том же случае, обсуждая одну и ту же тему, могут применяться средства «высвечивания» и «затемнения» отдельных аспектов этой темы [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 97; Дейк, 2013, с. 263].

Оптика постмодернизма и критической теории подвергает сомнению единство и непротиворечивость репрезентации, утверждая, что она всегда субъективна и зависит от контекста. В конечном счете репрезентация оказывается разнородной, отражает различные интересы и властные структуры. При этом «власть» следует понимать в категориях философии Мишеля Фуко: рассредоточенной, имеющей разные точки порождения, фактически она повсюду [Фуко, 1996, с. 193], власть отошла от стратегии использовать только лишь административный ресурс. Упрощая, можно привести примеры редакторской политики того или иного издания, идеологии того или иного кинофильма [Жижек, 2017], идеологической позиции стриминговых сервисов. В этой связи можно привести в пример дискуссии относительно включения образа чернокожей Русалочки Disney. Также не нужно забывать правовые нормы регулирования медиадискурса и культуриндустрии в целом – это отдельный механизм, который также следует учесть. Офлайн-культура влияет на развитие онлайн-культуры, определяя ее ценности и нормы (моральные и правовые). Онлайн-культура репрезентирует офлайн-культуру, а также привносит новые идеи и культурные практики. Как правило, оценки, которые транслируют и ретранслируют «говорящие субъекты», можно свести к двум типам репрезентаций: конструирование и отражение [Федосеева, 2016; Кузнецова, 2019]. Если «отражение» позволяет верифицировать ретранслированную информацию, то при «конструировании» возможны разного рода искажения информационного поля: исключение референта, произвольное наделение субъекта статусом референта, расширение или сужение события, включение конспирологических теорий и другие приемы, меняющие дискурс. И коммерческие интересы, и политическая манипуляция влияют на медиадискурс, акцентируя предвзятость и ограничения информации, представляемой в медиа. Хабермас в работе «Структурные изменения общества» обращается к истории понятия

«репрезентация» через Г. Гадамера, ссылаясь на христианскую и правовую традицию, и отмечает, что это не только и не сколько «отображение», сколько «изображение» [Хабермас, 2016, с. 55], репрезентант зависим от идеи репрезентации. Исследуя роль медиа в формировании общественного мнения и их манипулятивный ресурс, следует учитывать и культурный, и институциональный контексты [Хабермас, 2016, с. 27], а также сами СМИ и «говорящего субъекта».

Таким образом, эпоха постмодернизма закономерным образом сопровождается противоречивыми оценками. Симптоматичными являются противоречия и самого современного общества, которое можно вписать в двойственный концепт «постмодернизм – капитализм» (с возможной ремаркой: поздний, национальный, др.). Медиадискурс – часть онлайн-культуры, представленной СМИ и реакцией «говорящих субъектов». «Говорящий субъект» является анонимным автором медиадискурса, при этом зависим от него. Репрезентация как процедура, связующая онлайн- и офлайн-пространство, ограничена рядом факторов, которые рефлексировались на уровне самих философов-постмодернистов (вариант интроспекции, с учетом пребывания в анализируемом времени) и в работах представителей критической традиции, в частности, Франкфуртской школой (попытка стороннего наблюдателя, однако так же не лишённого субъективизма, с учетом изначальной установки на заведомую манипулятивность любого дискурса, что проявляется в традиции критического дискурс-анализа). В целом, сложности репрезентации связаны с ограниченностью языка и символов, субъективностью и предвзятостью авторов, а также сложностью явлений, по поводу которых высказывается «говорящий субъект». Теоретики постмодернизма и Франкфуртской школы обращают внимание на эти сложности и предлагают критический анализ и осознание ограничений репрезентации. В условиях коммуникации в Интернет-пространстве репрезентация и идентичность «говорящего субъекта» оказываются тесно связанными и взаимно обусловленными. С одной стороны, репрезентация является способом, которым субъект представляет себя Другим, а идентичность относится к тому, кем на самом деле является субъект. С другой стороны, в условиях массовой культуры существует тенденция потери индивидуальности и десубъективации. Анонимный субъект, высказывающийся на актуальную тему в Интернет-пространстве, не обладает монолитной идентичностью и способен менять оценки в зависимости от типа репрезентации: конструирование или отражение. В обоих случаях не субъект порождает репрезентации, а репрезентации лишают «говорящего субъекта» субъектности. Такая логика вписывается в разные интерпретации критической традиции: Мишель Фуко (дискурсивные практики и властные отношения определяют, какие идеи, знания и представления считаются правильными и допустимыми), Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер (культурная индустрия создает стандартизированные и массовые формы культуры, которые ограничивают индивидуальность и самовыражение), Фредерик Джеймисон (логика рынка усиливает процесс десубъективации, который приводит к тому, что субъекты становятся объектами воздействия и манипуляции в эпоху постграмотности). Симптоматично, что в современном медиапространстве сложными и противоречивыми представляются дискуссии «говорящих субъектов» относительно таких концептов, как идеология, гендер, раса, этнос, нация и других феноменов, которые сочетают академические и бытовые измерения, а также вписываются в актуальную медиаповестку. Онлайн- и офлайн-культура пребывают в тесном взаимодействии и в условиях

децентрализованной коммуникации с многообразием горизонтальных связей представляют собой единую систему, в каждой из частей которой могут формироваться медиаповоды с последующей их трансформацией и разными типами перехода: из онлайн в офлайн и наоборот (эволюция интернет-мемов, прецедентных фраз, закрепление новояза в медиaprостранстве и в повседневной речи).

Список литературы / References

Барт, Р (1989). *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс.
Bart, R (1989). *Selected works: Semiotics. Poetics*. Moscow. (In Russ.)

Белл, Д. (2004). *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. М.: Academia.

Bell, D. (2004). *The coming post-industrial society. The experience of social forecasting*. Moscow. (In Russ.)

Гегель, Г. В. Ф. (1968). *Эстетика*. В 4-х т. Т. 1. М.: Изд-во «Искусство».
Hegel, G. V. F. (1968). *Aesthetics*. In 4 vols. Vol. 1. Moscow. (In Russ.)

Горбунова, Л. И (2011). Постмодерн как тенденция развития культуры XX века. *Вестник МГТУ*. Т. 14. № 2. С. 265-271.

Gorbunova, L. I. (2011). Postmodernity as a trend in the development of culture of the XX century. *Bulletin of the Moscow State Technical University*. Vol. 14. no. 2. pp. 265-271. (In Russ.)

Делез, Ж., Гваттари, Ф. (1998). *Что такое философия?* М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя. (Серия «Gallicinium»).

Deleuze, J., Guattari, F. (1998). *What is philosophy?* Moscow. St. Petersburg. (“Gallicinium” series). (In Russ.)

Делез, Ж. (2008). *Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория.
Deleuze, J. (2008). *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. Ekaterinburg. (In Russ.)

Деррида, Ж. (2000). *О грамматологии*. М.: Ad Marginem.
Derrida, J. (2000). *About grammatology*. Moscow. (In Russ.)

Джеймисон, Ф. (2019). *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Jamison, F. (2019). *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Moscow. (In Russ.)

Жижек, С. (2017). *Киногид извращенца*. Екатеринбург: Гонзо.
Zizek, S. (2017). *Perverter's movie guide*. Ekaterinburg. (In Russ.)

Емелин, В. А. (2010). Лабиринты постмодернизма: идентификация ускользающего смысла. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. Т. 28. № 3. С. 65-75.

Emelin, V. A. (2010). Labyrinths of Postmodernism: identification of the elusive meaning. *State, religion, Church in Russia and abroad*. Vol. 28. no. 3. pp. 65-75. (In Russ.)

Кристева, Ю. (2003). *Силы ужаса: эссе об отвращении*. СПб.: Алетейя.

Kristeva, Yu. (2003). *The Forces of horror: an Essay on disgust*. St. Petersburg. (In Russ.)

Кузнецова, Н. В. (2019). Отражение и конструирование действительности медиадискурса во внешней политике России (на материале французской периодики). *Вопросы общего языкознания, семасиологии и лингвистики текста*. Отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т. С. 122-127.

Kuznetsova, N. V. (2019). Reflection and construction of the reality of media discourse in Russia's foreign policy (based on the material of French periodicals). In Kormilina, N. V., Shugaeva, N. Y. (eds.). *Questions of general linguistics, semasiology and linguistics of the text*. Cheboksary. pp. 122-127. (In Russ.)

Липовецкий, М. Н. (1997). *Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики)*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т.

Lipovetsky, M. N. (1997). *Russian postmodernism. (Essays on Historical Poetics)*. Ekaterinburg. (In Russ.)

Лакофф, Дж., Джонсон, М. (2004). *Метафоры, которыми мы живем*. Ред. и предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС.

Lakoff, J., Johnson, M. (2004). *Metaphors that we live by*. Baranov, A. N. (ed., preface). Moscow. (In Russ.)

Лиотар, Ж. Ф. (1998). *Состояние постмодерна*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. (In Russ.)

Liotard, J. F. (1998). *The state of postmodernity*. Moscow. St. Petersburg. (In Russ.)

Мусихин, Г. И. (2013). *Очерки теории идеологии*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Musikhin, G. I. (2013). *Essays on the theory of ideology*. Moscow. (In Russ.)

Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма. (2021). Под ред. Р. ван ден Аккера, Э. Гиббонс, Т. Вермюлена. Пер. с англ. В. М. Липки. Вступ. ст. А. В. Павлова. М.: Рипол-Классик.

Van der Acker, R., Gibbons, E., Vermeulen, T. (eds.). (2021). *Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism*. Lipki, V. M. (transl.), Pavlov, A. V. (introd.). Moscow. (In Russ.)

Рыков, А. В. (2007). *Постмодернизм как «радикальный консерватизм»: проблема художественно-теоретического консерватизма и американская теория современного искусства 1960–1990 гг.* СПб.: Алтея.

Rykov, A. V. (2007). *Postmodernism as “radical conservatism”. The Problem of Artistic and Theoretical Conservatism and the American Theory of Contemporary Art 1960–1990.* St. Petersburg. (In Russ.)

Тойнби, А. (1990). *Постижение истории.* М.: Прогресс.

Toynbee, A. (1990). *Comprehension of history.* Moscow. (In Russ.)

Федосеева, Е. В. (2016). *Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе (по материалам статей о России в современных англоязычных средствах массовой информации): дис. ... канд. филол. наук.* Иркутск.

Fedoseeva, E. V. (2016). *Cognitive Mechanisms of Discursive Construction of Reality in Media discourse (Based on Articles about Russia in Modern English-language Mass media).* Candidate's thesis. Irkutsk. (In Russ.)

Фуко, М. (1996). *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет.* М.: Касталь.

Foucault, M. (1996). *The Will to Truth. Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of different years.* Moscow. (In Russ.)

Фуко, М. (2005). *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью.* Ч. 2. М.: Праксис.

Foucault, M. (2005). *Intellectuals and Power. Selected Political articles, Speeches and Interviews.* Part 2. Moscow. (In Russ.)

Фукуяма, Ф. (2019). *Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия.* М.: Альпина Паблишер.

Fukuyama, F. (2019). *Identity. The desire for Recognition and the Policy of Rejection.* Moscow. (In Russ.)

Хабермас, Ю. (2016). *Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества.* М.: Весь Мир.

Habermas, Yu. (2016). *Structural Change of the Public Sphere: Research on the Category of Bourgeois Society.* Moscow. (In Russ.)

Хоркхаймер, М., Адорно, Т. (1997). *Диалектика просвещения, философские фрагменты.* М.-СПб.: Медиум, Ювента.

Horkheimer, M., Adorno, T. (1997). *Dialectics of enlightenment, philosophical fragments.* Moscow. St. Petersburg. (In Russ.)

Эко, У. (2014). *Имя розы*. М.: АСТ: CORPUS.

Eco, U. (2014). *The name of the rose*. Moscow. (In Russ.)

Fiedler, L. (1972). *Cross the Border – Close the Gap*. N.Y. Stein and Day.

Hassan, I (1987). *The Postmodern Turn: Essays in Postmodern Theory a Culture*. Columbus. Ohio State University Press.

Сведения об авторе / Information about the author

Олешкова Анна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Российского государственного профессионально-педагогического университета (филиал), г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57; e-mail: oleshkova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8542-6067>

Статья поступила в редакцию: 20.08.2023

После доработки: 30.09.2023

Принята к публикации: 20.10.2023

Oleshkova Anna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences of the Russian State Vocational Pedagogical University (branch), Nizhny Tagil, Krasnogvardeyskaya Str., 57; e-mail: oleshkova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8542-6067>

The paper was submitted: 20.08.2023

Received after reworking: 30.09.2023

Accepted for publication: 20.10.2023

УДК 1(091)

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И МЕССИАНСКОЕ ВРЕМЯ

К. А. Родин

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
rodin.kir@gmail.com

Аннотация. В статье намечено новое прочтение поздних религиозно-философских и художественных текстов Толстого с опорой на понятие и темпоральную структуру мессианского времени и жизни в мессианское время. Понятие мессианского времени заимствовано преимущественно из работы Джорджо Агамбена «Оставшееся время». Из структуры мессианского времени переопределено понятие трансцендентального сюжета в применении к поздней прозе Толстого. Намечено новое понимание непротивления злу силой с учетом критической полемики русских религиозных философов.

Ключевые слова: Толстой, Агамбен, мессианское время, призвание, трансцендентальный сюжет, русская религиозная философия, непротивление злу.

Для цитирования: Родин, К. А. (2023). Лев Толстой и мессианское время. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 4. С. 28-40. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.28-40

LEO TOLSTOY AND THE MESSIANIC TIME

K. A. Rodin

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
rodin.kir@gmail.com

Abstract. The article outlines a new reading of Tolstoy's late religious, philosophical and artistic texts, based on the concept and temporal structure of messianic time and life in messianic time. The concept of messianic time is borrowed primarily from Giorgio Agamben's «The Time That Remains: A Commentary on the Letter to the Romans». From the structure of messianic time, the concept of a transcendental plot is redefined as applied to Tolstoy's late prose. A new understanding of non-resistance to evil by force is outlined, taking into account the critical polemics of Russian religious philosophers.

Keywords: Tolstoy, Agamben, messianic time, calling, transcendental plot, Russian religious philosophy, non-resistance to evil.

For citation: Rodin, K. A. (2023). Leo Tolstoy and the Messianic Time. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 4. pp. 28-40. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.28-40

0. Я бы хотел задать общий внешний контекст настоящей статьи. Неприятие позднего Толстого в среде русских философов известно. Почти наугад приведу некоторые характерные оценки.

Георгий Васильевич Флоровский:

«В... ригористическом нигилизме... религия Толстого»;

«...не умеет объяснить происхождение жизненной нечистоты и неправды»;

«...слишком просто отрицает культуру и историю как нечто недолжное и потому несправедливое»;

«...слишком упрощает реальность зла»;

«...несоответствие между агрессивным максимализмом социально-этических обличений и отрицаний и крайней бедностью положительного нравственного учения» [Флоровский, 2000, с. 681].

Николай Александрович Бердяев:

«...никогда не понимал общественных форм борьбы со злом и общественных форм творческого созидания жизни и культуры, ... не чувствовал личности»;

«...не видит никакого лица»;

«...просто слеп и глух, ... в дохристианской эпохе»

«...религия благодати чужда и неизвестна»;

«...не ведает иррациональной стихии зла»;

«...отрицает бездонную и иррациональную тайну зла, моральный максимализм»;

«...не знает трагедии личности – трагедии зла и греха»;

«...грубый рационалист в отношении к догматам, ... был одержим грубым и элементарным рационализмом»;

«...никогда не встречается с христианством»;

«...ничего общего не имеет с христианским сознанием» [Бердяев, 2000, с. 246, 248-250, 259-260].

Семен Людвигович Франк:

«Сочетание догматического морализма с индивидуализмом»;

«...противоречие между личным совершенствованием и общественной деятельностью» [Франк, 2000, с. 304-305].

Николай Федорович Федоров:

«...многогрантный художник и ремесленник и совершенно бесталанный философ, ... панегирист смерти – величайший лицемер нашего времени» [Федоров, 2000, с. 195].

Намеренно оставляю оценки без аргументов. Аргументы давно реконструированы во вторичной литературе. И в известной степени аргументы недействительны вне религиозного контекста и служат скорее оправданием вместо обоснования. Непосредственное содержание статьи должно продемонстрировать характер непонимания Толстого русскими религиозными философами.

В статье я бы хотел распространить понятие мессианского времени на поздние художественные и религиозные тексты Толстого.

Понятие мессианского времени воспроизводится с опорой на книгу Агамбена «Оставшееся время». В русском тексте принят вариант «мессианическое время». Я не меняю перевод и одновременно предпочитаю «мессианское время». Поэтому в статье встречаются два варианта без различия в содержании.

Новый Завет цитируется по тексту книги Агамбена.

1. Комментарий Агамбена на Послание к Римлянам апостола Павла в книге «Оставшееся время» возьмем в качестве пролегоменов к понятию мессианского времени [Агамбен, 2018]. «Оставшееся время» (*ho nun kairos*) (I Кор. 7:29) как особую форму

(мессианского) времени или особую темпоральную структуру трудно отделить от иудейско-мессианского контекста Посланий Павла: для Павла оставшееся время является «мессианической ситуацией *par excellence* единственным реальным временем» [Там же, с. 15]. Мессианическая жизнь (подразумевающая некоторые способы действия или не-действия) как жизнь-после-прихода-мессии и жизнь внутри формы мессианского времени кратко определена Павлом в I Кор. 7:29-32. Вначале нужно ввести понятие призвания.

Призвание (*klēsis*) и другие производные от *kaléō* (звать) слова «выполняют важнейшую функцию в определении мессианической жизни». Агамбен останавливается на Послании к Коринфянам апостола Павла (I Кор. 7:17-22): новое призвание не замещает предшествующее социальное положение, прошлое призвание; не нужно менять необрезание на обрезание; не нужно менять рабство на свободу; новое призвание не замещает старое призвание и поэтому не совпадает с каким бы то ни было новым социальным, религиозным, культурным, политическим статусом; «в Господе призванный раб есть освобожденный Господом и призванный свободным есть раб мессии» [Агамбен, 2018, с. 32]. Призвание к жизни-в-мессии лишает прошлое призвание силы, аннулирует, делает недействительным и неважным: «Обрезание ничто и необрезание ничто». Одновременно (поддерживаемое законом) различие между евреем и гоем или рабом и свободным становится недействительными. Аналогично евангельская притча про доброго самаритянина при определенном прочтении устраняет различие между ближним и не-ближним в любом возможном социально-политическом контексте. Вернемся к I Кор. 7:29-32: время сжалось. Оставшееся время, чтобы «и имеющие жен как не имеющие были, и плачущие как не плачущие, и радующиеся как не радующиеся, и покупающие как не владеющие, ... ибо проходит образ мира сего». Агамбен расценивает процитированный пассаж в качестве наиболее строгого определения мессианической жизни: мессианская жизнь есть жизнь «как не ...» («*hos tē ...*»). Такова «формула мессианической жизни и предельный смысл *klēsis*. Призвание ни к чему не призывает и никуда не зовет: по этой причине и может совпасть с фактическими условиями». Совпадение с фактическими условиями есть одновременно безоговорочное отозвание любых фактических условий и лишение силы любых социально-политических различий [Там же, с. 37]. Агамбен переводит *ekklēsia* как мессианическое сообщество или сообщество призванных и настаивает на невозможности понимать *ekklēsia* в каком-либо специальном социально-политическом отношении: вместо церкви как сообщества верующих получаем сообщество призванных к мессианической жизни или к жизни в мессианическом времени (и никак ничем другим сообщество не определяется). Мессианическое призвание лишено собственного содержания и действует только в форме «как не» посредством ненасильственного лишения силы различных социально-политических различий и соответствующих призваний. Призвание сопряжено с неотложностью и поэтому есть ненасильственная форма чрезвычайного положения. В свою очередь история продолжается в мессианском времени через отозвание любых призваний и любых различий и таким образом подготавливает конец любых призваний и любых различий.

Итак. Мессианское призвание или жизнь в мессианском времени существует **только как движение** аннулирования (как осуществление *hōs tē*) и лишено отдельного содержания. «Мессианическое призвание является имманентным движением, ... зоной абсолютной неразличимости между имманентностью и трансцендентностью. <...> Означает утрату юридико-фактических свойств и собственности (обрезанный / необрезанный,

свободный / раб, мужчина / женщина) ...» [Агамбен, 2018, с. 40-42]. Помимо жизни-в-мессии для жизни в Мессии нет никакого внешнего определяющего правила. Нельзя «артикулировать что-либо похожее на сознание призванности» вне развертывающегося движения призвания [Там же, с. 50-51].

Агамбен отмечает особое значение притчи в тексте евангельского повествования: «структура притчи неким образом соответствует мессианскому царству». «Слово царствия» (*logos tēs basileías*) требует говорения притчами. В серии евангельских притч «мессианское царствие сравнивается с полем, где вместе растут зерна и плевела, с горчичным зерном, с закваской, со спрятанным в поле сокровищем, с купцом, ищущим жемчужин, с заброшенным в море неводом. Юнгель замечал, что «царствие Божие выражается в притче в качестве притчи, ... [в притче] становится видимым и различие, и близость между царствием Божиим и миром». В притче различие между знаком и означаемым до бесконечности сокращается: царство и образ-сравнение (возвещение или дискурс царствия и царствие как таковое) стремятся к совпадению. «Понимание параболы ... совпадает с пониманием *logos tēs basileías*». Агамбен цитирует Кафку: следование притчам сделало бы вас притчами [Агамбен, 2018, с. 63-64]. Мессианское царство присутствует в притче в качестве притчи. Можно провести аналогию между призванием и притчей. Призвание не предполагает обретения новой идентичности или занятия определенного социального статуса и не выступает в качестве призыва уверовать во что-то. Притча не выступает в качестве простого сравнения между царством и горчичным зерном: в каком-то смысле только изнутри сравнения царство обретает какой-то смысл и в рамках евангельского повествования непредставимо вне говорения притчами.

Остается рассмотреть структуру мессианского времени. Мессианское время совпадает с настоящим. Апостол использует термин «время теперь» (*ho nyn kairós*). Мессианское событие (воскресение) задает начало новому простирающемуся времени теперь. «Наиболее опасное недопонимание мессианской вести» основано на смешении времени конца времен с мессианским временем. Апокалиптик созерцает и мыслит из перспективы конца времен и выступает визионером последнего дня. Напротив, апостол не живет эсхатологическим временем. Мессианское время есть время конца (но не конец времен) или остающееся время между временем и концом времен. После прихода Мессии время «сжимается и начинает кончатся». В отрицательном отношении помимо отличия от эсхатологического времени структура мессианского времени определяется отличием от исторического времени. Историческое или профанное время движется от сотворения мира к мессианскому событию. Потом наступает время осуществления или полного развертывания присутствия Мессии в настоящем вплоть до конца времен [см. подробнее: Агамбен, 2018, с. 86-87]. Сжатие времени предполагает режим чрезвычайного положения: жизнь внутри профанного времени больше не может продолжаться как прежде. Внутри мессианского времени никакое усилие и никакое время не могут быть потрачены иначе как на развертывание призвания и «подготовку» конца времен. «Мессианское время является подвергшейся сжатию частью мирского времени и полностью трансформирует мирское время» [Там же, с. 88]. Подгоняющее хронологическое время (и требующее действовать на опережение) оперативное мессианское время есть время свершения призвания и требует «делать добро» (Гал. 6:10). Агамбен настаивает на невозможности отделить призванного от проживаемого в призвании мессианского времени: апостол неотделим от жизни в Мессии. В положительном же отношении темпоральная структура мессианского времени задается

апостолом через «воскрешение и ... второе пришествие Иисуса в конце времен». Спасение совершилось и одновременно «требует дальнейшего времени для своего подлинного завершения» [Там же, с. 94]. Поэтому мессианское время есть парадоксальным образом сжатый до момента теперь переход между двумя периодами пришествия. Вместе с аннулированием любых призываний и различий мессианское время действует как завершение и исполнение времен. Аналогичную темпоральную структуру можно наблюдать в Евангелии: Евангелие возвещает наступление Царства Божия. Буквальное содержание вести: Царство Божие наступило. Парадоксальным образом оставшееся время необходимо для совершения усилий ради продолжающегося наступления Царства Божия. Царство Божие наступило в продолжающемся возвещении наступления Царства Божия. Мессианское время – когда «... люди готовятся к окончательному прощанию с прошлым в вечности» [Там же, с. 105].

Мы наталкиваемся на стремительное сокращение дистанции (зону неразличимости):

- между жизнью-в-призвании и содержанием призвания;
- между совершающимся в мессианском времени спасением и идеей спасения;
- между царством-в-притче и царством как содержанием притчи;
- между жизнью-в-мессии и верой в Иисуса Мессию.

Вне зоны неразличимости мессианское время перестает быть действительным, реальным, проживаемым временем. И помимо жизни-в-призвании или жизни-в-мессии вместе с уходом из мессианского времени спасение и фигура Мессии дезактивируются в догматических конструкциях и внешним способом заданных предметах веры. «Вера неотделима от полной убежденности в необходимом единстве обещания и реализации» [см. подробнее: Агамбен, 2018, с. 121]. Или: «Не существует никакого содержания веры. Произнести слово веры не означает сформулировать истинные пропозиции о Боге ... Верить в Иисуса мессию не означает верить во что-то, ... попытка Вселенских соборов артикулировать ... содержание веры может ... восприниматься как возвышенная ирония» [Там же, с. 175].

2. Начнем возвращение к Толстому с некоторых цитат из воспоминаний Гольденвейзера. Гольденвейзер по коротким записям старался точно воспроизвести слова Толстого.

«Идеал – только в стремлении к нему»; «в христианских обязанностях нету правила: сделай так или иначе, идеал есть – постоянное приближение к совершенству». «Для меня жизнь – это непрерывное освобождение духовного “я”»; «в этом бесконечном освобождении духовного “я” и есть смысл жизни. Оно и есть жизнь» [Гольденвейзер, 1959, с. 335, 332, 117, 153].

Толстой настаивает на совпадении идеала и стремления к идеалу в послесловии к повести «Крейцера соната». Целомудрие – условие идеала и никак не внешнее правило или предписание для жизни. Идеал «представляется достижимым только в бесконечности и ... поэтому возможность приближения к нему – бесконечна». Окончательное достижение или возможность помыслить окончательное достижение идеала противоречат определению идеала. «Установление царства бога на земле» – идеал Христа; «смысл человеческой жизни заключается в движении по направлению к идеалу, ... стремление к христианскому идеалу ... не только не исключает возможности жизни, но, напротив того, отсутствие христианского идеала уничтожило бы движение вперед и, следовательно, возможность жизни» [подробнее:

Толстой, 1936а, с. 84]. Помимо сокращения дистанции до неразличимости между идеалом и стремлением к идеалу жизнь как таковая (**возможность** жизни) понимается как бесконечное освобождение и движение вперед. Смысл жизни не сообщается от извне приложенного усилия двигаться навстречу фантастическому идеалу. Смысла и возможности жить не существует вне «постоянного приближения к совершенству». Такое понимание жизни трудно объяснить вне определенного восстановления парадигмы мессианской жизни. Заметим, что слова «совершенство, идеал, духовность» не имеют в трактатах Толстого реального содержания.

Позднейший из трактатов Толстого:

«Доказательств учения не выставлялось никаких, кроме истины, ... учение состояло в познании истины, ... в большем и большем постигновении истины и большем и большем приближении ...

Нет по этому учению поступков, которые бы могли оправдать человека, ... только влекущий к себе сердца образец истины для внутреннего совершенства в лице Христа ... для внешнего – в осуществлении царства божия. Исполнение учения – только в движении по указанному пути, в приближении к совершенству внутреннему – подражания Христу и внешнему – установления царства божия. Больше или меньше благо человека зависит ... от большего или меньшего ускорения движения».

Толстой противопоставляет движение к совершенству Закхейя, блудницы, разбойника на кресте неподвижной праведности фарисея.

«Всякое состояние ... есть только известная ступень на пути к недостижимому внутреннему и внешнему совершенству и потому не имеет значения. Благо только в движении к совершенству ...

Исполнение учения только в безостановочном движении – в постигновении все высшей и высшей истины, ... в большем и большем осуществлении ... большей и большей любовью, ... осуществлением царства божия».

Отдельной застывшей истины нет. Характерные следствия:

«Исполнение учения – в движении от себя к богу, ... для такого исполнения учения не может быть определенных законов и правил. Всякая степень совершенства и всякая степень несовершенства равны, ... никакое исполнение законов не составляет исполнения учения, ... нет и не может быть обязательных правил и законов» [Толстой, 1957в, с. 41-42, 79].

Христианский анархизм Толстого. Агамбен пишет: раскрытие тайны аномии «означает выход на свет бездейственности закона и сущностной нелегитимности любой власти в мессианическое время» [Агамбен, 2018, с. 145].

Первые части «Исповеди» Толстого рассказывают историю полной утраты смысла жизни вплоть до угрозы самоубийства. Находится выход:

«Знать бога и жить – одно и то же. Бог есть жизнь.

«Живи, отыскивая бога, и тогда не будет жизни без бога. И сильнее чем когда-нибудь все осветилось во мне и вокруг меня, и свет этот уже не покидал меня» [Толстой, 1957б, с. 46].

Бог не существует вне движения к Богу (вне отыскивания Бога). В.В. Библихин пишет: «Наблюдаемого непосредственно заранее данного Бога нет. О нем можно будет знать только из тепла» [Библихин, 2003, с. 178]. Из тепла – из осуществления «большей и большей любви». Один из ключей к прочтению Толстого в курсе лекций «Дневники Льва Толстого»: «... у Толстого: цель жизни повышение жизни» [Библихин, 2012, с. 141].

Обратимся к трактату Толстого об искусстве. В трактате используются два критерия для определения искусства: формальный и содержательный. Формальное определение основано на непосредственной передаче чувства: «на этой-то способности людей заражаться чувствами других людей и основана деятельность искусства». Согласно (условно) содержательному критерию искусство должно способствовать единению людей и принимается за «одно из условий человеческой жизни». Формальное определение допускает передачу недобрых чувств. В рамках содержательного определения дурные чувства способствуют разделению и должны быть исключены. Подлинное же искусство должно соответствовать сознанию времени – христианскому сознанию или «сознанию братства всех людей» [Толстой, 2020 с. 81]. Легко предположить отсутствие каких бы то ни было критериев или нормативов такому сознанию или такому братству людей. Уничтожение разделения между людьми есть (не эстетический) теолого-политический критерий искусства. Наконец важное: «вытекающие из религиозного сознания нашего времени» христианские чувства «бесконечно новы и разнообразны». Утверждается необходимость бесконечного обновления и бесконечного движения. И опять нет специальных христианских чувств или идеалов. Задача искусства «установить на место царствующего теперь насилия ... Царство Божие» [Там же, с. 202, 216]. Искусство на службе установления Царства Бога не связано никакими идеалами или правилами. Толстой ищет новые литературные формы и становится исключительным новатором в области сюжетостроения. Приведенных аналогий достаточно.

Парадоксальная временная структура наступившего и одновременно требующего дальнейшего развертывания Царства Бога на земле заложена в евангельских текстах и наравне с жесткими предписаниями не-сопротивления злу силой и пр. не допускает мыслить никакого содержания веры вне непосредственного исполнения или вне непосредственной жизни внутри наступившего нового царства (жизнь не отличается от движения продолжающегося наступления царства). Толстой постоянно указывает на бессмысленность, бездейственность и зло христианских идеалов, толкований, догм, церквей: юридические и теолого-политические доктрины наравне с различной экзегетикой способствовали остановке наступления Царства Бога. Делалась какая-то не евангельская работа.

В первой части мы кратко воспроизвели понятие мессианского времени по Агамбену. Толстой очевидно не мог понимать иудео-мессианского контекста посланий апостола (библейстика занялась восстановлением контекста только во второй половине XX в. [см. например: Райт, 2015]) и считал Павла основателем новой в сравнении с Евангелиями религии. Аналогично думал и ранний Витгенштейн. Но структуру мессианского времени Толстой воспринял из Евангелий. Мессианская жизнь открывается и мессианское время развертывается из напряжения между воскресением и вторым пришествием Мессии (согласно Павлу). Время наступления Царства Бога структурно совпадает с мессианским временем и развертывается из напряжения между двумя событиями: обретением христианской истины (прочтением Евангелия) и оставшимся до конца жизни временем-ради приближения наступления царства (согласно Толстому). Сжатое время остается ради работы наступления Царства Бога на земле и завершается смертью. Толстой мыслит смерть изнутри движения мессианского времени. После начала исповедания христианства «спокойно и радостно живу и спокойно и радостно приближаюсь к смерти» [Толстой, 1952 с. 253]. Нет смерти помимо приближения к смерти. Приближение к смерти совпадает с возрастанием духовной жизни и освобождением духовного «я».

Вне мессианского времени смерть превращается в тему танатологии.

Последнее замечание. Можно говорить про особое понимание учительства Христа Толстым. Христос не образец для подражания. «Светлый брат идет впереди» [подробнее: Биbihин, 2012, с. 259].

3. В притче царство выражается в качестве притчи. Форма выполняет необходимую задачу распространения вести. В поздней прозе Толстой создает особую форму литературы: мессианское время вторгается в жизнь главных героев.

Обратимся к повести «Фальшивый купон». Трансцендентальный сюжет повести (в отличие от сюжета (последовательности событий) трансцендентальный сюжет задает пространственно-временную или темпоральную организацию событий) сталкивает различные сюжетные **серии**. В первой серии недоброе отношение, обман, насилие разворачиваются в сторону большего и большего зла.

Гимназист Митя Смоковников вынужден срочно вернуть долг и поэтому соглашается с предложением друга подделать денежный купон. Митя обижен на ригористическую жестокость отказавшего помочь отца. В магазине фотографических принадлежностей гимназисты сбывают фальшивый купон Марье Васильевне. Хозяин магазина и муж Марьи Васильевны Евгений Михайлович с целью разменять и так избавиться от фальшивого купона покупает дрова у хитрого крестьянского мужика Ивана Миронова. В трактире Ивана Миронова арестовывают за подделку. Решить дело уговорами и потом в суде не удастся. Иван Миронов из нужды и обиды становится конокрадом. Сначала ворует господских лошадей. Деловитый и справедливый помещик Петр Николаевич Свентицкий после кражи лошадей озлобляется на крестьян. В результате земельного спора доходит до потасовки. Петра Николаевича убивают. Потом Иван Миронов начинает красть крестьянских лошадей. Ивана Миронова разоблачают. Один из пострадавших крестьян Степан Пелагеюшкин при всеобщей расправе над Иваном Мироновым довершает дело и разбивает конокраду голову. После отбытия тюремного срока Пелагеюшкин становится убийцей и убивает и обворовывает несколько человек. Последней жертвой становится «сморщенная, худая, пятидесятилетняя» вдова Мария Семеновна.

Начинается принципиально новая вторая сюжетная серия. Степан Пелагеюшкин добровольно сознается в совершенных преступлениях и отправляется на пожизненный срок. Степана начинает преследовать кроткий образ и голос Марии Семеновны. Степан постепенно прочитывает Евангелие и начинает жить другую жизнь. Степан обращает палача и убийцу Махоркина и дворника Евгения Михайловича Василия. Потом евангельская весть движется дальше и распространяется на жизнь множества персонажей: на не упомянутых и почти на всех включенных раньше в цепь разрастающегося зла и насилия.

Жанр «повести» определить невозможно: напоминает сказку или притчу. Беспрецедентная форма продиктована необычной темпоральной структурой. Обращение Степана Пелагеюшкина совершается по неизвестным причинам или даже в отсутствии каких-либо причин. Пелагеюшкин начинает читать Евангелие благодаря Ивану Чуеву. Ивана обращает портной. Портной узнает новую жизнь по наблюдениям за жизнью Марии Семеновны (дополнительная сюжетная линия из общей серии событий возрастающего добра). Однако портной и Пелагеюшкин не смогли бы воспринять евангельский текст вне узнавания в тексте жизни Марии Семеновны. Не произошло никакого события раскаяния

(нет в повествовании). Не были восприняты никакие внешние новые принципы или нормы жизни. Не была выстроена никакая высшая оценивающая инстанция. Просто возник новый горизонт. И с новым горизонтом открылась возможность новой жизни. Нет содержания новой жизни вне непосредственной жизни.

Добро не противопоставляется злу или насилию. Под противопоставление подпадает **разрастание** и цепь зла и **возрастание** добра и милосердия. Метасюжет противопоставляет темпоральность мирской жизни и темпоральность мессианского времени. В начальной темпоральной серии действует определенная форма судьбы. Судьба Ивана Миронова или судьба Николая Свентицкого. Но ничто не может стать судьбой для Марии Семеновны или для Степана Пелагеюшкина. Мессианское время открывает бесконечный горизонт надежды и развертывающегося призвания. Жизнь убитой вдовы никак не может прийти к завершению (многие повести позднего Толстого ошибочно считаются незаконченными).

Агамбен настаивает на неотличимости мессианского времени от времени профанного. Мессианское время – сжатое и стремящееся к завершению профанное время.

Жизнь Марии Семеновны [Толстой, 19366, с. 25-26]:

«... одна только содержала всех: ... была пенсия в двести пятьдесят рублей ... Работала ... только одна Мария Семеновна, ... ходила за слабым, пьяным стариком отцом и за ребенком сестры, и готовила, и стирала, ... на нее же наваливали все дела ... и ругали, и даже бил зять в пьяном виде ... и, ... как всегда бывает, чем больше у ней было дела, тем больше она успевала делать, ... и бедным помогала, отрезывая от себя, отдавая свои одежды, и помогала ходить за больными.

Работал раз у Марии Семеновны хромой, безногий портной деревенский. Перешивал он поддевку старику и покрывал сукном полушубок для Марии Семеновны – зимой на базар ходить.

Хромой портной был человек умный и наблюдательный, по своей должности много выдавший разных людей и, вследствие своей хромоты, всегда сидевший и потому расположенный думать. Прожив у Марии Семеновны неделю, не мог надивиться на ее жизнь. Один раз она пришла к нему в кухню, где он шил, застирать полотенцы и разговорилась с ним об его житье, как брат его обижал и как он отделился от него.

– Думал – лучше будет, а все то же, нужда.

– Лучше не менять, а как живешь, так и живи, – сказала Мария Семеновна.

– Да я и то на тебя, Мария Семеновна, дивлюсь, как ты все одна да одна во все концы на людей хлопочешь. А от них добра, я вижу, мало.

Мария Семеновна ничего не сказала.

– Должно, ты по книгам дошла, что награда за это будет на том свете.

– Про это нам неизвестно, – сказала Мария Семеновна, – а только жить так лучше».

Не будет ошибкой прочитать совет «жить как живешь» как исполнение агамбеновского «hōs mē». Призвание не призывает к перемене быта и социального статуса. Известно, что Толстой не поддерживал стремление некоторых последователей к обособлению и созданию новых трудовых коммун. Толстой дает краткую форму жизни в мессианское время или **темпоральный образ** мессианского времени: парадоксальным образом работа успевает и развертывается в большую и большую работу.

В незаконченной повести «Отец Сергей» обращение Сергея происходит благодаря Прасковье Михайловне. После бегства из монастыря Сергей решает пойти к Пашеньке. Пашенька говорит: «Я прожила самую гадкую, скверную жизнь, и теперь Бог наказывает меня». Пашенька помогает дочери, зятю, внукам, на ней дом, готовка, заработок. Сергей видит действие Бога в жалкой и потому спасенной профанной жизни. «Да, нет Бога для того, кто жил, как я, для славы людской». Бог присутствует в дороге, в странничестве, в незамеченном добром деле (в «поданной без мысли о награде» чашке воды). Сомнение Сергея в существовании Бога сменяется чем-то несомненным. «Понемногу Бог стал проявляться в нем» [подробнее: Толстой, 2054а с. 44-45]. Аналогичный темпоральный образ жизни Пашечки и пространственный образ странничества как бесконечного горизонта и бесконечного движения. Совпадение Бога и пути.

Немного другой образ мессианского времени определяет конец повести «Хозяин и работник». Застигнутые по дороге метелью и неспособные вернуться или двигаться дальше, замерзают сбившиеся с пути купец Василий Андреевич Брехунов и работник Никита. Никита смиряется с необходимостью ночевать под бурей. Василий Андреевич сперва безуспешно пытается выбраться и намеренно бросает Никиту. Потом случайно набредает на брошенные сани и оставленного умирать Никиту. Принимается разгрести снег. Собственным телом и дорогами шубами укутывает Никиту и через несколько часов засыпает предсмертным сном. Снится работа церковного старосты, жена, незавершенные торговые дела, ожидание станового. Вместо станового приходит «кто-то другой», «... который кликнул его и велел ему лечь на Никиту». Василий Андреевич просыпается и не может двинуться. Сознает приближение смерти и «нисколько не огорчается». Теперь Василию Андреевичу открывается какая-то истина. Никита – Василий Андреевич. И Василий Андреевич – Никита. Бессмысленными видятся цели и занятия прошлой жизни (вместе с принятыми социальными различиями и условностями): «... он свободен и ничто уж больше не держит его» [Толстой, 1954б, с. 43-44]. Василий Андреевич радостно принимает смерть. Никиту находят и откапывают на следующий день. Не минуемая смерть обесценивает прожитую жизнь и стирает различие между Василием Андреевичем и работником. Наоборот, в преддверии смерти усилием жить общую жизнь обесценивается (нейтрализуется) и становится радостной смерть. Бывший хозяин становится новым работником хозяина жизни. Профанное мирское время сжимается до времени теперь ради возможности спастись. Василий Андреевич спасается от судьбы умереть нелепой и безнадежной смертью и умирает.

Итак. Мессианское время повсеместно работает в поздних художественных текстах Толстого. Вторгается и изменяет жизнь героев. Совпадает с жизнью героев (некоторые герои не знают жизнь вне мессианского времени). Определяет темпоральный метасюжетный строй повествования. Или противопоставляется временной форме судьбы (жизнь в мессианском времени не развертывается внутри трагической или драматической формы).

4. Вместо заключения я хочу кратко наметить новые подходы к теме ненасилия или непротivления злу насилieм. Толстой считал ненасилie ключом к пониманию Евангелия [см. подробнее: Толстой, 1957а]. Разросшаяся на тысячах и тысячах страницах в среде русских религиозных философов и литераторов полемика вокруг христианства Толстого восходит и по существу ничего не добавляет к известным текстам Соловьева (и в каком-то отношении – Константина Леонтьева).

Гипотеза состоит в необходимости понимать непротивление злу изнутри особого режима мессианского времени или даже в невозможности вне особого режима мессианского времени понимать непротивление злу. Тогда непротивление не может считаться отдельной и независимой концепцией. Непротивление встроено и неотделимо от мессианского времени и жизни внутри мессианского времени. Из принятия непротивления как особой формы жизни открывается время Мессии. Но тогда противное учение о сопротивлении злу силой неотделимо от какой-то противной формы жизни: в известной степени сопротивление злу насильем трудно отделить от потребностей белой эмиграции (Иван Ильин). Сопротивление естественно предполагает и утверждает привлекательный образ зла и известные социально-политические различия. Дополнительное замечание. «Наиболее опасное недопонимание мессианской вести» основано на смешении времени конца времен с мессианским временем. В полемическом (против Толстого) сочинении «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» [Соловьев, 1988] Соловьев выступает визионером судного дня и конца всемирной истории. Генерал (один из персонажей разговоров) надеется оправдаться перед Богом на Страшном Суде военной расправой над военными же преступниками.

Список литературы / References

- Агамбен, Дж. (2018). *Оставшееся время: Комментарий к Посланию к Римлянам*. М. Новое литературное обозрение.
- Agamben, J. (2018). *Remaining time: Commentary on the Epistle to the Romans*. Moscow. (In Russ.)
- Бердяев, Н. А. (2000). Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого. *Лев Толстой: Pro et Contra*. СПб. РХГА. С. 243-263.
- Berdyayev, N. A. (2000). The Old and New Testaments in the Religious Consciousness of L. Tolstoy. *Lev Tolstoy: Pro et Contra*. St. Petersburg. pp. 243-263. (In Russ.)
- Бибихин, В. В. (2003). Ужасные вещи. В. В. Бибихин. *Другое начало*. СПб. Наука. С. 169-178.
- Bibikhin, V. V. (2003). Terrible things. In V. V. Bibikhin. *Another Beginning*. St. Petersburg. pp. 169-178. (In Russ.)
- Бибихин, В. В. (2012). *Дневники Льва Толстого*. СПб. Изд-во Ивана Лимбаха.
- Bibikhin, V. V. (2003). *Diaries of Leo Tolstoy*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Гольденвейзер, А. Б. (1959). *Вблизи Толстого*. М. Государственное издательство художественной литературы.
- Goldenweiser, A. (1959). *Near Tolstoy*. Moscow. (In Russ.)
- Райт, Н. Т. (2015). *Что на самом деле сказал апостол Павел*. М. Библейско-богословский институт св. апостола Андрея.

Wright, T. (2015). *What Saint Paul Really Said*. Moscow. (In Russ.)

Соловьев, В. С. (1988). Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. В. С. Соловьев. *Сочинения в 2 т.* Т. 2. М. Мысль. С. 635-762.

Solovyov, V. (1988). Three conversations about war, progress and the end of world history. In *Solovyov V. S. Essays in 2 volumes*. Moscow. pp. 635-762. (In Russ.)

Толстой, Л. Н. (1936а). Послесловие к «Крейцеровой сонате». *Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений*. В 90 т. Т. 27. М. Гос. изд-во «Художественная литература». С. 79-92.

Tolstoy, L. N. (1936a). Afterword to the “Kreutzer Sonata”. In *L. N. Tolstoy. The complete works*. In 90 vols. Vol. 27. Moscow. pp. 79-92. (In Russ.)

Толстой, Л. Н. (1936б). Фальшивый купон. *Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений*. В 90 т. Т. 36. М. Гос. изд-во «Художественная литература». С. 5-53.

Tolstoy, L. N. (1936b). The Forged Coupon. *L. N. Tolstoy. The complete works*. In 90 vols. Vol. 36. Moscow. pp. 5-53. (In Russ.)

Толстой, Л. Н. (1952). Ответ на определение Синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма. *Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений*. В 90 т. Т. 34. М. Гос. изд-во «Художественная литература». С. 245-253.

Tolstoy, L. N. (1952). Response to the Synod and to the Letters Received in Regards to Their Edict. In *L. N. Tolstoy. The complete works*. In 90 vols. Vol. 34. Moscow. pp. 245-253. (In Russ.)

Толстой, Л. Н. (1954а). Отец Сергий. *Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений*. В 90 т. Т. 31. М. Гос. изд-во «Художественная литература». С. 5-46.

Tolstoy, L. N. (1954a). Father Sergius. In *L. N. Tolstoy. The complete works*. In 90 vols. Vol. 31. Moscow. pp. 5-46. (In Russ.)

Толстой, Л. Н. (1954б). Хозяин и работник. *Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений*. В 90 т. Т. 29. М. Гос. изд-во «Художественная литература». С. 3-46.

Tolstoy, L. N. (1954b). Proprietor and Worker. In *L. N. Tolstoy. The complete works*. In 90 vols. Vol. 29. Moscow. pp. 3-46. (In Russ.)

Толстой, Л. Н. (1957а). Исповедь. *Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений*. В 90 т. Т. 23. М. Гос. изд-во «Художественная литература». С. 1-59.

Tolstoy, L. N. (1957a). My Confession. In *L. N. Tolstoy. The complete works*. In 90 vols. Vol. 23. Moscow. pp. 1-59. (In Russ.)

Толстой, Л. Н. (1957б). В чем моя вера. *Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений*. В 90 т. Т. 23. М. Гос. изд-во «Художественная литература». С. 304-468.

Tolstoy, L. N. (1957b). What is my faith. In *L. N. Tolstoy. The complete works*. In 90 vols. Vol. 23. Moscow. pp. 304-468. (In Russ.)

Толстой, Л. Н. (1957в). Царство Божие внутри вас. *Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений*. В 90 т. Т. 28. М. Гос. изд-во «Художественная литература». С. 1-293.

Tolstoy, L. N. (1957в). The Kingdom of God Is Within You. In *L. N. Tolstoy. The complete works*. In 90 vols. Vol. 28. Moscow. pp. 1-293. (In Russ.)

Толстой, Л. Н. (2020). *Что такое искусство*. СПб. Изд-во «Азбука».

Tolstoy, L. (2020). *What is Art*. St. Petersburg. (In Russ.)

Федоров, Н. Ф. (2000). Письмо к В. А. Кожевникову. *Лев Толстой: Pro et Contra*. СПб. РХГА. С. 192-195.

Fedorov, N. F. (2000). Letter to V. A. Kozhevnikov. *Lev Tolstoy: Pro et Contra*. St. Petersburg. pp. 192-195. (In Russ.)

Флоровский, Г. (2000). У истоков. *Лев Толстой: Pro et Contra*. СПб. РХГА. С. 676-683.

Florovsky, G. (2000). At the origins. *Lev Tolstoy: Pro et Contra*. St. Petersburg. pp. 676-683. (In Russ.)

Франк, С. Л. (2000). Нравственное учение Л. Н. Толстого. *Лев Толстой: Pro et Contra*. СПб. РХГА. С. 299-308.

Frank, S. L. (2000). The moral teaching of L. N. Tolstoy. *Lev Tolstoy: Pro et Contra*. St. Petersburg. pp. 299-308. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Родин Кирилл Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: rodin.kir@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6582-8939>

Статья поступила в редакцию:

После доработки:

Принята к публикации:

Rodin Kirill – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: rodin.kir@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6582-8939>

The paper was submitted:

Received after reworking:

Accepted for publication:

УДК 1(091)

СТИЛЬ КАК СПОСОБ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ И. Г. ГАМАНА В «СОКРАТИЧЕСКИХ ДОСТОПАМЯТНОСТЯХ»

А. М. Стрельцов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
streltsov@mail.ru

Аннотация. В статье решается проблема интерпретации первого публичного сочинения И. Г. Гамана «Сократические достопамятности», в котором сам стиль служит методом или способом философствования. С помощью герменевтического метода и сравнительного текстуального анализа разобраны следующие аспекты стиля Гамана: холистичность, аналогия, ирония, типология, метасхематизм, сокрытость, совпадение противоположностей. В результате в рассматриваемом произведении выделено 4 уровня нарратива, включающего оригинальную трехчастную типологию, представленную в виде таблицы. Гаман описывает исторического Сократа, который выступает для него образом, с одной стороны, Христа, а с другой – его самого, для целей апологетики своей позиции перед адресатами И. К. Беренсом и И. Кантом. Также приведен перевод письма Гамана, в котором Гаман дает план своего сочинения и некоторые объяснения относительно его замысла.

Ключевые слова: Гаман, Сократ, Сократические достопамятности, аналогия, ирония, типология, метасхематизм, сокрытость, совпадение противоположностей.

Для цитирования: Стрельцов, А. М. (2023). Стиль как способ философствования И. Г. Гамана в «Сократических достопамятностях». *Respublica Literaria*. Т. 4. № 3. С. 41-58. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.41-58

STYLE AS MEANS OF DOING PHILOSOPHY IN J. G. HAMANN'S "SOCRATIC MEMORABILIA"

A. M. Streltsov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
streltsov@mail.ru

Abstract. Article deals with the problem of interpretation of "Socratic memorabilia", the first public work of J. G. Hamann. In this work the style itself serves as a method or means of doing philosophy. Using hermeneutical approach and intertextual analysis, the following features implemented in Hamann's style are laid out: holistic character, analogy, irony, typology, metaschematism, hiddenness, coincidence of opposites. This research results in reconstruction of the 4 levels of narrative including three-fold typology presented as a chart. Hamann describes historical Socrates whom he views as a type of Christ, on the one hand, and of himself, on the other, for the purpose of providing apologetic of his own position for the addressees I. K. Berens and I. Kant. In addition, there is given translation of Hamann's letter where he provides an outline of his work and gives some explanation as to its purpose.

Keywords: Hamann, Socrates, Socratische Denkwürdigkeiten, analogy, irony, typology, metaschematism, hiddenness, coincidentia oppositorum.

For citation: Streltsov, A. M. (2023). Style as Means of Doing Philosophy in j. G. Hamann's "Socratic Memorabilia". *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 3. pp. 41-58. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.41-58

В философских и историко-философских текстах индивидуальные особенности стиля того или иного автора, влияя на восприятие текста читателем, все же, как правило, не затрагивают сам концептуальный аппарат философствования. Примечательным исключением выступают труды кенигсбергского публициста, филолога, теолога и философа Иоганна Георга Гамана (1730–1788). Respublica Literaria, в контексте которой он сформировался и действовал, в полной мере дала проявиться его противоречивой натуре. С одной стороны, интеллеktуал, эрудит, собравший огромную библиотеку: сохранилась полная опись 1776 г., когда она была заложена, но в итоге спасена благодаря финансовой помощи И. Г. Гердера, влиятельного ученика Гамана [Hamann, 1953, pp. 13-121]. С другой – человек, не завершивший университетское образование, не входивший в профессиональные философские круги, получивший по протекции Иммануила Канта должность второстепенного чиновника таможенного склада в гигантской бюрократической машинерии, выстроенной Фридрихом II, откуда он в конце концов был выпровожен на пенсию по сокращению штатов.

Все работы Гамана компактны, но их едва ли получится прочитать быстро. Гете принадлежит забавное замечание, что при чтении Гамана «нужно совершенно исключить то, что имеется в виду под пониманием» [цит. по: Griffith-Dickson, 2022]. Возможно, это связано с тем, что эти тексты написаны особым образом: может даже сложиться впечатление, что они специально написаны так, чтобы затруднить понимание читателя, бросить ему вызов, вывести его, так сказать, из «зоны комфорта».

Сам Гаман был полиглотом. Он читал на основных европейских языках, владел древнегреческим, латинским, древнееврейским и арабским. Ряд трактатов он написал на французском языке. Своеобразные «языковые игры» постоянно сопровождают его тексты. Отчасти это можно объяснить особенностями его биографии. В автобиографических заметках он упоминает, как первый учитель пытался научить его латыни без разбора какой-либо грамматики [Hamann, 1993, p. 315], а у следующего он «мог переводить с латинского языка на немецкий, не понимая ни языка, ни смысла автора» [Ibid]. Младший брат Гамана постепенно превращался в идиота, так что Гаман, ставший в итоге его опекуном, мог наблюдать в режиме реального времени угасание его когнитивных и речевых способностей [Lowrie, 1950, p. 16]. Вопрос языка вообще крайне важен для Гамана, которого даже рассматривают как стоящего у истоков «лингвистического поворота» [Lafont, 1999, pp. 3-7]: «Без языка у нас нет разума» [Hamann, 1951, p. 231].

То, что в трудах Гамана стиль служит ключом к его творчеству, подметил еще Гегель, сказавший, что «у сочинений Гамана не только своеобразный стиль, но они сами и есть стиль» [Hegel, 1956, p. 226]. Для стиля Гамана характерны многочисленные отсылки к древним и современным авторам, нередко с использованием антономасии, центоны, немислимых сочетаний противоположностей. Все это создает впечатление карусели или калейдоскопа, картинки в котором меняются каждую секунду.

У многих читателей такие особенности стиля Гамана вызывают раздражение, недоумение или просто потерю интереса. Ганс Урс фон Бальтазар отмечал с сожалением по поводу Гамана, что «если бы его литературные дары и стиль были бы другими, он мог бы стать интеллектуальным и духовным отцом эпохи» [Balthasar et al., 1983, p. 80]. Невозможно судить о том, что не осуществилось, но одно можно сказать с уверенностью: стиль Гамана едва ли можно отделить от него самого.

В этой статье предпринята попытка анализа стиля Гамана на примере его дебютного сочинения «Сократические достопамятности» (далее – СД), которое даже удостоилось такой оценки, как «семинальная работа в истории философии» [Beiser, 1987, p. 24]. Отмеченные далее в работе особенности стиля Гамана, несомненно, тесно взаимосвязаны, но все же мы посчитали возможным отдельно выделить свойственные его авторству черты.

Толчком к написанию СД послужила коллизия, случившаяся между Гаманом и его университетским другом и затем коммерсантом рижского семейного торгового предприятия Иоганном Кристофом Беренсом. Посланный в Лондон по делам фирмы, Гаман вернулся оттуда, обремененный долгами, не выполнивший возложенное на него поручение и вдобавок переживший религиозное обращение. Пропасть, которая образовалась между Гаманом и Беренсом, усугублялась отказом Беренса выдать замуж за Гамана его сестру. Тем не менее, Беренс не был готов распрощаться с Гаманом, за которым он признавал несомненные интеллектуальные достоинства, но вознамерился вернуть его к мировоззренческой позиции, от которой тот отошел. Для осуществления этого плана он привлек кенигсбергского философа Иммануила Канта. Они встретились с Гаманом пару раз в июне и июле 1759 г. и выдвинули ему деловое предложение заняться переводом энциклопедии Дидро и д'Аламбера для просвещения немецкой публики, надеясь, что включение в эту работу окажет положительное воздействие и на самого Гамана.

Достаточно скоро Гаман ответил отказом на это предложение, написав СД во второй половине августа 1759 г. в качестве обоснования этого отказа (опубликована работа была только спустя 4 месяца). В письме директору рижской кафедральной школы Иоганну Готтхельфу Линднеру, выступившему в качестве посредника между Гаманом, Беренсом и Кантом, Гаман отметил: «Я работал над этим исследованием с упоением, и но получилось у меня, как я того желал» [Namann, 1955, p. 410].

Еще до написания СД Гаман письменно обратился к Канту с неприкрытой иронией: «Не могу удержаться от смеха, что Ваш друг избрал философа, чтобы изменить мой образ мыслей. На эту демонстрацию мудрости я смотрю как рассудительная девушка на любовное письмо ...» [Namann, 1955, p. 378; Гильманов, 2013, с. 38-39].

Из этого последнего письма Гамана видно, как постепенно созревает концепция будущего трактата. Канта Гаман сравнивает с Сократом, а Беренса – с Алкивиадом. Себя же он уподобляет даймону (Genius) Сократа, который даст Канту мудрость большую, чем разум, чем величайший человеческий гений (Genie) [Namann, 1955, pp. 373, 377]. Таким образом, Гаман иронически меняется ролями с Кантом, чтобы, в свою очередь, попытаться изменить его образ мыслей и образ действий. Это стремление является одной из целей написания СД, причем Гамана, по-видимому, не смущает риск выставить себя этим поступком на посмешище.

Композиционно трактат состоит из предисловия, введения и трех основных частей. В предисловии, которое, в свою очередь, делится на две части, Гаман посвящает свое произведение эфемерному идолу несуществующей «публики» и двум конкретным читателям-друзьям: Беренсу и Канту [Стрельцов, 2018, с. 113–114]. В последующем введении Гаман словно отвлекается и рассуждает о философии истории, но за этим стоит его стремление показать, что именно он делает в работе: он не историограф Сократа, но раскрывает его историю, которая иначе осталась бы «запечатанной книгой» [Namann, 1950, p. 65].

Из трех частей наиболее содержательной является центральная. Там Гаман выражает основную мысль своего трактата, актуализируя незнание Сократа в контексте своего времени. Сочинение выдержано согласно канонам классической риторики¹: к третьей части накал, казалось, спадает, но в самом конце следует мощный заключительный аккорд.

Холистичность

Гаман работает на стыке филологии, теологии и философии. Холистичность его подхода проявляется в том, что он выступает за единство и говорит, что нельзя разъединять то, что изначально соединено. О холистичности Гамана высказывался еще Гете: «Принцип, к которому восходят все высказывания Гамана, сводится к следующему: “Что бы человек ни задумал совершить – в действиях, в словах или как-нибудь еще, – должно проистекать из объединения всех сил; разрозненное – порочно”. Великолепная максима, но руководствоваться ею нелегко» [Гете, 1976, с. 433].

Косвенным образом холистический подход Гамана в СД проявляется в его акценте на естественных науках, в частности, химии². Гамановед Дж. О’Флаэрти отмечает, как в своем методе Гаман сопоставляет слова так же, как химики пытаются совмещать субстанции, ожидая того или иного эффекта [O’Flaherty, 1997, p. 241]. Гаман в этом смысле противопоставляет химию математике и физике, основанной на математике, которая для него слишком абстрактна. Гаман же был эмпириком, и химия ему была ближе, поскольку она имела дело с конкретными веществами.

Гаман брал слова как минимальные когнитивные элементы (в соответствии с постулируемым им *retitio principii minimi*) и сочетал их, пытаясь обрести новый и более глубокий смысл в результате этого взаимодействия. Этот принцип, согласно О’Флаэрти, «исключает все абстрактное мышление в пользу образного мышления и подобным образом исключает логику в пользу аналогического мышления, т. е., метафоры» [O’Flaherty, 1997, p. 235].

Аналогия

«Аналогия была душой его заключений, а их плоти он придавал иронию», – говорит Гаман о Сократе, добавляя, что он «решил писать о Сократе по-сократически» [Hamann, 1950, pp. 10-11]. В сноске к этому замечанию он приводит строчку из 6 книги «Ночных размышлений» английского поэта Эдварда Янга: «Analogy, man’s surest guide below».

Янг – один из любимых поэтов Гамана, которого он цитировал более, чем кого-либо еще в трудах Лондонского периода, предшествовавшего написанию СД. В контексте данной цитаты Янг говорит о разрыве между миром блаженства, где не царствует смерть, и этим земным миром. Разума недостаточно для преодоления этой пропасти, для связи между мирами, и тогда на помощь приходит аналогия [Young, 1822, p. 199]. Понятие аналогии тесно связано с понятиями типологии и мимезиса, о которых речь пойдет далее; фактически

¹ Сам Гаман имел дефект речи (заикание?), что, должно быть, помешало его публичной карьере. Однако, он пишет так, словно говорит с читателем.

² *Contra* [Гулыга, 1985, с. 78], где про Гамана утверждается, что он «совершенно чуждый естествознанию».

аналогия реализуется через мимезис посредством проведения горизонтальной типологической связи. Используя аналогию как метод философствования, Гаман словно игнорирует предшествующую традицию, укорененную в логике и методологии Аристотеля, и возвращается к Платону. Он полагает, что рационального мышления, реализуемого через рассуждения и логические связи, недостаточно для понимания того, как на самом деле обстоят дела. Необходимо обращаться к аналогии.

Ирония

С первых строчек СД ирония Гамана, местами достаточно острая, обрушивается на читателя. Для Гамана это не временное снятие напряженности, позволяющее далее сконцентрироваться на серьезных вопросах, но часть его стиля и метода философствования. Ирония Гамана простирается от тонких намеков, понятных только интеллектуалам, до приземленного, на грани эпатажа, юмора. Ограничимся примером из начальной части СД, где обращение к публике построено в виде молитвы к несуществующему идолу публики, который уподоблен тупому, ничего непонимающему циклопу (Гаман цитирует одноименную пьесу Еврипида). Кушанье СД обратит этого адресата в ничто, подобно тому, как кушанье Даниила разорвало идола Вила в Дан 14:27. На реальных же адресатов СД – Беренса и Канта – этот пирожок, как утверждает Гаман, подействует в качестве слабительного, очистив их для служения истине, которую он, Гаман, возвещает. И тут же Гаман приводит позаимствованную у Бэкона историю про императора Веспасиана, воскликнувшего, сидя в отхожем месте в момент смерти, что становится богом [Гаман, 1950, с. 60].

В то время как для Гамана юмор был одним из способов сокрытия христианской вести [Amir, 2014, p. 95] (сокрытость, как особенность стиля Гамана, обсуждается ниже), функционально речь здесь идет о чем-то еще. Цель Гамана состоит не в том или не только в том, чтобы убедить Канта и Беренса теми или иными доводами в правильности его мировоззрения, но и чтобы вызвать определенную перемену в них самих, обратить их к самопознанию и далее к сократическому незнанию, заставив их взглянуть на себя сквозь призму предельной иронии. Юмор и ирония Гамана подразумевают выстраивание аналогий, проведение взаимосвязи между профанным и сакральным, что реализуется на стыке комедийного и трагического, в рамках его понимания концепции совпадения противоположностей.

Типология

В XVIII в. типология была общепринятым методом толкования текстов Библии. В частности, именно таков был подход Иоганна Альбрехта Бенгеля в его знаменитом труде «Gnomon Novi Testamenti» 1742 г. Важно отметить, что это не был произвольный метод интерпретации, типология не была аллегорией, но употреблялась в соответствии с четким порядком. Дэвидсон выделяет следующие черты библейской типологии в его исследовании новозаветных *typos*-структур: 1) действительное соответствие между образом (*τύπος*,

Vorbild) и вместообразом (*ἀντίτυπος*, *Nachbild*), 2) представление о сакраментальности (а не только символичности) образа, 3) незавершенность образа, требующая исполнения, 4) интенсификация: вместообраз всегда больше образа, 5) христоцентричность [Davidson, 1981, pp. 95-100].

В подходе Гамана можно узнать многие черты библейской типологии (в частности, апостола Павла), но он корректирует ее в соответствии со своими собственными задачами. Во-первых, в типологии Гамана не две составляющие, но три: Сократ, Христос и сам Гаман. Образом во всех случаях служит Сократ, но в качестве вместообраза может выступать как Христос, так и Гаман. Таким образом, можно выделить два вида пар-связок: Сократ-Христос и Сократ-Гаман. Вышеперечисленные пункты библейской типологии соблюдаются в первой связке, но в случае второй мы имеем дело со специальным приемом, который Гаман использует, чтобы показать, что именно он является подлинным наследником Сократа, а не деятели Просвещения, которые на это притязают. Соответственно, пункты 3 и 4 реконструкции Дэвидсона имеют только ограниченное применение к Гаману: в некотором смысле он действительно воспринимает себя как *Socrates redivivus*, но это не означает, что он претендует на нечто большее в сравнении с самим Сократом. Он просто смещает линии конфликта: вместо рафинированного прото-рационалиста Сократа, представленного в современную эпоху в первую очередь деятелями французского Просвещения и берлинскими *literati*, которым, как они считали, противостоят ретроградные церковники, Гаман рассматривает себя самого как аналог Сократа в Кенигсберге XVIII столетия, выступающий против новых софистов ультрарационалистического толка.

Список образов и вместообразов СД приведен в Таблице 1³. Разумеется, не во всех случаях типологические связки выделены явно в тексте СД, но все же мы полагаем, что во всех приведенных примерах аллюзии Гамана достаточно индикативны, чтобы быть включенными в список. Представленная трехчастная типология СД не исчерпывает типологические подходы Гамана и в некотором смысле представляет собой неизбежное упрощение. Отдельные типологические взаимосвязи СД вовлекают сторонних персонажей: так, Гаман проводит аналогию между плотниками Ноем и Христом и Петром Великим, ставшим плотником, чтобы «быть богом своего народа» [Hamann, 1950, p. 62], Критон согласно реконструкции Бланке – образ Беренса [Blanke, 1959, p. 124], но все же основной массив параллелей укладывается в ряд Сократа – Христа – Гамана.

Структурно в СД наблюдается баланс между практически одинаковым количеством используемых имен из древности и современности [O'Flaherty, 1967, pp. 68-70]. В этом смысле типологическую конструкцию СД можно еще представить как коромысло весов, удерживаемое в равновесии христологическим центром, скрепляющим воедино части работы.

³ Данный список неизбежно пересекается с приведенными типологическими темами в [O'Flaherty, 1967, pp. 207-208], представляя собой его развитие. Мы полагаем, что отличий достаточно, чтобы оправдать составление отдельного списка. В комментарии [Blanke, 1959] также приводятся параллели и соответствия, хотя и не в виде отдельного списка.

Таблица 1

Реконструкция трехчастной типологии «Сократических достопамятностей»

Атрибуция	Сократ	Христос и апостолы	Гаман и др. совр. персонажи
59, 24-27 ⁴	Даниил бросает ком в пасть идолу и разрушает его (см.: Дан 14:27)		Гаман очищает Канта и Беренса от поклонения идолу публики
61, 5-9	Афинская публика прочитала «Историю животных» Аристотеля, но не поняла. Александр прочитал и понял		Публика не поймет СД. Гаман надеется, что Кант и Беренс смогут понять
61, 23-37	Сократ отличал в произведениях Гераклита то, что мог понять, от того, что не мог		Гаман ожидает, что его читатели (Кант и Беренс) не будут судить то, что они сперва не поймут в его работе
65, 24-31	Сократ посещал мастерскую Симона кожевника, который лучше понял его, чем добавивший многое от себя Платон	Апостол Петр остановился у Симона кожевника в Иоппии, несмотря на то, что это ремесло считалось нечистым	Гаман надеется, что его адресаты смиренно отнесутся к его тексту
66, 1-2	Мать повитуха, майевтика		Мать повитуха
67, 2-14	Одетость граций Сократа	Уничужение в воплощении («снисхождение»)	Сокрытость стиля СД
67, 15-20	Сын скульптора	Сын плотника	Сын лекаря
70, 2-11	Критон потратил много денег на обучение Сократа, но тот остался незнающим		Беренс вложил много средств в Гамана, но тот не стал содействовать идеалам Просвещения
70, 19-23	Сократ ничего не знает	Христос ничего не имеет («кеносис», 2 Кор 2:8)	Гаман как незнающий и ничего не имеющий (должник Беренса), которого мучают кредиторы
74, 20-32	Аполлон провозгласил незнающего Сократа мудрым		Бог признает незнающего Гамана
75, 10-13	Пустой ум Сократа забеременел истинным познанием	Непорочное зачатие Христа	Незнание как необходимое условие обретения веры

⁴ Все примеры приведены из издания [Namann, 1950]. После номера страницы следует номер строчки по вертикали.

78, 20-21	Сократ ничего не написал	Христос ничего не написал	Гаман пишет словно произносит речь
79, 25-35	Безумство Сократа на площади в Афинах	Христос изгоняет торговцев из храма	Гаман не считает нужным скрывать чувства
80, 1-4	Стиль Сократа (предполагаемый) – пластичный, как у скульптора		Стиль Гамана – пластичный на практике
80, 4-6	Аллюзии, темные высказывания		Аллюзии, темные высказывания
80, 22-32	Обвинен в развращении юношей и безбожии, при этом пример истинного верующего	Обвинен и казнен как злодей, при этом праведник	
81, 1-4	Обвинен судьями, но ведет себя как повелитель судей	Суду подвергается судья мира	
81, 12-14	Посмертное явление привидения Сократа Кирсаю	Воскресение Христа и его явление ученикам	
81, 16-17	Пребывание Кирся в краю замечательного вина	Церковь и ее евхаристия как продолжающееся пребывание Христа с людьми	

Мимесис и метасхематизм

С гамановским типологическим подходом тесно связаны понятия мимесиса и метасхематизма. Здесь мы подходим к центральной части метода Гамана. Гаман предлагает рассматривать его очерк как эстетическую имитацию (*Nachahmung*) [Hamann, 1950, p. 61]. В чем заключается этот мимесис, – подражание Сократу? Для этого нам нужно раскрыть значение термина «метасхематизм» (так Гаман интерпретировал сократическую майевтику). Гаман взял на вооружение термин «метасхематизм» в 1 Кор 4:6; в контексте апостол Павел разбирается с разделением в Коринфе, где одна группа примкнула к Аполлосу, другая к Петру, третья к Павлу, а четвертая отвергла каких-либо учителей, признав своим авторитетом исключительно Христа (1 Кор 1:12). Перед Павлом встала нелегкая задача восстановить мир и привести членов этих фракций к согласию, избегнув прямой конфронтации с разделенными людьми. Для выполнения этой задачи он представил разделение между последователями Аполлоса и своими собственными как разногласие между Аполлосом и им самим, чтобы через образное применение этой ситуации к себе привести членов двух конфликтующих кружков к согласию и единству. Так, мы читаем в 1 Кор 4:6: «Это, братья, применил [посредством образа] (μετεσχημάτισα) я к себе и Аполлосу ради вас ...».

Ведущий немецкий гамановед Освальд Байер характеризует метасхематический подход Гамана следующим образом: «Он видит себя в зеркале других и других в зеркале собственный переживаний. Он помещает себя на их место, словно смотрит на мир их глазами»

[Bayer, 1988, p. 118]. Гамановский метод метасхематизма⁵ включает две части: 1) личную вовлеченность автора текста в описываемые им события (Гаман предстает в образе Сократа, надевает на себя, если угодно, маску Сократа), 2) не прямой способ коммуникации контента адресатам (Гаман представляет «метасхематически» отношения между собой, Беренсом и Кантом, как отношения между Сократом и софистами его времени).

В этом отношении полемический памфлет, содержащий прямые аргументы против другой точки зрения, не может быть метасхематическим, поскольку не выстраивает типологические связи, а, например, басни (Эзопа, Крылова и т. п.) не будут метасхематизмом, потому что не подразумевают, как правило, личную вовлеченность автора в сюжет повествования.

Нельзя согласиться с трактовкой Леонард, которая утверждает, что «Гаман провокационно разваливает хронологию, так что Сократ может быть христианином до Христа и одновременно подданным Пруссии восемнадцатого века» [Leonard, 2012, p. 35]. Гаман не упраздняет хронологию, но представляет горизонтальную типологическую схему, в рамках которой Сократ остается язычником, не становясь христианином, аналогия же проводится посредством метасхематизма между им и его оппонентами, и между Гаманом и его оппонентами.

Такое искусство «перевоплощения» подразумевает также владение оружием оппонента, на территории и отчасти по правилам которого и ведется игра. Исследователи любят сравнивать метод метасхематизма Гамана с внесением троянского коня в цитадель Просвещения [Betz, 2007, p. 311]. Так, если Гаман спорит с просветителями, то он сам примеряет на себя роль просветителя. В уже упомянутом знаменитом письме Канту от 27 июля 1759 г. Гаман иронически (если не сказать издевательски) предлагает помочь Канту в деле собственного переубеждения, уподобляя Канта Сократу, которому для такого значимого дела понадобится наставник – даймон, которым будет он, Гаман.

Подобный прием Гаман применит в СД при использовании довода Юма о вере, примеряя на себя роль сенсуалиста Юма против рационализма Беренса и Канта, но в то же время обращая этот довод и против самого Юма через семантическое расширение понятия «вера».

Сокрытость

Говоря о сокрытости как особенности стиля Гамана, мы не можем не сказать о масштабном влиянии на мысль Гамана теологии Лютера. В этом смысле Бланке принижает это влияние, когда считает, что Гаман вначале открыл Библию, а потом уже стал читать Лютера, и на этом основании описывает отношения Гамана и Лютера как аналогические, а не генеалогические [Blanke, 1956, pp. 43-68]. В Кенигсберге Гаман еще в отрочестве

⁵ См. более подробное обсуждение метасхематизма как метода Гамана в: [Unger, 1925, pp. 501-503; O'Flaherty, 1967, pp. 88-91]. В работе «Metaschematismus und formale Anzeige – Über ein biblisch-paulinisches Rüstzeug des Denkens bei Johann Georg Hamann und Martin Heidegger» [Stünkel, 2005] содержатся параллели между Гаманом и Хайдеггером в отношении метасхематического метода, который трактуется там более узко, как имеющий основание в библейских текстах (в первую очередь апостола Павла), как способе философской аргументации.

проходил конфирмационные занятия по катехизису Лютера. В СД Гаман называет Лютера «нашим отцом церкви» и «великим человеком» [Hamann, 1950, p. 66]. Само общее название следующего после СД цикла трудов Гамана «Kreuzzüge des Philologen» содержит явную отсылку к *theologia crucis* Лютера, выраженной им в Гейдельбергской диспутации 1518 г. [Лютер, 2013, с. 386].

Согласно теологии креста Лютера, Бог в его явном величии (*Deus nudus*) страшен для человека-грешника и не несет ему ничего кроме гнева. Лютер рассматривает действие Бога в рамках дихотомии *Deus absconditus* – *Deus revelatus*, располагая откровение Бога в целях спасения человека на кресте [McGrath, 1985, pp. 164-168].

В стиле Гамана сокрытость обусловлена как теологическими, так и апологетическими мотивами. Гаман нигде не называет Христа по имени, обходясь такими эпитетами как «сын плотника», «галилеянин». «Снисхождение» (*condescentio*) Бога, занимающее одно из центральных мест в теологической схеме Гамана, здесь подразумевает его сокрытость в воплощении.

С другой стороны, Гаман иронически подражает в своем стиле методам отдельных критиков христианства, которые осуществляли ползучую экспансию собственной парадигмы за не вызывающим возражений фасадом. «Я вынужден, – говорит Гаман во вступительном обращении к Беренсу и Канту, – из соображений уместности пойти на то, чтобы набросить на мою религию покрывало, взятое взаймы у патриотически настроенного Сен-Джона и платонически настроенного Шефтсбери и сотканное последними для прикрытия своего неверия и своего лжеверия» [Hamann, 1950, p. 61; Гильманов, 2003, с. 427]. Несомненно, это делается для того, чтобы не отпугнуть его адресатов, которые и так считают Гамана фанатиком-энтузиастом.

Покровы срываются в конце книги, который служит кульминацией всего повествования. Здесь Гаман очевидным образом заявляет о том, что сам Бог вочеловечился и пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине, располагая далее эту истину в позорной смерти Бога на кресте [Hamann, 1950, p. 82].

Coincidentia oppositorum

В свою очередь, такое действие Бога *sub contrario* (под видом противоположности) указывает в контексте работы Гамана на концепцию совпадения противоположностей (*coincidentia oppositorum*) – основной мировоззренческий принцип Гамана на протяжении его писательской карьеры и, пожалуй, единственный, который он признавал⁶. Гаман даже противопоставлял его закону противоречия и закону достаточного основания [Цит. по: Bauer, 1988, p. 65]. На теологическом уровне для него этот принцип реализуется в первую очередь в христологии в доктрине общения свойств (*communicatio idiomatum*) божественной и человеческой природ Христа.

⁶ О сравнении этого принципа в мысли Гамана и Николая Кузанского [см.: Röhricht, 1979]. Относительно возможного знакомства Гамана с трудами самого Кузанца (а не только Джордано Бруно, у которого, как было принято считать, Гаман увидел данную концепцию) [см.: Волжин, 2018].

В СД *coincidentia oppositorum* утверждается посредством резких стилистических и смысловых переходов. Принцип применяется к широкому спектру вопросов. Например, Веспасиан становится богом в момент предсмертной дефекации [Hamann, 1950, p. 60]. Большинству читателей СД – эфемерной публике – работа Гамана покажется плесенью, но некоторые смогут разглядеть в ней микроскопический лес [Hamann, 1950, p. 61].

Применительно к Сократу, центральным аспектом парадокса *coincidentia oppositorum* является провозглашение дельфийским оракулом мудрейшим человека, который сам о себе сказал, что ничего не знает [Hamann, 1950, p. 68].

Основные случаи стилистической передачи принципа *coincidentia oppositorum* так или иначе связаны с христологией. Они обрамляют рождение Христа, его уничтожение, смерть и воскресение. Небесное здесь соседствует с земным, возвышенное с низменным, порой в очень странных сочетаниях. Например, беременность пустого ума Сократа истинным познанием уподоблена непорочному зачатию Христа в ссылке на сатирический трактат д-ра Джона Хилла 1750 г., где тот доказывал возможность забеременеть девственнице от порывов ветра [Hamann, 1950, p. 75].

Ирония Гамана вносит значительные коррективы в проводимые им аналогии. Естественному разуму хочется видеть эстетическое соответствие между красотой и благом (т. н. «калокагатия»). Как в случае Сократа, так и в случае Христа такого соответствия не наблюдается. Гаман говорит о Христе как покрытом ранами и рубцами, которого не могли по этой причине принять иудеи, однако сравнивает это не с неказистой внешностью Сократа (как мы могли бы ожидать), но с его влечением к красивым юношам [Hamann, 1950, pp. 67-68].

Охваченный заботой о поддержании морали Джон Гилберт Купер, с жизнеописанием Сократа которого Гаман здесь полемизирует, пытается защищать Сократа от обвинения в гомосексуализме [Cooper, 1750, pp. 69-70]. В отличие от Купера, Гаман не скрывает гомосексуализм Сократа, расценивает его как порок, однако, отчасти извиняет в сравнении с метафизическим гомосексуализмом его оппонентов. Обсуждение данной тематики в контексте теологии «облика раба» выглядит неожиданным, но именно в этом проявляется стилистическое оформление парадокса совпадения противоположностей в работе Гамана.

Наконец, в самом конце книги в качестве заключительного аккорда показан контраст между благородной смертью Сократа и смертью Христа, в качестве аналогии которой усматривается позорная смерть Роберта Франсуа Дамьена, подвергнутого серии жестоких пыток и продолжительной казни за покушение на убийство Людовика XV [Hamann, 1950, p. 82].

С учетом всего вышесказанного, нам представляется возможным выделить в СД четыре уровня нарратива. Подход Гамана представляет собой сознательно выстроенную трехчастную типологию, используемую для конкретно заданной апологетической цели.

На первом уровне повествования Гаман пишет об историческом Сократе, используя тексты Шарпентье в переводе Томазия и переложении Купера. При этом он особо замечает, что не выступает в качестве историографа Сократа, но обращается только к тем особенностям его жизни, которые отвечают целям его работы. Сюда входят: происхождение

Сократа, его метод майевтики, отношения с юношами, самопознание, выразившееся в его провозглашении о собственном незнании, даимон, порицание софистов и качественное отличие от них и, наконец, суд и казнь.

На втором уровне (в данном случае порядок не идентичен важности) Гаман пишет о Христе как вместиообразе Сократа. Христос предстает как незримый центр работы. Гриффит-Диксон отмечает, что СД есть по сути «попытка оправдать Иисуса для “рационалистической эпохи”, а также вызволить Сократа у тех, кто относится к философии как вопросу моды, власти и престижа» [Griffith-Dickson, 1995, p. 34].

На третьем уровне Гаман представляет себя «христологическим Сократом» XVIII в., которого не понимает и отвергает его окружение, а Берена и Канта как современных софистов, противников истины.

Наконец, на четвертом уровне содержится призыв к Беренсу и Канту и другим людям их круга, которых они персонифицируют (Беренс – буржуазия, Кант – ученые интеллектуалы), достигнуть самопознания, перестать поклоняться абстрактным идеалам Просвещения, таким как «публика», и перейти на сторону Сократа-Христа.

Четвертый уровень можно рассматривать как апологетику (а) личной веры Гамана и его жизненного выбора в Лондоне, (б) жизнеспособности христианской традиции в целом в контексте Просвещения. В отличие от апологетов II–V вв., взаимодействовавших с платонической и стоической философией для опровержения мнения их противников, Гаман использует английских эмпириков (Бэкона и, в особенности, сенсуалиста Юма) против рационалистов французского Просвещения и их германских аналогов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Перевод письма И. Г. Гамана Иоганну Готтхельфу Линднеру.
Кенигсберг, 11 сентября 1759 г. [Hamann, 1955, pp. 408-411].**

Дорогой возлюбленный друг,

Ваши девицы счастливо прибыли. Уважаемая матушка также надеется на Вашу поклажу. Господин Лауфон просит у Вас (1) Вашу первую речь, (2) Ваше стихотворение к старшему пастору Шульцу, (3) проповедь эссенского пастора на погребение старого Ге фон Кампенгаузен.

Госпожа Стр. Вернер живет, где некогда проживали Ваши хорошие друзья и родители ее сестры Гофф; она должна быть хорошей женщиной, и во время трапезы примерно в 9 часов накрывает стол в своей маленькой лавке для 8–10 персон. Больше я про нее не слышал. Соблаговолите указать мне, пожалуйста, если Вам понадобятся дополнительные сведения.

Ге В. навестил меня в день Александра Невского. Завтра я постараюсь нанести ему обратный визит, если застаю его дома.

Я пустил себе кровь и должен немного полечиться; желаю Вам, дорогой друг, чтобы Вы не чувствовали себя обязанными, но при этом могли бы к правильному времени поступить как я. Чувствую себя замечательно, однако, тружусь над закупорками. Молодая

мать, выходящая из послеродового периода, – из предлагаемого наброска Вы заключите, что со мной случилось нечто такого рода. Используйте это для облегчения пищеварения, по типу египтян, которые пользовались этим, чтобы вспоминать о своей смертности.

Сократические достопримечательности,
собранные воедино для развлечения публики
любителем досуга
с двойным посвящением
Никому и Двоим.

Введение. Судьбы истории философии. Критика Стэнли, Брюкера и Деланда. Связь философии и ее истории. Проект составления истории философии. По причине отсутствия написанной так истории, проект ее изучения и употребления лучшим образом, чем делалось до сих пор. Поясняющий пример. Какова конечная цель истории в общем. Двумя знаменитыми примерами доказываем, что неверие порождает в истории поэтов и романистов. Какое значение имеет для нас то, что какое-либо произведение прошлого могло быть утрачено. Прощание и утешение ученых, плачущих о пропавших трудах. Прочитованы Бэкон и Болингброк. Каково намерение автора. Недостает хорошего жизнеописания Сократа. Анекдотец про этого мудреца, сопровождаемый заявлением автора.

Часть I. Каковы были родители Сократа. Чему он научился у своей матери? Чему научился у своего отца? Сократ становится скульптором; рассуждения о его статуях. Должно ли предпочесть Сократа как скульптора сыну плотника. Его пристрастие к юношам хорошего вида. О противоречиях. Об оракулах и метеорах.

Часть II. Критон: благодетель Сократа. Ему приходится нанимать много учителей и учительниц. Сравнение ничего не имеющего человека с тем, кто ничего не знает. Сравнение незнания Сократа с ипохондрией. Девиз Сократа сопоставлен с надписью на храме в Дельфах. Замечания по поводу дидакалии Аполлона, т. е., его метода обучения. Уловка герменевтики. Одни и те же истины могут быть изложены с совершенно разным духом. Многообразие смыслов сократического высказывания «Я ничего не знаю» в зависимости от типа лиц, к которым он его обращал. Попытка описания мыслей человека, который говорит: «Я не играю», будучи приглашен к игре в карты. Незнание Сократа противопоставлено незнанию скептиков. Различие между ощущением и теоремой или доказательством его же. Вера столь же мало обусловлена причинами, как вкус и зрение. Воображение не есть вера. Печать и ключ к свидетельствам Сократа о его незнании. Доказательство того, что людям-гениям всегда допустимо не знать правил и быть их нарушителями. О даймоне Сократа.

Особенности его учения и размышления как неизбежное следствие его незнания. Исторические палингенезии. Некоторые симптомы того, что Сократ был предназначен именно для афинян.

Часть III. О трех военных кампаниях Сократа. О его публичных обязанностях. Почему Сократ не стал писателем: 1) ради согласия с самим собой, 2) неспособность, 3) его икономия, 4) ввиду предположения о его манере письма. Приводится одна из его притч и аллюзий и применяется к нашему времени. Сократ осужден как злодей. Его преступление. Как он защищается. Внезапная идея облегчает совесть судей. Празднество дает ему 30 дней

для приготовления к смерти. Посмертное явление. Следы его божественного предназначения, по мнению Платона, могли бы быть признаны в его добровольной бедности, но более всего в его кончине и в чести, которая выпадает всем пророкам при осуждении их на смерть.

Заключительное рассуждение. Состоит из некоторых кратких наставлений тем, кто предназначен для служения истине и предсказания о том, на какую награду они могут надеяться за их труды.

Я обратился к примеру Аристотеля, который издал одно сочинение, о котором заявил, что было бы лучше, если бы оно не было издано, поэтому я не первый, кто дразнит публику. Я уже выразил открыто свои убеждения по этому поводу, и я кланяюсь только лишь как Наман перед идолом его господина, когда он должен был по обязанности сопровождать его в храм того идола.

На меня нельзя возложить бремя двусмысленности, иронии и возбуждения (Schwärmerey), потому что здесь имеется не что иное, как подражание моему герою и сократическим писателям-историкам, особенно Шефтсбери и Боллингброку.

Аттический патриотизм первого и платонический энтузиазм второго – суть образцы и антиподы, на которые я указал двоим здешним друзьям. В моем посвящении двоим я отважился сделать предположение, что Сократ обращался к читателям, которые умели плавать, и я также похвалил его метод суждения о темных сочинениях, который состоял в том, чтобы отличать понятное от непонятного.

Могу сказать Вам как другу, что я работал над этим исследованием с упоением, и что оно получилось у меня, как я того желал. Поскольку сам собой я могу быть доволен, я мало завишу от приема у публики. Люди могут выступать против истины, и само это возражение служит им доводом. Можно высмеивать или ревновать о том, в какие пестрые одежды они рядятся: такова участь всех модных одежд, что люди их осуждают либо подражают им.

Я так же мало стыжусь шуток относительно моего познания, как Исаак – Ревекки, чтобы еще смотреть в окно, где стоит похотливый филистимлянин. Моя весенняя радость цветам и добрый настрой моего сердца не помешали мне думать о моем Творце, Творце моей юности и ее шуток. Сижу в тени той, которую желал, говорит моя Муза, и плод ее сладок в моей гортани. Он ведет меня в винный погреб и любовь и Его любовь – знамя надо мной. Освежаюсь цветами и подкрепляюсь яблоками. Вот горы, вот холмы, на которых скачу как беглая лань и поднимаю пыль.

Вы знаете, что мое мышление не систематично, и тем более мой слог ката τὸ βουστροφῆδον (не знаю, насколько правильно это пишу), действующий по методу плуга. Предохраняйте меня, милый друг, от моего духа. Мне нравится думать о моих грехах и безумствах и вспоминать об этом, потому что они всегда вводят меня в ум Иакова, подобно тому, как виночерпий обратил к нему фараона.

Даже если дух недобрый поставит меня на крыло храма, то я не брошусь вниз по его настоянию, но скажу вместе с Павлом: «Ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить ...» или вместе с Давидом: «Сойду ли в преисподнюю – и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, – и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя».

Имейте также терпение к моей плотской слабости и не позволяйте себе рассердиться на меня за мою честность. Как многие хвалятся собой, так и я хвалюсь дерзновенно глупостью. Ибо вы, люди разумные, охотно терпите глупцов. Вы охотно терпите, когда кто вас порабощает, когда кто объедает, когда кто бьет вас в лицо (2 Кор 11).

Все, что я поэтому Вам пишу, проистекает из доверия к Вашей дружбе, в крепости которой я не сомневаюсь. Обнимаю Вас наряду с Вашей дражайшей половиной и остаюсь до конца Вашим истинным другом и слугой. Гаман.

Список литературы / References

Волжин, С. В. (2018). *Theologia crucis и coincidentia oppositorum: Иоганн Георг Гаман, Мартин Лютер, Николай Кузанский. Реформация Мартина Лютера: философско-исторический взгляд прошлого и современности.* Коллективная монография. Ред. И. Л. Фокин. СПб.

Volzhin, S. V. (2018). *Theologia crucis и coincidentia oppositorum: Johann Georg Hamann, Martin Luther, Nickolas of Cusa.* In Fokin, I. L. (ed.). *Reformation of Martin Luther: Philocophical-historical outlook of the Past and Modernity. Joint monograph.* St. Petersburg. (In Russ.)

Гете, И. В. (1976). *Из моей жизни. Поэзия и правда.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. М.

Goethe, J. W. (1976). *Aus meinem Leben: Dichtung und Wahrheit.* Works in 10 vols. Vol. 3. Moscow. (In Russ.)

Гильманов, В.Х. (2003). *Герменевтика «образа» И. Г. Гамана и Просвещение.* Калининград.

Gilmanov, V. Kh. (2003). *J. G. Hamann's Hermeneutics of «Type» and the Enlightenment.* Kaliningrad. (In Russ.)

Гильманов, В. Х. (2013). *И. Г. Гаман и И. Кант: битва за чистый разум.* Калининград.

Gilmanov, V. Kh. (2013). *J. G. Hamann and I. Kant: Fight for a Pure Reason.* Kaliningrad. (In Russ.)

Гулыга, А. В. (1985). *Немецкая классическая философия.* М.

Gulyga, A. V. (1985). *German classical philosophy.* Moscow. (In Russ.)

Лютер, М. (2013). *Гейдельбергские диспутации.* Пер. Н. В. Еремеева. *Реформация Мартина Лютера в горизонте европейской философии и культуры: Альманах.* Ред. О. Э. Душин. СПб. (Verbum. Вып. 15). С. 384-418.

Luther, M. (2013). *Heidelberg Disputations.* Eremeeva, N. V. (transl.). In Dushin, O. E. (ed.). *Reformation of Martin Luther in the Horizon of European Philosophy and Culture: Almanac.* St. Petersburg. (Verbum. Vol. 15). pp. 384-418. (In Russ.)

Стрельцов, А. М. (2018). Аксиологическая проблематика призвания философа в «Сократических достопримечательностях» И. Г. Гамана. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 43. С. 111-116.

Streltsov, A. M. (2018). Axiological Problems of the Philosopher's Calling in Hamann's Socratic Memorabilia. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. Vol. 43. pp. 111-116. (In Russ.)

Amir, L. B. (2014). *Humor and the Good Life in Modern Philosophy: Shaftesbury, Hamann, Kierkegaard*. SUNY Press.

Balthasar, H. U. et al. (1983). *The Glory of the Lord: A Theological Aesthetics*. Vol. 1. San Francisco.

Beiser, F. C. (1987). *The Fate of Reason. German Philosophy from Kant to Fichte*. Cambridge.

Betz, J. R. (2007). Hamann Before Kierkegaard: A Systematic Theological Oversight. *Pro Ecclesia*. Vol. 16. no. 3. pp. 299-333.

Bayer, O. (1988). *Zeitgenosse im Widerspruch. J. G. Hamann als radicaler Aufklärer*. München. Zürich.

Blanke, F. (1956). Hamann und Luther. *Studien zur Dogmengeschichte und systematischen Theologie*. Vol. 10. pp. 43-68.

Blanke, F. (1959). *Johann Georg Hamann Hauptschriften erklärt. Vol. II. Sokratische Denkwürdigkeiten*. Gütersloh.

Cooper, J. G. (1750). *The Life of Socrates*. London.

Davidson, R. M. (1981). *Typology in Scripture: A Study of Hermeneutical *tupos* Structures*. Berrien Springs. MI.

Griffith-Dickson, G. (1995). *Johann Georg Hamann's Relational Metacriticism*. Berlin.

Griffith-Dickson, G. (2022). *Johann Georg Hamann*. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online]. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/hamann/> (Accessed: 15 July 2023).

Hamann, J. G. (1950). Sokratische Denkwürdigkeiten. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Bd. 2. Schriften über Philosophie, Philologie, Kritik: 1758–1763*, 2.57–82. Wien. Herder. pp. 57-82.

Hamann, J. G. (1951). *Zwey scherflein zur neuesten deutschen litteratur*. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritischen Ausgabe von. J. Nadler. Bd. 3. Schriften über Sprache, Mysterien, Vernunft: 1772–1788*. Wien. pp. 229-242.

Hamann, J. G. (1953). *Sämtliche Werke. Historisch-kritischen Ausgabe von. J. Nadler. Bd. 5. Tagebuch eines Lesers: 1753–1788*. Wien.

Hamann, J. G. (1955). *Briefwechsel. Bd. 1*. Ziesemer, W. und Henkel, A. (hrsg.). Wiesbaden. Insel.

Hamann, J. G. (1993). *Londoner schriften*. Bayer, O. und Weissendorn, B. (hrsg.). München.

Hegel, G. W. F. (1956). *Hamann's Schriften. Sämtliche Werke. Bd. XI*. Hamburg.

Lafont, C. (1999). *The Linguistic Turn in Hermeneutic Philosophy*. Cambridge. London.

Leonard, M. (2012). *Socrates and the Jews: Hellenism and Hebraism from Moses Mendelssohn to Sigmund Freud*. Chicago.

Lowrie, W. (1950). *Johann Georg Hamann: An Existentialist*. Princeton.

McGrath, A. E. (1985). *Luther's Theology of the Cross*. Oxford.

O'Flaherty, J. C. (1997). "Petitio principia minimi" as a Leitmotif of the Enlightenment According to Hamann. *Neue Zeitschrift für systematische Theologie und Religionsphilosophie*. Vol. 39. no. 3. pp. 233-247.

Röhrich, R. (1979). Johann Georg Hamann und Nikolaus von Kues. *Johann Georg Hamann. Acta des Internationalen Hamann-Colloquiums in Lüneburg 1976*. Frankfurt am Mein. pp. 281-284.

Stünkel, K. M. (2005). Metaschematismus und formale Anzeige – Über ein biblisch-paulinisches Rüstzeug des Denkens bei Johann Georg Hamann und Martin Heidegger. *Neue Zeitschrift für Systematische Theologie und Religionsphilosophie*. Vol. 47. pp. 259-287.

Unger, R. (1925). *Hamann und die Aufklärung*. Bd. 1. Halle.

Young, E. (1822). *The Poems of Edward Young*. Chiswick.

Сведения об авторе / Information about the author

Стрельцов Алексей Михайлович – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: streltsov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1116-1884>

Статья поступила в редакцию: 17.07.2023

После доработки: 18.08.2023

Принята к публикации: 30.09.2023

Streltsov Alexey – Candidate of Philosophical Sciences, Research Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: streltsov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1116-1884>

The paper was submitted: 17.07.2023

Received after reworking: 18.08.2023

Accepted for publication: 30.09.2023

Серия статей подготовленных для конференции
«Аналитическая философия: вычислительный поворот» 27 - 28 апреля 2023 г.

Стремительно растущее использование вычислительных технологий в познавательной деятельности человека уже привело к колоссальной трансформации традиционных средств получения, хранения и распространения знания. Вычислительный *modus essendi* научного и повседневного знания создал целый ряд проблем эпистемологического, социально-организационного, этического содержания, решение которых средствами классических концепций эпистемологии, этики и социальной философии представляется недостаточным.

Весной 2023 году ИФПР СО РАН в рамках проекта «Открытая аспирантура» при поддержке Центра исследований искусственного интеллекта и социальной эпистемологии (https://philosophy.nsc.ru/ai_se) в цикле публичных лекций, посвященных вопросам человеческого мышления и искусственного интеллекта (https://www.philosophy.nsc.ru/otkr_asp), поднимались проблемы соотнесения познания, аргументации и творчества человека и машины. Во время работы конференции прошло обсуждение тем, связанных, с одной стороны, с противопоставлением, а с другой стороны, с интеграцией человека и вычислительных систем в познавательной деятельности.

УДК 004.8; 168.5

НЕОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПРИНЦИПЫ БАЗОВЫХ ДЕФИНИЦИЙ¹

А. Ю. Алексеев

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Государственный академический университет гуманитарных наук (г. Москва)
aa65@list.ru

Аннотация. Раскрываются общие положения вычислительной версии аналитической философии – неоаналитической философии, ориентированной на философский анализ логико-лингвистических и программно-информационных проблем построения систем искусственного интеллекта. Основное внимание в работе уделяется организации компьютерной системы, обеспечивающей дефиницию системы ИИ. Предлагается интуитивное и формальное определения понятий ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, неоаналитическая философия, формальная дефиниция искусственного интеллекта, комплексный тест Тьюринга.

Для цитирования: Алексеев, А. Ю. (2023). Неоаналитическая философия: принципы базовых дефиниций. *Respublica Literaria*. Т. 4. №. С. 59-69. DOI: 10.47850/RL.2023.4.59-69

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ГАУГН «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты». Регистрационный номер НИОКТР 123022000042-0. Код темы FZNF-2023-0004. Регистрационный номер темы 1022040800826-5-5.2.1;6.3.1;5.9.1.

NEO ANALYTICAL PHILOSOPHY: PRINCIPLES OF BASIC DEFINITIONS²

A. U. Alekseev

RUDN University, State Academic University for the Humanities (Moscow)
aa65@list.ru

Abstract. The general provisions of the computational version of analytical philosophy, a neo-analytical philosophy focused on the philosophical analysis of logical-linguistic and program-informational problems of building artificial intelligence systems, are revealed. The focus of the work is on the organization of a computer system that provides the definition of an AI system. Intuitive and formal definitions of AI concepts are proposed.

Keywords: Artificial intelligence, neoanalytic philosophy, formal definition of artificial intelligence, comprehensive Turing test.

For citation: Alekseev, A. U. (2023). Neo Analytical Philosophy: Principles of Basic Definitions. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. pp. 59-69. DOI: 10.47850/RL.2023.4.59-69

Вычислительный поворот, благодаря которому становится возможной перспектива новой версии аналитической философии – *неоаналитической философии*, будет полезен, если благодаря собственным компьютерным методам получится освободиться от вредных накоплений прошлого, а также ясно и четко определиться с конкретными путями ее развития. Первый способ – элиминации ненужного – мы лишь вкратце обозначим. Второй же способ – дефиниции основного вопроса неоаналитической философии – мы достаточно подробно раскроем.

Во-первых, в «повернутой» аналитической философии вряд ли будет востребована в полной мере та лингвистическая схоластика, которая была традиционной для процесса «определения определений» в ходе анализа форм, способов и контекстов словоупотребления. «Аналитическая философия – это анализ языка. Аналитический философ для более четкого понимания снимает очки и начинает их протирать, протирать и протирать. Надо же их и обратно надеть», – образно реагировал на аналитическую философию К. Поппер (как утверждал об этом А. В. Панин, экс-декан философского факультета МГУ [Панин А. В., 2017]). Во время философского поворота, по всей видимости, удобно было бы избавиться от «лишнего» груза споров об определениях слов. Эти споры, однако, порой бывают весьма значительными. Например, дискуссии по поводу «знаний», «знаний о знаниях», «знаний о знаниях знаний о знаниях» и пр. Они проясняют природу знания и познания, составляя, тем самым, саму суть философствования. Однако лингвистическое мелкотемье аналитической философии засасывает. Чтобы не попасть в это болото, предлагается использовать, например, метод рекурсивной сборки мусора (тупиковых ветвей критических дискуссий) и очистки от них. Рекурсия – это классический метод программирования функции, вызывающей саму себя и выявляющей в ходе серии

² The article was prepared with financial support within the framework of implementing the SA (state assignment) of the State Academic University for Humanities (GAUGN): “Digitalization and the formation of a modern information society: cognitive, economic, political and legal aspects” (FZNF – 2023 - 0004).

самовывозов собственное тело рекурсивного определения, очищенное от лишних переменных. То есть средствами компьютерных методов моделирования рассуждений имеется возможность четкой фиксации того, на какой ветке логического вывода кто, когда и в каком состоянии находится, какова степень тупиковости дискуссии, каковы пути выхода из рекурсии-дискуссии посредством штатных и аварийных событий и пр. Такой метод рекурсивной элиминации дискуссий достаточно просто запрограммировать. Он может занять достойную роль в компьютерном инструментарии средств поддержки философского анализа, демонстрируя выгоду ИТ-поддержки.

Ясное и четкое задание общей цели философского анализа – дефиниция, выявление и закрепление значений и смыслов слов, суждений, рассуждений – также достаточно просто реализовать компьютерными методами. Для этих целей нужна своеобразная ЕСКК – единая система классификации и кодирования предметной области компьютерной системы. Классические методы ее обработки были предложены еще в 1970–1990 гг., а в настоящее время ЕСКК поддерживается, помимо традиционных символьных средств, нейронными сетями обеспечения формализации, систематизации, унификации, классификации, типизации и пр. Эта ЕСКК неоаналитической философии как компьютерный способ формирования *единой картины мира* и есть то, к чему и посредством чего совершается «поворот». Неоаналитическая философия, отвечая этой масштабной цели, должна широко, глубоко и многомерно дать дефиниции как естественного, так и искусственного интеллекта с его многочисленными версиями, версиями версий и интерпретациями интерпретаций этих версий версий: сильной, слабой, узкой, общей, гибридной, глобальной, доверительной и др.

Если исходить из версии общего искусственного интеллекта, то неоаналитическая философия должна снабдить определениями весьма широкий спектр программно-аппаратной реализации когнитивных феноменов. Это проект *искусственной жизни*, направленный на компьютерную реализацию витальных феноменов: может ли компьютер жить? Проект *искусственный мозг / искусственное сознание* ориентирован на компьютерную реализацию ментальных феноменов: может ли компьютер сознавать (самосознавать)? В зависимости от вектора решения психофизической проблемы эти проекты получили название искусственный коннектор и почти неотличимы от названия данного проекта – Human Brain Project. В данной версии проекта естественно-научные основания начинают преобладать в методологии исследований. Если же признается в основе проекта архитектура, точнее архитектоника психической активности (то, что обозначают словосочетанием «искусственный огниотом»), тогда социогуманитарные основания, в особенности психология, становятся доминирующими областями исследований.

Проект искусственная личность / искусственный зомби, направленный на компьютерную реализацию персональных феноменов, отвечает на вопросы: может ли компьютер быть личностью или может ли стать ею в ходе решения квазиалгоритмических задач? Возможно, следует ограничиться имитацией личностного, не углубляясь в моделирование внутренней, духовной жизни человека, ведь в любом случае программно-аппаратной реализации персональных феноменов мы всего лишь претендуем на построение компьютерной системы, которую можно считать когнитивным зомби в презумпции неотличимости когнитивных функций от аппроксимативно точной имитации этих функций. Система искусственного интеллекта ведет себя как личность, имеет функциональную и даже, в ряде проектов, физическую неотличимость от естественной личности человека.

Однако компьютерная реализация личности в любом случае будет зомби. Легко показать то, что основная работа для философии искусственного интеллекта – статья А. М. Тьюринга 1950 г. «Вычислительные машины и интеллект» [Turing 1950] была ориентирована именно на проект искусственной личности, точнее, на вариации этого проекта в части компьютерного зомби. Сам А. Тьюринг убедительно доказывал то, что никакой теории сознания не надо для правдоподобной игры в имитацию сознательного поведения [Turing 1950, p. 445-447].

Следующий проект – *искусственное общество* – ориентирован на компьютерную реализацию социальных феноменов: может ли компьютер быть обществом? Это применение компьютерного инструментария необходимо для моделирования социального поведения и более широко для изучения и воспроизведения феноменов интересубъективной реальности – дружбы, любви, ненависти и др. В нашей стране (и в структуре стран БРИКС) лидером данного проекта, сформированного в 2006 г., является группа ученых и специалистов, организованных на базе журнала «Искусственные общества» в ЦЭМИ РАН (рук. – академик В. Л. Макаров).

Наконец, предметом определения исследований неоаналитической философии является проект *искусственный мир*. Проект обладает панкомпьютерным статусом: концепция вычислимости участвует во всех широчайших и мельчайших проявлениях когнитивной жизни, включая, например, «концепт концепта вычислимости». Может ли компьютер *все*? – основной вопрос данного проекта. Двадцать лет назад этот проект был неотличим от проекта искусственных обществ [Макаров, 2006]. В канун же 2022 г. тренд его изучения оказался полон сюрпризов. 28 октября 2021 г. М. Цукерберг официально преобразовал Facebook в корпорацию Meta (признана в России экстремистской организацией и запрещена), объяснив это важностью виртуализации социальной жизни [Meta-вселенная Facebook ..., 2021]. Президент РФ В. В. Путин 12 ноября 2021 г. на международной конференции по искусственному интеллекту и анализу данных «Artificial Intelligence Journey 2021» заявил о том, что «государство должно взять на себя ответственность за хранение критически важной информации. Речь уже идет не о том, чтобы обеспечить кибербезопасность самого человека, но и его виртуального двойника – аватара внутри формирующихся метавселенных» [Путин заявил о долге властей ..., 2021]. На это заявление немедленно отреагировал Президент РАН академик А. М. Сергеев и подписал постановление «Искусственный интеллект в контексте информационной безопасности» [Постановление Президиума РАН 23 ноября 2021 г. ..., 2021]. В данном документе сформулирован широкий спектр междисциплинарных задач построения безопасных информационных технологий. Их концептуальной основой является методика оценки доверия к искусственному интеллекту. Создание методики было поручено НСМИИ РАН [Постановление Президиума РАН 25 июня 2019 г. № 129 ..., 2019]. Каков правовой статус цифровых субъектов и аватаров, роботов, киборгов, что такое цифровой двойник человека, может ли этот двойник быть наделен теми же правами и обязанностями, что и реальный человек? Эти и подобные вопросы стали главными фундаментальными проблемами развития методологии ИИ в нашей стране в первой половине 2022 г. Методика доверия была разработана и утверждена в июне 2022 г. [Лекторский и др., 2022].

Пожалуй, показателем успеха этой методики доверия к ИИ явились более четкие дефиниции ИИ: через год после этого выступления Президент РФ В. В. Путин на очередной конференции «Artificial Intelligence Journey 2022» выступил точнее. Он отошел от фантастических идей Г. О. Грефа, председателя Правления Сбербанка, назначенного главным оператором исследований ИИ в нашей стране, но по сути превратившего серьезные исследования ИИ в потемкинские деревни и футурологическую демагогию по поводу общего и сильного ИИ, аватаров и метавселенных и пр. В 2022 г. Президент РФ отметил то, что «значения прорывов в сфере искусственного интеллекта колоссальны. Соперничество между государствами идет просто ожесточенное. От того, каких результатов мы добьемся, зависит место России в мире, наш суверенитет, безопасность и состоятельность нашей страны ... От развития ИИ также зависит возможность России решать задачи экономики и промышленности на качественно новом уровне» [Путин заявил об «ожесточенном соперничестве» стран в сфере ИИ ..., 2022]. Эти суждения, в особенности последние, по сути неотличимы от той роли, которую приписывали ИИ в программах сорокалетней давности: для организации управления, развития экономики, повышения качества труда и пр. Нет футурологических обещаний, зато четко прорисована задача для чего ИИ нужен.

Таким образом, дефиниции ИИ значимы. Причем здесь важна даже предварительная логическая работа, не затрагивающая глубинных философско-аналитических оснований методов извлечения смыслов и значений слов с их интерпретациями, верификациями, координациями, когеренциями и ковариациями. Нужны самые простые обычные предварительные дефиниции.

Предложим интуитивно-формальный принцип дефиниции вычислительных понятий на примере определения основного понятия ИИ, каковым является «искусственный интеллект». Так как мы работаем в вычислительной сфере, в которой важны различия между интуитивными и формальными дистинкциями «алгоритма», то подобным образом выделим интуитивное и формальное определения «искусственного интеллекта». Несомненно, важное интуитивное определение ИИ представлено в Указе Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Указ Президента Российской Федерации ..., 2019]. Под ИИ понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [Там же, п. 5].

Это весьма верное определение ИИ, однако, концептуальное неприятие его происходит с первых слов Указа, а именно с трактовки словосочетания «когнитивная функция человека». Проведем небольшой лингвистический анализ.

Что такое «когнитивная»? Под словом «когнитивная» [функция] в самом общем смысле принято понимать то, что относится к познанию. Применительно к ИИ выделяется несколько способов познания. Гносеология как сугубо философская дисциплина изучает познаваемость мира вообще, пытаясь определить вначале то, что такое «познаваемость», «мир», «вообще». Эпистемология изучает методы, операции, нормы, ценности познания с позиции научной рациональности. Когнитивистика вносит инженерный, технический аспект в познание: какими машинами и механизмами реализуется познание. Наконец, искусственный интеллект эти машины познания рассматривают как электронно-вычислительные программно-информационные системы.

В ИИ, казалось бы, философский подход должен быть напрочь элиминирован: в эпистемологии философов вытеснили ученые, в когнитивистике – инженеры, а в ИИ – программисты. Неоаналитическая философия призвана реабилитировать общую философию в условиях современных вычислительных новаций. Интеллект, разум, когнитивное, искусственное – это слова, наполненные компьютерной методологией философского содержания.

Что такое «функция»? В современной когнитивистике «функция» понимается тройко. Во-первых, это роль, которая выполняется при принятии допущения о субстратной инвариантности подсистем. Например, может быть много субстратно-вариативных «сердец», которые, помимо естественного сердца, успешно выполняют роль перекачивания крови в организме. Во-вторых, функция – это отображение, аргументом которого является мозговая активность, а областью значений – когнитивные феномены сознания: боль, понимание, мышление и др. Например, «когнитом» К. В. Анохина [Когнитом 2023] функционально отображается коннектомом С. Сеунга [Сеунг 2012]. В этой дуалистической конструкции четко выделяется область значения (когнитом) и область отправления (коннектом): идея / материя, дух / тело, сознание / мозг, когнитом / коннектом, когниция / реализация. В-третьих, функция – это рекурсия как конструктивное конструирование конструкции, в мельчайших деталях воспроизводящее оригинал в копии (в суррогате, дубликате, двойнике). Пример: рекурсивное определение аутопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы [Матурана, Варела, 2001].

Наконец, к какому такому человеку относится третий член определения «когнитивной функции человека»? Это человек, которого определял Платон, как общипанного петуха с плоскими ногтями [Диоген Лаэртский, 1979, с. 246], либо это всеильный человек эпохи Просвещения [Гуревич, 2001, с. 49-80], либо это киборгизированный еНото [Нариньяни, 2005]? Возможно ли указание четких антропологических параметров человека? Тысячелетиями люди не смогли этого сделать. Вспомним то, что для И. Канта решение вопроса «Что такое человек?» представлялось итогом его философии, включавшей следующие вопросы: Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться? (см. Предисловие Гулыги А. В. в [Кант, 1994, с. 47]). В связи с выше изложенным не понятно то, зачем в определении ИИ из Указа приведено понятие «человек» совместно с «когнитивными функциями» [Указ Президента Российской Федерации ..., 2019]. Это логически некорректно, так как непомерно расширяет содержание.

Заключительная часть выделенного определения ИИ еще хуже для целей понимания того, что же надо выполнять в Указе [Там же]. Каков тот «минимум» сопоставления с результатами интеллектуальной деятельности человека, что такое «деятельность» вообще, а что такое «интеллектуальная» деятельность. Непонятно, почему учитываются только «конкретные интеллектуальные задачи». Почему не учитываются «абстрактные задачи», ведь абстрагирование имманентно интеллекту, т. е. из определения интеллекта удалена неотъемлемая его составляющая? Может быть, в Указе применяется определение не по поводу ИИ, а имеется в виду нечто иное? Какие такие ИИ мы будем создавать в национальном масштабе, если многое в Указе непонятно?

Таким образом, интуитивное определение понятия «искусственного интеллекта» представляется контрпродуктивным. Из-за терминологической полисемии оно формирует ложные стратегии развития ИИ, технологические просчеты, экономические затраты.

Например, очевидны потери от игнорирования и сворачивания традиционных программ в области искусственного интеллекта в угоду модным «нейроморфным» проектам машинного обучения. Роль этих проектов, к сожалению, акцентирована в Указе. Даже весьма поверхностный философско-аналитический экскурс позволяет сформировать скептическое отношение к подобным проектным перспективам. Например, «Мельница Лейбница»: знание механизмов мозга не связано с пониманием того, что эти механизмы производят.

Формальное определение искусственного интеллекта позволяет экономить средства народного хозяйства. Понятие ИИ представляется кратким и точным: искусственный интеллект – это компьютерная реализация комплексного теста Тьюринга [предложено и подробно раскрыто в: Алексеев, 2006; Алексеев, 2013; Алексеев, 2016]. Комплексный тест Тьюринга – это собирательное понятие из сотен тестов, инспирированных идеями игры в имитацию А. Тьюринга, изучающих возможности компьютерной имитации, моделирования, репродуцирования мышления, внимания, понимания, осознания, самосознания, творчества, любви и многих других когнитивных функций интеллектуальной деятельности. Автор каждого частного тьюрингового теста, включая самого А. Тьюринга, предлагал уникальную дефиницию некоторой частной особенности или класса особенностей искусственного интеллекта. Взятые в комплексном формате эти частные дефиниции, проверенные, доказанные и убедительные, получают универсальное значение и приемлемый статус доверительности к системе ИИ. В преломлении к идеям панкомпьютеристского охвата современной – электронной – культуры эти дефиниции выступают аналитическими единицами систематического оформления единого мира [Алексеев, 2018] с аппроксимативно уточняемым пониманием *моего* места в нем. Основной вопрос комплексного теста Тьюринга «Может ли компьютер *всё?*» совпадает с основным вопросом проекта «искусственный мир». Многочисленные версии теста Тьюринга, интегрально отвечая на этот вопрос, служат цели «протиранья очков», через которые обзревается искусственный мир и *Я* в этом мире. Но этот тест предназначен не только для распутывания проблем лингвистической состоятельности оксюморона «искусственный интеллект». Он отвечает за изучение принципиальных вопросов понимания того, как надо строить, реализовывать и использовать этот новый компьютерный мир.

Именно к комплексному тесту Тьюринга и надо «свернуть» при решении задачи построения неоаналитической философии как вычислительной версии аналитической философии. Этот тест выявляет роль *меня* и позволяет в постнеклассическом аналитическом формате изучать единство искусственной и естественной подсистем компьютерной реализации когнитивных функций.

Список литературы / References

Алексеев, А. Ю. (2006). Возможности искусственного интеллекта: можно ли пройти тесты Тьюринга. *Искусственный интеллект: междисциплинарный подход*. Под ред. Д. И. Дубровского и В. А. Лекторского. М. ИИнтелЛ. С. 223-243.

Alekseev, A. Yu. (2006). The capabilities of Artificial Intelligence: is it possible to pass Turing tests. Dubrovsky D. I., Lektorsky V. A. (eds.) *Artificial intelligence: an interdisciplinary approach*. Moscow. pp. 223-243. (In Russ.)

Алексеев, А. Ю. (2013). *Комплексный тест Тьюринга: философско-методологические и социокультурные аспекты*. М. ИИНТЕЛЛ. 307 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://aintell.info/16/> (дата обращения: 11.10.2023).

Alekseev, A. Yu. (2013). *The Comprehensive Turing Test: the philosophical, methodological and socio-cultural aspects*. Moscow. 304 p. [Online]. Available at: <https://aintell.info/16/> (Accessed: 11October 2023). (In Russ.)

Алексеев, А. Ю. (2016). *Философия искусственного интеллекта: концептуальный статус комплексного теста Тьюринга*. Дис. ... д-ра филос. наук. [Электронный ресурс]. URL: <https://istina.msu.ru/dissertations/15422339/> (дата обращения: 11.10.2023)

Alekseev, A. Yu. (2016). *Philosophy of Artificial Intelligence: Conceptual Status of the Comprehensive Turing Test*. Dis. ... Doctor of Philosophy Sci. [Online]. Available at: <https://istina.msu.ru/dissertations/15422339/> (Accessed: 11 October 2023). (In Russ.)

Алексеев, А. Ю. (2018). Тестовый компьютеризм как методологическая парадигма искусственных обществ. *Искусственные общества*. Т. 13. Вып. 1-2. DOI: 10.18254/S0000119-9-1 [Электронный ресурс]. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800000119-9-1/> (дата обращения: 11.10.2023)

Alekseev, A. Yu. (2018). Test computationalism as a methodological paradigm for artificial societies. *Artificial societies*. Vol. 13. Issue. 1-2. DOI: 10.18254/S0000119-9-1 [Online]. Available at: <https://artsoc.jes.su/s207751800000119-9-1/> (Accessed: 11 October 2023) (In Russ.)

Гуревич, П. С. (2001). *Философия человека*. Ч. 2. М. 220 с.

Gurevich P. S. (2001). *Philosophy of man*. Part 2. Moscow. 220 p. (In Russ.)

Диоген Лаэртский (1979). *О жизни, учении и изречениях знаменитых философов*. М. Мысль. 620 с.

Diogenes Laertius (1979). *About the life, teaching and sayings of famous philosophers*. Moscow. 620 p.

Когнитом (2023). [Электронный ресурс]. *Википедия*. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%BC/> (дата обращения: 11.10.2023).

Cognitom (2023). [Online]. *Wikipedia*. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%BC/> (Accessed: 11 October 2023). (In Russ.)

Сеунг, С. (2012). *Коннектом. Как мозг делает нас тем, что мы есть*. М. «БИНОМ. Лаборатория знаний».

Seung, S. (2012). *Connectome: How the Brain's Wiring Makes Us Who We Are*. Moscow.

Лекторский, В. А. (ред.), Алексеев, А. Ю., Винник, Д. В., Гарбук, С. В., Черногор, Н. Н. (2022). *Методика оценки доверия к «искусственному интеллекту»*. М. Президиум РАН. 17 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://aintell.info/55/> (дата обращения: 11.10.2023).

Lektorsky, V. A. (ed.), Alekseev, A. Yu., Vinnik, D. V., Garbuk, S. V., Chernogor, N. N. (2022). *Methodology for assessing trust in “Artificial Intelligence”*. Moscow. 17 p. [Online]. Available at: <https://aintell.info/55/> (Accessed: 11 October 2023). (In Russ.)

Лекторский, В. А., Васильев, С. Н., Макаров, В. Л., Хабриева, Т. Я., Кокошин, А. А., Ушаков, Д. В., Валуева, Е. А., Дубровский, Д. И., Черниговская, Т. В., Семенов, А. Л., Зискин, К. Е., Любимов, А. П., Целищев, В. В., Алексеев, А. Ю. (2022). *Человек и системы искусственного интеллекта*. Под ред. акад. РАН В. А. Лекторского. СПб. Изд-во «Юридический центр». 328 с.

Lektorsky, V. A. (ed.), Vasiliev, S. N., Makarov, V. L., Khabrieva, T. Ya., Kokoshin, A. A., Ushakov, D. V., Valueva, E. A., Dubrovsky, D. I., Chernigovskaya, T. V., Semenov, A. L., Ziskin, K. E., Lyubimov, A. P., Tselishchev, V. V., Alekseev, A. Yu. (2022). *Man and Artificial Intelligence systems*. St. Petersburg. 328 p. (In Russ.)

Макаров, В. Л. (2006). Получение нового знания методом компьютерного моделирования. *Искусственный интеллект: междисциплинарный подход*. Под ред. Д. И. Дубровского и В. А. Лекторского. М.: ИИнтелЛ. С.5-12.

Makarov, V. L. (2006). Obtaining new knowledge using computer modeling. *Artificial intelligence: an interdisciplinary approach*. Dubrovsky D. I. and Lektorsky V. A. (eds.). Moscow. pp. 5-12. (In Russ)

Матурана, У., Варела, Ф. (2001) *Древо познания: Биологические корни человеческого понимания*. Пер. с англ. Ю. А. Данилова. М. Прогресс-Традиция. 224 с.

Maturana, H., Varela, F. *The Tree of Knowledge: Biological Roots of Human Understanding*. Yu. A. Danilova (transl.). Moscow. 224 p.

Meta-вселенная Facebook: главное из интервью Марка Цукерберга The Verge. (2021). [Электронный ресурс]. РБК. Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/617fbbc79a79476037fa0591> (дата обращения: 11.10.2023).

Meta-universe of Facebook: the main thing from Mark Zuckerberg’s interview with The Verge. (2021). [Online]. RBC. Trends. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/617fbbc79a79476037fa0591> (Accessed: 11 October 2023). (In Russ.)

Нариньяни, А. С. (2005) еНОМО – два в одном (Homo Sapience в ближайшей перспективе). *Новое в искусственном интеллекте. Методологические и теоретические вопросы*. Под ред. Д.И. Дубровского и В.А. Лекторского. М. ИИнтелЛ. 280 с. С. 259-273.

Narignani, A. S. (2005) еНОМО - two in one (Homo Sapience in the near future). *New in artificial intelligence. Methodological and theoretical issues*. Dubrovsky D. I. and Lektorsky V. A. (eds.). Moscow. Pp. 259-273. (In Russ.)

Панин, А. В. (2017). Доклад на круглом столе «Аналитическая философия на философском факультете МГУ» (фрагмент выступления) [Электронный ресурс]. URL: https://aintell.info/v/v20170216_Panin_1.mp4 (дата обращения: 11.10.2023).

Panin, A. V. (2017). Report at the round table “Analytical philosophy at the Faculty of Philosophy of Moscow State University” (excerpt from the speech) [Online]. Available at: https://aintell.info/v/v20170216_Panin_1.mp4 (Accessed: 11 October 2023). (In Russ.)

Постановление Президиума РАН 23 ноября 2021 г. «Искусственный интеллект в контексте информационной безопасности». (2021). [Электронный ресурс]. URL: <https://scmai.ru/docum/20211123.pdf> (дата обращения: 11.10.2023).

Resolution of the Presidium of the Russian Academy of Sciences November 23, 2021 “Artificial intelligence in the context of information security”. (2021). [Online]. Available at: <https://scmai.ru/docum/20211123.pdf> (Accessed: 11 October 2023). (In Russ.)

Постановление Президиума РАН 25 июня 2019 г. № 129 «Об утверждении Положения о Научном совете РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований, и его состава (представление Отделения общественных наук)». (2019). [Электронный ресурс]. URL: <https://scmai.ru> (дата обращения: 11.10.2023).

Resolution of the Presidium of the Russian Academy of Sciences June 25, 2019 No. 129 “On approval of the Regulations on the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on the methodology of artificial intelligence and cognitive research, and its composition (representation of the Department of Social Sciences)”. (2019). [Online]. Available at: <https://scmai.ru> (Accessed: 11 October 2023). (In Russ.)

Путин заявил об «ожесточенном соперничестве» стран в сфере ИИ. (2022). [Электронный ресурс]. РБК. *AI Journey*. 24 ноября. URL: <https://www.rbc.ru/neweconomy/news/637f64b29a79476316dd559f/> (дата обращения: 11.10.2023).

Putin spoke of “fierce rivalry” between countries in the field of AI. (2022). [Electronic resource]. RBC. *AI Journey*. November 24. [Online]. Available at: <https://www.rbc.ru/neweconomy/news/637f64b29a79476316dd559f/> (Accessed: 11 October 2023). (In Russ.)

Путин заявил о долге властей защищать аватары россиян в метавселенных. (2021). [Электронный ресурс]. РБК. *Технологии и медиа*. 12 ноября. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/618ea97f9a794713ffa492fb> (дата обращения: 11.10.2023)

Putin stated the duty of the authorities to protect the avatars of Russians in the metaverses. (2021). [Online]. RBC. *Technology and media*. November 12. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/618ea97f9a794713ffa492fb> (Accessed: 11 October 2023). (In Russ.)

Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». (2019). [Электронный ресурс]. *Сайт Президента России*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 11.10.2023).

Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019 No. 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation.” (2019). [Online]. *Website of the President of Russia*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (Accessed: 11 October 2023). (In Russ.)

Turing, A. M. (1950). Computing Machinery and Intelligence. *Mind*. No. 59 (236). pp. 433-460.

Сведения об авторе / Information about the author

Алексеев Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор Инженерной академии Российского университета дружбы народов, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, e-mail: aa65@list.ru.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2023

После доработки: 10.10.2023

Принята к публикации: 20.11.2023

Alekseev Andrey – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Engineering Academy of the RUDN University, Professor of the Faculty of Philosophy of the State Academic University for the Humanities, Moscow, Ordzhonikidze st., 3, e-mail: aa65@list.ru

The paper was submitted: 20.04.2023

Received after reworking: 10.10.2023

Accepted for publication: 20.11.2023

УДК 1(16)

МОНАДНЫЕ ВЫЧИСЛЕНИЯ В ТЕОРЕТИКО-ТИПОВОЙ СЕМАНТИКЕ**О. А. Доманов**

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

odomanov@gmail.com

Аннотация. Монада является теоретико-категорной конструкцией, которую возможно понимать как абстракцию вычисления [Moggi, 1991]. Это вычисление, результатом которого является не просто вычисляемая величина, а эта величина с дополнительной структурой. Так понятая, монада успешно применяется в последние годы в семантике естественного языка в рамках формализма Монтегю. Данная статья посвящена применению монадных вычислений в теоретико-типовой семантике [Ranta, 1994]. На нескольких примерах демонстрируется применение монад, а также аппликативных функторов, для учёта различных контекстов, управления порядком применения кванторов, формализации представления мнений (belief reports). Формализация проводится в функциональном языке Agda.

Ключевые слова: семантика, естественный язык, теория типов, монады, вычисления, Agda.

Для цитирования: Доманов, О. А. (2023). Монадные вычисления в теоретико-типовой семантике. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 4. С. 70-81. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.70-81.

MONAD COMPUTATIONS IN TYPE THEORETICAL SEMANTICS**O. A. Domanov**

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

odomanov@gmail.com

Abstract. Monad is a construction from the category theory, which could be understood as an abstraction of computation [Moggi, 1991]. This is a computation resulting not simply in the computed value but in this value with an additional structure. In recent years, monad in this sense has been successfully applied to natural language semantics in the framework of Montague's formalism. This article deals with monad computation applications in type theoretical semantics [Ranta, 1994]. Several examples illustrate the usage of monads as well as applicative functors for contexts accounting in various situations, controlling the order of quantifiers, belief reports formalization. The language of formalization is Agda.

Keywords: semantics, natural language, type theory, monads, computations, Agda.

For citation: Domanov, O. A. (2023). Monad Computations in Type Theoretical Semantics. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 4. pp. 70-81. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.70-81.

Идея монады как понятия вычисления восходит к работам Е. Могги [Moggi, 1991]. Монада – это понятие из теории категорий, обозначающее отображения особого рода (см. ниже). Эти отображения формализуют вычисления, результатами которых являются не просто вычисляемые значения, а значения с дополнительной структурой. Например, параллельно собственно вычислению может сохраняться информация о состоянии программы, выполняться какие-то побочные действия и т.д. Формально, если простое вычисление производится с величинами типа T , то монадное – с величинами типа MT , представляющими собой T с дополнительной структурой. В теории категорий T представляет собой категорию,

т. е. набор объектов с морфизмами между ними, а M – функтор, отображающий категорию T в обогащённую категорию MT . На функтор M накладываются требования сохранения исходной структуры T , что фактически делает его эндофунктором, т. е. отображением некоторой категории в себя.

В формальной семантике естественного языка в качестве категории выступают выражения, на которых интерпретируется язык, вместе с их трансформациями, соответствующими синтаксическим трансформациям. Как правило, следуя Монтегю [Montague, 1974], как язык интерпретации используют λ -исчисление с двумя основными типами e и t [см., например: Asudeh, 2014; Asudeh and Giorgolo, 2020]. В отличие от этих подходов, я ниже использую теоретико-типовую семантику [Ranta, 1994], в которой выражения естественного языка интерпретируются на теории типов, восходящей к работам Мартин-Лёфа [Martin-Löf, 1984] (более конкретно, используемый ниже язык Agda основан на Единой теории типов УТТ [Люо, 1994]). Во многих случаях этот подход оказывается более выразительным. Изложение основано на нескольких примерах, демонстрирующих возможности подхода, причём помимо монады используется также более простая структура, которая называется аппликативным функтором.

В качестве языка формализации используется функциональный язык Агда [Agda Documentation; Norell, 2009]. В статье излагаются лишь основные идеи и подходы, полную формализацию можно найти по адресу <https://github.com/odomanov/ttsemantics/tree/v3/Agda/Functors>.

Аппликативные функторы и монады

Пусть имеется отображение $F : \text{Set } \ell \rightarrow \text{Set } \ell$, которое мы будем понимать как конструктор типов, т. е. функцию, переводящую типы A в типы $F A$ с дополнительной структурой. Приведём несколько примеров таких отображений:

$$F_1 A = W \rightarrow A$$

$$F_2 A = A \times S$$

$$F_3 A = \text{Either } E A$$

Если понимать W как множество возможных миров, то F_1 переводит тип в его интенционал; F_2 добавляет к типу информацию S ; F_3 конструирует тип для результатов вычислений, которые могут привести к ошибке – таким результатом может быть либо значение A , либо ошибка E . Для дальнейшего часто полезно неформально понимать $F A$ как «контейнер», в который помещено значение типа A и из которого последнее можно «извлекать», причём способ извлечения различается для разных F .

Аппликативным функтором называется следующая структура:

```
record Applicative {ℓ} (F : Set ℓ → Set ℓ) : Set _ where
  field
    pure  : ∀{A : Set ℓ} → A → F A
    _<*>_ : ∀{A B : Set ℓ} → F (A → B) → F A → F B
```

Она содержит две операции. Функция `pure` «поднимает» тип A до типа $F A$ (или помещает его в контейнер $F A$). Функция `<*>` это композиция «внутри» типов $F A$, которая, фактически, является применением функции $F (A \rightarrow B)$ к аргументу $F A$. Эти функции подчиняются определённым аксиомам, которые, например, обеспечивают, что `pure` играет роль единицы (см. примеры), а `<*>` оказывается ассоциативной. В частности, это делает отображение F функтором и позволяет определить функцию

$$_<\$>_ : \forall\{A\ B : \text{Set } \ell\} \rightarrow (A \rightarrow B) \rightarrow (F A \rightarrow F B)$$

$$f _<\$>_ fa = \text{pure } f _<*>_ fa$$

Монада является аппликативным функтором с дополнительным морфизмом $FF \rightarrow F$. Он позволяет проводить композицию монадных операций. Однако монада обычно определяется независимо от аппликативного функтора как эндифунктор с двумя операциями (приведённое ниже определение является псевдокодом, фактическое определение сложнее):

```
record Monad {ℓ} (M : Set ℓ → Set ℓ) : Set _ where
  field
    return : ∀{A} → A → M A
    _>=>_ : ∀{A B} → M A → (A → M B) → M B
```

Функция `return` совпадает с `pure` и исполняет ту же роль. Функция `>=>` (`bind`) определяет композицию и позволяет объединять операции в цепочки. Например, мы можем писать `ma >=> f >=> g` и т.д., для `ma : M A`, `f : A → M B`, `g : B → M C` и т.д. Для этого эти две операции должны подчиняться законам, которые, фактически, делают монаду моноидом на эндифункторах. В терминах контейнеров, `ma >=> f` должно быть определено таким образом, чтобы соответствующее вычисление состояло в извлечении значения типа A из `ma : M A` и применении к нему функции `f`, в результате чего получается значение типа $M B$. Каким конкретно образом это происходит зависит от устройства функтора M . Мы увидим примеры ниже.

Рассмотрим теперь применение аппликативных функторов и монад в семантике естественного языка.

Пример 1. Зависимость от контекста

Определим множество контекстов или возможных миров (для простоты, всего с двумя мирами):

```
data ВозмМир : Set where
  w1 w2 : ВозмМир
```

Пусть дополнительной структурой для типа будет его зависимость от возможного мира, т.е. функтор F имеет вид:

$$F : \forall\{a\} \rightarrow \text{Set } a \rightarrow \text{Set } a$$

$$F A = \text{ВозмМир} \rightarrow A$$

Другими словами, F переводит тип в его интенционал. «Извлечение из контейнера» для $f : F A$ состоит в применении f к некоторому миру w .

Определим аппликативный функтор, задав его операции:

```

applicative : ∀{ℓ} → Applicative {ℓ} F
applicative = record { pure = λ x w → x
                      ; _<*>_ = λ f x w → (f w) (x w)
                      }

```

Здесь `pure` переводит в постоянную функцию, со значением, не зависящим от w («жёсткий десигнатор»). Что же касается применения интенционала функции к интенционалу аргумента $f <*> x$, то оно состоит в том, что для определённого мира w мы сначала извлекаем значения из f и x , а затем применяем одно из них к другому.

Рассмотрим конкретный пример. Пусть есть тип людей `Human`, состоящий из трёх человек:

```

data Human : Set where
  Mary Naomi Alex : Human

```

Определим предикат `run` («бежит»). В теоретико-типовой семантике глаголы интерпретируются зависимыми типами (см. [Ranta, 1994]). Этот предикат, вообще говоря, различается в разных мирах:

```

data run1 : Human → Set where
  mr : run1 Mary

```

```

data run2 : Human → Set where
  ar : run2 Alex

```

```

run : F (Human → Set)
run w1 = run1
run w2 = run2

```

Мы здесь определили его так, что в мире w_1 имеется доказательство `mr` того, что Мэри бежит, а в мире w_2 – доказательство `ar` того, что Алекс бежит. Пусть далее местоимение `she` имеет разные интерпретации в разных мирах:

```

she : F Human
she w1 = Mary
she w2 = Naomi

```

Интерпретация предложения «Она бежит» выглядит тогда следующим образом:

```

she-runs : F _
she-runs = run <*> she

```

Как можно проверить, эта пропозиция имеет в мире w_1 доказательство `mr`:

$_$: she-runs w_1

$_$ = mr

Зависимый тип «отец» также различен в разных мирах. Пусть отец не всегда существует, т. е. будем считать, что его тип равен Maybe Human – опциональный тип, значением которого может быть nothing.

father₁ : Human → Maybe Human

father₁ Mary = just Alex

father₁ $_$ = nothing

father₂ : Human → Maybe Human

father₂ Naomi = just Alex

father₂ $_$ = nothing

father : F (Human → Maybe Human)

father w_1 = father₁

father w_2 = father₂

Таким образом, Alex является отцом Mary в первом мире и отцом Naomi – во втором. Интерпретация термина «её отец» выглядит следующим образом:

her-father : F $_$

her-father = father <*> she

Как и следовало ожидать, Алекс является отцом в обоих случаях:

$_$: her-father w_1 \equiv just Alex

$_$ = refl

$_$: her-father w_2 \equiv just Alex

$_$ = refl

(здесь \equiv обозначает пропозициональное, т. е. доказываемое равенство, в отличие от равенства по определению =).

Проверим теперь как работает композиция. Сначала определим глагол run для Maybe Human:

runm : F (Maybe Human → Set)

runm w_1 (just x) = run₁ x

runm w_1 nothing = \perp

runm w_2 (just x) = run₂ x

runm w_2 nothing = \perp

Здесь \perp означает пустой тип, т. е. отсутствие пропозиции. Тогда предложение «Её отец бежит» становится

her-father-runs : F _
 her-father-runs = runm <*> (father <*> she)

Как можно проверить, эта пропозиция имеет доказательство в мире w_2 :

_ : her-father-runs w_2
 _ = ar

В подобных примерах в качестве возможных миров могут выступать любые контексты, от которых зависят значения, с которыми мы работаем. Эта структура, фактически, является монадой и известна как Reader Monad; она позволяет композиционно формализовать зависимость от контекстов в разных смыслах.

Пример 2. Продолжения

Продолжение (continuation) позволяет формализовать контекст выражения или «оставшуюся часть вычисления». Например, для P в выражении $\forall x P$ контекст можно изобразить как $\forall x []$, где $[]$ обозначает «дырку», которая должна быть заполнена, чтобы вычисление завершилось. Здесь продолжение вычисления можно не вполне формально изобразить как функцию $\lambda k. \forall x [kx]$, где k – функция продолжения (или просто продолжение), и kx помещается на место дырки в выражении. Для работы с продолжениями все величины представляются как имеющие такие дырки, которые требуется заполнить, чтобы закончить вычисление, т. е. как функции вида $\lambda k. f[kx]$. Это можно рассматривать как обобщение абстрагирования, известного из λ -исчисления. Дырки указывают на элементы в структурах, которые в этом смысле абстрагируются. В простейших случаях продолжение может быть просто предикатом, но в более интересных оно может представлять собой как угодно сложное вычисление. Продолжения позволяют управлять порядком исполнения вычислений. В лингвистике это оказывается важным во многих случаях, самым известным из которых является, вероятно, зависимость смысла от порядка кванторов (см. пример ниже). Продолжения используются достаточно давно в формальной семантике вообще [Wadler, 1994] и в семантике естественного языка в частности [Barker, 2002]. Например, книга Баркера и Шана «Continuations and Natural Language» [Barker and Shan, 2014] полностью посвящена использованию продолжений в анализе естественного языка. Она, однако, использует формализацию Монтегю, а монады не играют в ней практически никакой роли и упоминаются лишь в самом конце книги. Мы рассмотрим, как этот подход можно использовать в теоретико-типовой семантике.

В нотации языка Агда при переходе к продолжениям мы заменяем тип A на тип функций вида $(A \rightarrow R) \rightarrow R$, где $(A \rightarrow R)$ обозначает функцию продолжения. Таким образом, вместо A мы имеем выражение, которое при добавлении к нему продолжения вычисляет значение типа R . Рассмотрим в качестве примера универсальный квантор. Его можно представить как функцию $\lambda k \rightarrow \forall (x : A) \rightarrow k x$, где k обозначает продолжение, т. е. функцию типа $A \rightarrow \text{Set}$. Применение выражения выше к продолжению k даёт результатом выражение $\forall (x : A) \rightarrow k x$, которое имеет тип Set .

Для построения монады для продолжений мы воспользуемся определением монады из стандартной библиотеки Агды. В ней определена монада `RawMonad`, которая содержит

только операции `return` и `_>=_`, но не доказательства монадных законов. Тогда монада для продолжений выглядит следующим образом:

```
Cont : ∀{a b}(R : Set a) → Set (a ⊔ b) → Set (a ⊔ b)
Cont R A = (A → R) → R
```

```
MonadCont : ∀{a b} (R : Set a) → RawMonad (Cont {a} {b} R)
MonadCont R = record { return = λ a k → k a
                      ; _>=_ = λ ma f k → ma (λ x → f x k)
                      }
```

Здесь мы сначала определяем монадное значение `Cont`, т. е. функтор, преобразующий тип `A` в тип $(A \rightarrow R) \rightarrow R$. Последний является значением, которому требуется продолжение $(A \rightarrow R)$ для получения результата `R`. Затем мы определяем монаду продолжения `MonadCont` со значениями `Cont`. Функция `return` просто применяет продолжение `k` к объекту `a`. Значение `ma >= f` вычисляется следующим образом. `ma : Cont R A` требует продолжения, т. е. функции типа $A \rightarrow \text{Cont } R B$. Чтобы его получить, мы применяем `f : A \rightarrow \text{Cont } R B` к `x : A`, а затем добавляем продолжение `k`. Если изобразить это в виде дырок, то `ma` будет иметь форму $\lambda k.a[kx]$, а функция `f` – форму $\lambda x.\lambda k.b[kx]$. Тогда композиция `ma >= f` оказывается функцией $\lambda k.a[b[kx]]$. «Извлечение из контейнера» для величин типа `Cont` выполняется путём применения их к тождественной функции `id`.

Как можно проверить (см. указанный файл), эти определения подчиняются монадным законам.

Рассмотрим конкретный пример. Пусть у нас есть тип людей `Human` и два предиката, соответствующих непереходному глаголу «бежать» и переходному глаголу «любить»:

```
Human   : Set
_runs   : Human → Set
_loves_ : Human → Human → Set
```

Определим интерпретацию для «someone» и «everyone»:

```
someone : Cont Set Human
someone = λ k → Σ[ x ∈ Human ] k x
```

```
everyone : Cont Set Human
everyone = λ k → ∀(x : Human) → k x
```

Они представляют собой выражения типа `Cont Set Human`, которые при применении к продолжению `k` дают формулы с экзистенциальным и универсальным квантором, соответственно.

Монадные операции позволяют нам интерпретировать предложение «Someone runs»:

```
someone-runs1 : Cont Set Set
someone-runs1 = someone >= (λ x → return (x runs))
```

Применив его к тождественной функции `id` в качестве продолжения, получим:

```
someone-runs1 id ≡ Σ[ x ∈ Human ] x runs
```

Как видим, мы получили экзистенциальное утверждение, как и могли бы ожидать.

Для работы с монадами `Agda` определяет так называемую `do`-нотацию, позволяющую сделать запись вычислений более наглядной. Она является чисто синтаксическим переопределением. Например, выражение выше мы могли бы переписать так:

```
someone-runs1 = someone >>= (λ x →
                                return (x runs))
```

В `do`-нотации то же самое переписывается следующим образом:

```
someone-runs2 = do
  x ← someone
  return (x runs)
```

Здесь сразу видна последовательность действий: сначала вычисляется `someone`, причём извлечённое из результата значение обозначается `x`, а затем выводится в качестве конечного результата `x runs`.

Пропозиция с универсальным квантором в `do`-нотации записывается следующим образом:

```
everyone-runs : Cont Set Set
everyone-runs = do
  x ← everyone
  return (x runs)
```

```
everyone-runs id ≡ ∀(x : Human) → x runs
```

Рассмотрим, как мы можем регулировать последовательность вычислений. Как известно, предложение «Everyone loves someone (Каждый человек любит некоторого человека)» имеет две интерпретации, различающиеся порядком применения кванторов. Наш формализм позволяет их различить. Действительно, рассмотрим первую интерпретацию:

```
everyone-loves-someone1 : Cont Set Set
everyone-loves-someone1 = do
  x ← everyone
  y ← someone
  return (x loves y)
```

При вычислении получаем

```
everyone-loves-someone1 id ≡
  ∀(x : Human) → Σ[ y ∈ Human ] x loves y
```

Эта интерпретация означает, что каждый человек любит своего человека. Если же мы поменяем порядок операций, то получим:

```
everyone-loves-someone2 : Cont Set Set
```

```
everyone-loves-someone2 = do
```

```
  x ← someone
```

```
  y ← everyone
```

```
  return (y loves x)
```

```
everyone-loves-someone2 id ≡
```

$$\Sigma [x \in \text{Human}] (\forall (y : \text{Human}) \rightarrow y \text{ loves } x)$$

Эта интерпретация говорит, что все люди любят одного и того же человека.

Монады, как мы видим, позволяют нам не только учитывать разные продолжения, но и регулировать их порядок.

В качестве второго примера рассмотрим контексты мнения. Предложение «Ralph believes someone is a spy (Ральф верит, что кто-то шпион)» можно интерпретировать двояко. Либо Ральф верит, что существует какой-то человек, являющийся шпионом, либо он верит, что некоторый определённый человек шпион. Если обозначить через $RBel(s)$ пропозицию «Ральф верит, что s », то эти две интерпретации записываются следующим образом:

$$RBel(\exists x.x \text{ spy})$$

$$\exists x.RBel(x \text{ spy}).$$

Посмотрим, можем ли мы получить эти две интерпретации в нашем формализме как некоторые композиции.

Пусть имеются $Ralph$ типа $Human$ и два предиката

```
Ralph      : Human
```

```
_is-spy    : Human → Set
```

```
_believes_ : Human → Set → Set
```

Прямая интерпретация

```
Ralph-believes-some-spy1 : Cont Set Set
```

```
Ralph-believes-some-spy1 = do
```

```
  x ← someone
```

```
  return (Ralph believes (x is-spy))
```

```
Ralph-believes-some-spy1 id ≡  $\Sigma [ x \in \text{Human} ] \text{Ralph believes } (x \text{ is-spy})$ 
```

позволяет нам получить только один вариант, поскольку неясно, как мы можем здесь поменять порядок операций. Поэтому определим следующий тип:

```
record RB {a} (A : Set a) (P : A → Set) : Set a where
```

```
  field
```

```
    s1 : A
```

```
    s2 : P s1
```

Он позволяет нам учесть область действия (scope) предиката «Ральф верит, что...». Запись $RB\ A\ P$ означает, что Ральф верит о некотором объекте $s1$ типа A , что он $P\ s1$. Агда позволяет ввести синтаксическую замену, в которой нужные нам выражения будут представлены более наглядно:

$$RB\ A\ (\lambda\ x \rightarrow P) = RB[x \in A]\ P$$

Таким образом, $RB[x \in A]\ P$ читается как «Ральф верит о некотором $x : A$, что P ». Я намеренно сделал это определение сходным с экзистенциальным квантором $\Sigma[x \in A]\ P$. Действительно, речь здесь идёт об одном и том же явлении, об области действия, в одном случае – предиката, в другом – глагола «believe».

Тип RB позволяет нам определить монадное значение

$$RBe1 : Cont\ Set\ Human$$

$$RBe1 = \lambda\ k \rightarrow RB[x \in Human]\ k\ x$$

Оно означает: «Ральф верит о некотором человеке x , что $k\ x$ ».

Определив далее монадное значение для предиката `_is-spy`:

$$_ *is-spy : Human \rightarrow Cont\ Set\ Set$$

$$x\ *is-spy = return\ (x\ is-spy)$$

мы можем интерпретировать наше предложение. Рассмотрим первый вариант:

$$RBe1\ -some-spy_1 : Cont\ Set\ Set$$

$$RBe1\ -some-spy_1 = do$$

$$x \leftarrow RBe1$$

$$x\ *is-spy$$

$$RBe1\ -some-spy_1\ id \equiv RB[x \in Human]\ x\ is-spy$$

Словами это можно передать как: «Ральф верит, что существует человек, который шпион».

Добавив `someone` впереди, получим:

$$RBe1\ -some-spy_2 : Cont\ Set\ Set$$

$$RBe1\ -some-spy_2 = do$$

$$x \leftarrow someone$$

$$RBe1$$

$$x\ *is-spy$$

$$RBe1\ -some-spy_2\ id \equiv \Sigma[x \in Human]\ RB[_ \in Human]\ x\ is-spy$$

Эта интерпретация выражается словами как «Существует человек, о котором Ральф верит, что он шпион».

Заметим, что во втором случае в записи $RB[x \in Human]\ P$ тип P на самом деле не зависит от x . Поэтому, в частности, нам не понадобилось значение $RBe1$ в определении $Rbe1\ -some-spy_2$. Введём для этого случая сокращение:

$$\text{RBel}_p : \forall \{a\} \{A : \text{Set } a\} (P : \text{Set}) \rightarrow \text{Set } a$$

$$\text{RBel}_p \{a\} \{A\} P = \text{RB } A (\lambda _ \rightarrow P)$$

Таким образом, $\text{RBel } P$ означает просто «Ральф верит, что P ». Тогда можно записать:

$$\text{RBel-some-spy}_2 \text{ id} \equiv \Sigma [x \in \text{Human}] \text{RBel}_p (x \text{ is-spy})$$

Как мы видим, изменение порядка вычислений в монаде позволяет нам формализовать различные интерпретации выражений естественного языка. Монады позволяют учитывать контекст и область действия кванторов, предикатов мнения и пр. Существенно при этом, что получающаяся семантика оказывается композиционной.

Список литературы / References

Agda Documentation (2023). Available at: <https://agda.readthedocs.io/> (Accessed: 10 July 2023).

Asudeh, A. (2014). *Monads: Some Linguistic Applications*. Available at: <http://www.sas.rochester.edu/lin/sites/asudeh/handouts/asudeh-se-lfg13.pdf> (Accessed: 10 July 2023).

Asudeh, A. and Giorgolo, G. (2020). *Enriched Meanings. Natural Language Semantics with Category Theory*. Oxford. OUP. 179 p.

Barker, C. (2002). Continuations and the nature of quantification. *Natural Language Semantics*. Vol. 10. no. 3. pp. 211-242.

Barker, C. and Shan, C.-c. (2014). *Continuations and Natural Language*. Oxford. OUP. 230 p.

Luo, Z. (1994). *Computation and Reasoning. A Type Theory for Computer Science*. Oxford. OUP. 228 p.

Martin-Löf, P. (1984). *An Intuitionistic Type Theory. Notes by Giovanni Sambin of a series of lectures given in Padua, June 1980*. Napoli. Bibliopolis. 91 p.

Moggi, E. (1991). Notions of computation and monads. *Information and Computation*. Vol. 93. no. 1. pp. 55-92. DOI: 10.1016/0890-5401(91)90052-4.

Montague, R. (1974). *Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague*. Thomason, R. H. (ed.). With an intro. by Thomason, R. H. New Haven and London. Yale University Press. 369 p.

Norell, U. (2009). Dependently Typed Programming in Agda. In Koopman, P., Plasmeijer, R., and Swierstra, D. (eds.). *Advanced Functional Programming: 6th International School, AFP 2008*. Berlin, Heidelberg. Springer-Verlag. pp. 230-266. DOI: 10.1007/978-3-642-04652-0_5.

Ranta, A. (1994). *Type-theoretical grammar*. Clarendon Press. 226 p.

Wadler, P. L. (1994). Monads and composable continuations. *Lisp and Symbolic Computation*. Vol. 7. no. 1. pp. 39-56.

Сведения об авторе / Information about the author

Доманов Олег Анатольевич — кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, г.Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: odomanov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-0057-3901>.

Статья поступила в редакцию 20.04.2023

После доработки 10.10.2023

Принята к публикации 20.11.2023

Oleg Domanov — Candidate of Philosophical Sciences, associate Professor, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: odomanov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-0057-3901>.

The paper was submitted 20.04.2023

Received after reworking 10.10.2023

Accepted for publication 20.11.2023

УДК 160.1, 510.6

ТЕОРЕМА ГЕДЕЛЯ О НЕПОЛНОТЕ: ГОВОРИТ ЛИ ОНА О НЕПОЛНОТЕ МАТЕМАТИКИ?

С. Л. Катречко

Государственный академический университет гуманитарных наук (г. Москва)
skatrechko@gmail.com

Аннотация. В докладе будет предложен некоторый методологический подход («метод устранения монстров»), восходящий к И. Лакатосу («Доказательство и опровержение»), к анализу теоремы Геделя, который показывает, что несмотря на свою математическую корректность, теорема Геделя неприменима к математике (рекурсивной арифметики), поскольку геделевское выражение является не формулой, а формулоидом (А. С. Есенин-Вольпин), или математическим «монстром», который должен быть устранен из области (языка) математики. Это позволяет «снять» геделевский тезис о неполноте математики, хотя не отменяет задачи позитивного доказательства ее полноты.

Ключевые слова: теорема Геделя о неполноте, метод устранения монстров (Лакатос), формулы и формулоиды, ультраинтуиционизм (Есенин-Вольпин).

Для цитирования: Катречко, С. Л. (2023). Теорема Геделя о неполноте: говорит ли она о неполноте математики? *Respublica Literaria*. Т. 4. № 4. С. 82-87. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.82-87

GOEDEL'S INCOMPLETE THEOREM: DOES IT SAY SOMETHING ABOUT THE INCOMPLETENESS OF MATH

S. L. Katrechko

State Academic University of the Humanities (Moscow)
skatrechko@gmail.com

Abstract. The report will propose some methodological approach (“method of eliminating monsters”) going back to Lakatos (“Proof and refutation”) to the analysis of Gödel’s theorem, which shows that despite its mathematical correctness, Gödel’s theorem is not applicable to mathematics (recursive arithmetic), since the Gödel expression is not a formula, but a formulaoid (Yesenin-Volpin), or a mathematical “monster” that must be eliminated from the field (language) of mathematics. This makes it possible to “remove” Gödel’s thesis about the incompleteness of mathematics, although it does not cancel the task of positively proving its completeness.

Keywords: Gödel’s incompleteness theorem, monster elimination method (Lakatos), formulas and formulaoids, ultraintuitionism (Yesenin-Volpin).

For citation: Katrechko, S. L. (2023). Goedel's Incomplete Theorem: Does it Say Something about the Incompleteness of Math. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 4. pp. 82-87. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.82-87

1. Теорема Геделя о неполноте математики (1930–1931 гг.) является важным мета-теоретическим результатом о природе формальных систем и подвергается многочисленным философским интерпретациям. Ей посвящена обширная литература [см., например: Подниекс, 1992; Беклемишев, 2010; Успенский, 2007]. С одной стороны, эта теорема является

общепризнанным результатом, хотя предпринимаются отдельные попытки (математиками и около-математиками) показать: 1) ошибочность данной теоремы (доказательства) и 2) доказать полноту арифметики (или теории множеств). С другой стороны (хотелось бы обратить на это особое внимание), большинство работающих математиков продолжают использовать математические теории как вполне адекватные модели реальности, позволяющие осуществлять расчеты (например, космических полетов), которые вполне применимы / реализуемы на практике. И если даже для каких-то математических теорем в течение долгого времени нет доказательства, то математики ищут доказательства и стремятся доказать их: достаточно показательным здесь является недавнее доказательство «последней теоремы Ферма» (1637–1994 гг.), которое искали более чем 300 лет. Как пишет по этому поводу С. Феферман, *a la* геделевские результаты о неполноте математики (теории множеств, арифметики) «совершенно нерелевантны к интересам большинства [современных] работающих математиков [99,9 %]» [Feferman, 2006, p. 439]. А это означает, что математические теории или их «рабочие» фрагменты (с которыми работают математики) прагматически «полны», и геделевская ситуация истинных, но не доказуемых математических утверждений (теорем) не возникает. В этом смысле можно говорить о некоторой парадоксальной ситуации (парадоксе) «формальной неполноты vs прагматической полноты» достаточно богатых математических теорий (типа арифметики).

2. Критики теорем о неполноте Геделя используют несколько (4–5) разных стратегий. Первая из них (см., например, работы А. В. Бессонова [Бессонов, 2020]) осуществляет математическую критику самих теорем или их доказательств (при этом нужно отличать оригинальные теоремы самого Геделя и их многочисленные переформулировки, и интерпретации, что выше мы обозначили как *a la* геделевские результаты). Хотя при этом остается вопрос о доказательстве полноты математики. Вторая стратегия реализует (в той или иной мере) путь, который сформулировал сам К. Гедель в пост-примечании 48а к своей работе «О принципиально неразрешимых положениях в системе Principia Mathematica и родственных ей системах»: «Истинная причина неполноты, присущей всем формальным системам математики, заключается в том, что образования все более высоких типов могут быть продолжены в трансфинитное ... Ведь можно показать, что построенные здесь неразрешимые предложения становятся разрешимыми всякий раз, когда добавляются соответствующие высшие типы [бесконечности] ...» [Gödel, 1931, p. 190]. По сути, именно этот путь усиления дедуктивных возможностей систем (с целью доказательства непротиворечивости / полноты этих систем) реализовал Г. Генцен в своем доказательстве непротиворечивости арифметики, используя для этого трансфинитную индукцию, а с 1960-х гг. этот подход развивают Г. Крайзель, Г. Такеути и особенно С. Феферман [см.: Feferman, 1996], а также сообщение А. Есенина-Вольпина [Есенин-Вольпин, 1995]. Разновидностью данной стратегии (хотя ее можно трактовать и как особый путь преодоления ограничительных теорем), которую развивает сам Гедель в своей более поздней «диалектической» статье о «расширении финитной точки зрения» [Gödel, 1958], выступает «усиление» математических теорий не за счет «высших» типов бесконечности, а путем введения (использования) в математических теориях новых, более сложных (высоких) типов абстракции. Третья стратегия состоит в «ослаблении» неполных математических теорий с целью запрета формулировки в них неразрешимых предложений и, соответственно, доказательства

их (теорий) полноты. Таковыми (полными) являются не только исчисления предикатов (см. теорему полноты для исчисления предикатов К. Геделя 1929 г.), но и «усеченные» арифметики Пресбургера (арифметика с одной операцией сложения) и / или Сколема (арифметика с одной операцией умножение), но в данном случае речь идет о некоторых, претендующих на полноту, подсистемах арифметики второго порядка [Simpson, 2009] или проекте «обратной математики» Н. Фридмана [Friedman, 1975; см. также: Reverse mathematics], основная идея которого («обратной математики») состоит в том, что начинать нужно не с аксиоматики, а с анализа математических теорем с целью выявления необходимых (релевантных) для ее доказательства аксиом (способов доказательств), среди которых не будет использованных при доказательстве теорем Геделя «диагональных» рассуждений. Четвертая стратегия имеет методологический характер и состоит в более строгом анализе математического знания. Она реализована в работах А. С. Есенина–Вольпина. В своем сообщении 1995 г. он проводит различие между [математическими] *формулами* и *формулоидами*. В свете этого различия геделевские выражения относятся уже не к формулам, а к формулоидам (математическим «монстрам», сформулированным на метаязыке), и поэтому должны быть устранены из числа («языка») собственно математических формул. В общем случае А. С. Есенин-Вольпин развивает методологию программы обоснования математики *ультраинтуиционизма* [Есенин-Вольпин, 1996], одной из составляющей которой выступает в том числе и более внимательный анализ модальности используемых математических выражений (заметим, что эта программа обоснования математики во многом коррелирует с программой *предикативизма* Б. Рассела / С. Фефермана).

3. Предлагаемый нами подход к преодолению ограничительного эффекта теорем Геделя (resp. разрешению выявленного парадокса в п. 1) концептуально близок к методологическому подходу из 4-й стратегии. Для его реализации мы воспользуемся методологией И. Лакатоса из его работы «Доказательства и опровержения» (1963–1967) [Лакатос, 1967], хотя точнее назвать это не методологией самого Лакатоса, а «математической» методологией, описанной Лакатосом при анализе им истории теоремы Эйлера о многогранниках (о соотношении вершин, ребер и граней многогранников): V (вершины) – E (ребра) + F (грani) = 2. В частности, обычный куб (как правильный многогранник) удовлетворяет теореме Эйлера, т. е. ее положению о том, что соотношение вершин, ребер и граней многогранника = 2. Однако, если рассмотреть другой многогранник, например, комбинацию из двух многогранников (кубов), когда маленький куб располагается на большом кубе, и рассматривать эту конструкцию как новый многогранник, то теорема Эйлера для этого многогранника не выполняется (хотя, естественно, теорема Эйлера выполняется для двух – большого и малого – кубов по отдельности). В данном случае можно воспользоваться одним из методов преодоления подобных «опровергающих» примеров, а именно *методом исправления монстров*, в рамках которого мы «исправляем» монстра из двух кубов и рассматриваем его как совокупность из двух отдельных кубов, для которых теорема Эйлера верна. Причем здесь Лакатос не столько придумывает способы преодоления опровержений исходной теоремы (теоремы Эйлера), сколько воспроизводит ее новые (модифицированные) доказательства в ответ на предлагаемые опровержения в ходе последующего развития математической практики.

В нашем случае применим другой мощный способ борьбы с опровержениями, каковым выступает *метод устранения монстров* (или его модификация под именем *метод устранения исключений*), который состоит в том, что те якобы многогранники, опровергающие теорему Эйлера, объявляются не-многогранниками (за счет уточнения определения многогранника), а «монстрами», и, тем самым (после устранения / исключения данного монстра), исходная теорема остается верной. Самореферентные (геделевские) выражения (типа «парадокса лжеца») из теоремы Геделя можно было бы считать подобными «монстрами» (аналогично «неправильным» многогранникам из теоремы Эйлера), т. е. «неправильными» математическими выражениями или *формулоидами* (в метаязыке), как это сделано А. Есениным-Вольпиным (см. выше), в отличие от огромного большинства нормальных («реальных») математических выражений, с которыми имеет дело реально работающий математик¹. Соответственно, не подвергая сомнению результат (доказательство) теоремы Геделя (как это предполагается в рамках первой стратегии), можно было бы уменьшить (сократить) область собственно математических выражений (математического языка), исключив из их числа подобные геделевские самореферентные предложения или другие возможные «монстры / формулоиды» (Лакатос называет это стратегией «отступления в заведомо безопасную область»). В этом случае геделевский результат о неполноте математики будет ничтожным, поскольку не будет распространяться на область собственно математики, хотя, конечно, в дополнение к этой негативной процедуре «устранения монстров» следует доказать «позитивную» теорему о полноте арифметики (как в случае с теоремой Эйлера). Тем самым мы сокращаем область математического, исключая из нее класс самореферентных (геделевских) выражений (типа парадокса лжеца или других парадоксов) и, соответственно, блокируем действие теоремы Геделя о неполноте (и им подобных), за счет чего сохраняем возможность обоснования полноты математики для оставшихся 99 % математической области.

Список литературы / References

Беклемишев, Л. Д. (2010). Теоремы Геделя о неполноте и границы их применимости. *Успехи математических наук*. Т. 65. Вып. 5 (395). С. 61-106.

Beklemishev, L. D. (2010). Gödel's theorems on incompleteness and the limits of their applicability. *Russian Mathematical Surveys*. Vol. 65. Iss. 5 (395). pp. 61-106. (In Russ.)

¹ Обратим внимание на следующее обстоятельство. Гедель к своим контрпримерам сам относился крайне осторожно, понимая их искусственный характер для математической практики, точно также как расселовский парадокс лжеца выступает крайне экзотическим выражением для обычной языковой практики. Подобные «контрпримеры», конечно, существуют в языке, но на его периферии и практически не влияют на реальную практику словоупотребления. Реальными примерами собственно математических неразрешимых проблем для Геделя выступала проблема Гольдбаха и / или теорема Ферма (после ее доказательства в 1994 г. она выбыла из данного списка), которые в своих текстах Гедель сравнивал со своей теоремой о неполноте и называл предложенные там неразрешимые предложения проблемой *гольдбаховского типа* [Gödel, 1931, p. 196; см. также: Gödel, 1986, p. 190, 202)]. В этом смысле теоремы Геделя указывали на возможность неразрешимых математических выражений. В настоящее время таковым (математическим примером неразрешимой проблемы) выступает, например, теорема Париса – Харрингтона (1977).

Бессонов, А. В. (2020). Еще раз о неверных истолкованиях второй теоремы Геделя о неполноте. *Сибирский философский журнал*. Т. 18. № 3. С. 132-143.

Bessonov, A. V. (2020). Once again about Misinterpretations of Gödel's second Theorem on Incompleteness. *Siberian Journal of Philosophy*. Vol. 18. no. 3 pp. 132-143. (In Russ.)

Есенин-Вольпин, А. С. (1995). Формулы или формулоиды. *XI международная конференция «Логика, методология, философия науки»*. Москва-Обнинск. Т. 1. С. 29-32.

Yesenin-Volpin, A. S. (1995). Formulas or Formulaoids. In *XI International Conference "Logic, Methodology, Philosophy of Science"*. Moscow-Obninsk. Vol. 1. pp. 29-32. (In Russ.)

Есенин-Вольпин, А. С. (1996). Об антитрадиционной (ультра-интуиционистской) программе оснований математики и естественнонаучном мышлении. *Вопросы философии*. № 8. С. 100-136.

Yesenin-Volpin, A. S. (1996). On the Anti-traditional (ultra-intuitionistic) Program of the Foundations of Mathematics and Natural Science Thinking. *Questions of Philosophy*. no. 8. pp. 100-136. (In Russ.)

Лакатос, И. (1967). *Доказательства и опровержения (как доказываются теоремы)*. М.: Наука.

Lakatos, I. (1967). *Proofs and Refutations (how theorems are proven)*. Moscow. (In Russ.)

Подниекс, К. М. (1992). *Вокруг теоремы Геделя*. Рига: Зинатне.

Podnieks, K. M. (1992). *Around Gödel's theorem*. Riga. (In Russ.)

Успенский, В. А. (2007). Теорема Геделя о неполноте и четыре дороги, ведущие к ней [Электронный ресурс]. *VII Летняя школа «Современная математика» (Дубна, 19-30 июля 2007 г.)*. URL: https://www.mathnet.ru/PresentFiles/122/122_1.pdf; видео: <https://forallxyz.net/a-84> (дата обращения: 20.10.2023).

Uspensky, V. A. (2007). Gödel's theorem on incompleteness and four roads leading to it [Online]. In *VII Summer School "Modern Mathematics" (Dubna, July 19-30, 2007)*. Available at: https://www.mathnet.ru/PresentFiles/122/122_1.pdf; видео: <https://forallxyz.net/a-84> (Accessed: 20 October 2023). (In Russ.)

Feferman, S. (1996). Godel's Program for new Axioms: Why, Where, How and What? In Hajek, P. (ed.). *Gödel '96. Logical Foundations of Mathematics, Computer Science and Physics – Kurt Gödel's Legacy*. Vol. 6. *Lecture Notes in Logic*. Berlin. Springer-Verlag. pp. 3-22.

Feferman, S. (2006). The Impact of Gödel's Incompleteness Theorems on Mathematics. *Notices of the American Mathematical Society*. Vol. 53. no. 4. pp. 434-439.

Friedman, H. (1975). Some Systems of Second Order Arithmetic and Their Use. In *Proceedings of the 1974 International Congress of Mathematicians*. Vol. 1. pp. 235-242.

Gödel, K. (1931). Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme. In *Monatshefte für Mathematik und Physik*. Bd. 38(1). pp. 173-198.

Gödel, K. (1958). Über Eine Bisher Noch nicht Benutzte Erweiterung des Finiten Standpunktes. *Dialectica*. Vol. 12. Iss. 3-4. pp. 280-287. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1746-8361.1958.tb01464.x>

Gödel, K. (1986). On Formally Undecidable Propositions of Principia Mathematica and Related Systems I. In S. Feferman, J. R. Dawson, S. C. Kleene, G. H. Moore, R. M. Solovay, J. van Heijenoort (eds.). *Kurt Gödel. Collected Works*. Vol. 1. New York. pp. 145-195.

Reverse mathematics. [Online]. *Wikipedia*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Reverse_mathematics (Accessed: 20 October 2023).

Simpson, St. G. (2009). *Subsystems of Second Order Arithmetic*. (Perspectives in Logic). 2nd ed. Cambridge University Press.

Сведения об авторе / Information about the author

Катречко Сергей Леонидович – доцент, кандидат философских наук, доцент философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, главный редактор «Трансцендентального журнала»; г. Москва, Мароновский пер., д. 26, e-mail: skatrechko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2884-7719>.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2023

После доработки: 10.10.2023

Принята к публикации: 20.11.2023

Katrechko Sergey – Candidate of Philosophical Sciences, Associative Professor, editor-in-chief “Studies in Transcendental Philosophy”, Associate Professor of Faculty of Philosophy, State Academic University of the Humanities, Moscow, Maronovsky Lane, 26, e-mail: skatrechko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2884-7719>.

The paper was submitted: 20.04.2023

Received after reworking: 10.10.2023

Accepted for publication: 20.11.2023

УДК 1(091) + 16 + 17 + 51-7 + 510.687 + 510.82 + 512

**COMBINING UNIVERSAL EPISTEMOLOGY WITH FORMAL AXIOLOGY
IN A MULTIMODAL FORMAL AXIOMATIC THEORY “SIGMA + 2C”,
AND PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF MATHEMATICS**

V. O. Lobovikov

Institute of Philosophy and Law UB RAS (Yekaterinburg)

vlobovikov@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to investigating Kant’s apriorism underlying Hilbert’s formalism in philosophical foundations of mathematics. The target is constructing a formal axiomatic theory of knowledge in which it is possible to invent formal inferences of formulae-modeling-Hilbert-formalism from the assumption of Kant apriorism concerning mathematics. The *scientific novelty*: a logically-formalized axiomatic system of universal philosophical epistemology called “Sigma +2C” is invented for the first time as a generalization of the already published formal epistemology system “Sigma +C”. In comparison with “Sigma +C”, a new symbol is included into the object-language-alphabet of $\Sigma+2C$, namely, the symbol standing for the *perfection*-modality “it is *complete* that...”. Also, one of axiom-schemes of “Sigma +C” is generalized in “Sigma + 2C”. In “Sigma +2C”, it is proved deductively that under the assumption of *a-piori*-ness of mathematical knowledge, its completeness and consistency are equivalent.

Keywords. formal axiomatic theory of knowledge; a-priori knowledge; empirical knowledge; Kant’s apriorism; Hilbert’s formalism; Gödel’s incompleteness theorem; two-valued algebraic system of formal axiology.

For citation: Lobovikov, V. O. (2023). Combining Universal Epistemology with Formal Axiology in a Multimodal Formal Axiomatic Theory “Sigma + 2C”, and Philosophical Foundations of Mathematics. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 4. pp. 88-113. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.88-113

**ОБЪЕДИНЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ
С ФОРМАЛЬНОЙ АКСИОЛОГИЕЙ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ ФОРМАЛЬНОЙ
АКСИОМАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ «СИГМА + 2С»,
И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ МАТЕМАТИКИ**

В. О. Лобовиков

Институт философии и права Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург)

vlobovikov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию кантовского априоризма, являющегося предпосылкой формализма Гильберта в философских основаниях математики. Цель – построение некой формальной аксиоматической теории знания, в которой возможно построение формальных выводов формул, моделирующих формализм Гильберта, из допущения кантовского априоризма математического знания. *Научная новизна*: впервые построена некая логически формализованная аксиоматическая система универсальной философской эпистемологии «Сигма + 2С» как обобщение уже опубликованной системы формальной эпистемологии «Сигма + С». В сравнении с «Сигма + С», некий новый символ включен в алфавит языка-объекта «Сигма + 2С», а именно, символ, обозначающий модальность *идеала* (*совершенства*): «это *полно*,

что ...». Также, в системе «Сигма + 2С», одна из схем аксиом системы «Сигмы + С» существенно обобщена. В «Сигма + 2С» дедуктивно доказано, что при допущении априорности математического знания, его полнота и непротиворечивость эквивалентны.

Ключевые слова: формальная аксиоматическая теория знания; априорное знание; эмпирическое знание; априоризм Канта; формализм Гильберта; теорема Гёделя о неполноте; двузначная алгебраическая система формальной аксиологии.

Для цитирования: Lobovikov, V. O. (2023). Combining Universal Epistemology with Formal Axiology in a Multimodal Formal Axiomatic Theory “Sigma + 2C”, and Philosophical Foundations of Mathematics. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 4. pp. 88-113. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.88-113

1. Introduction

There are infinitely many different modal logics. The number of possible combinations of different kinds of modalities is immense. Even within the scope of modal logic of knowledge we need a set of *significantly different* modalities called “knowledge”; various combinations of which make different *multimodal* epistemic logics. As in the intellectually respectable definitions of the notion “knowledge”, the words “true” and “justified (proved)” or “provable” are exploited necessarily, the modal logic treating *truth as modality* and the modal logic treating *provability (justifiability) as modality* are indispensable for epistemology. In content philosophy the word-homonym “knowledge” is naturally connected with many other modal terms (alethic, deontic, axiological, et al), consequently, while inventing and elaborating a hypothetical multimodal formal axiomatic system of universal philosophical epistemology, one has to utilize not only proper-epistemic modalities but also many other concepts of modal metaphysics. This is just what I am to do in the present article, namely, I am to invent (construct) a novel logically formalized axiomatic system of *multimodal* philosophy of knowledge. However, the concrete theme and the goal of the paper necessitate a restriction of the set of different kinds of modalities to be involved into the discourse.

The list of various kinds of modalities to be taken into an account in this article is determined by the subject-matter and target of the research. At present moment I am equipped with the axiomatic epistemology-and-axiology systems Σ and $\Sigma+C$, which are already published in [Lobovikov, 2020] and, [Lobovikov, 2021], respectively. However, I think that for realizing the goal of the paper, Σ is not quite sufficient, and $\Sigma+C$ is not optimal. For the optimization, it is worth adding to Σ not only the *modality of consistency* (the first “C”, which has been added to Σ in $\Sigma+C$), but also the *modality of completeness* (the second “C”, which is to be added to $\Sigma+C$ in $\Sigma+2C$ submitted below in this article for the first time).

In this paper, the above-mentioned significantly *novel mutation* of the logically formalized *multimodal* axiomatic epistemology system Σ is to be used for logical analyzing a system of philosophical foundations of mathematics which (system) is made up by the following set of statements ST1 – ST8:

ST1: proper mathematical knowledge of ω is *a-priori* one. See, for instance, [Kant, 1994, p. 16, 18].

ST2: truth of ω and provability of ω are logically equivalent in the rationalistic optimism *ideal* created by G. W. Leibniz [1903; 1969; 1981] and D. Hilbert [1990; 1996a –1996c]. Of the rationalistic optimism *ideal* and K. Gödel’s philosophy see also [Ершов и Целищев, 2012], [Целищев, 2013], [Zach, 2019]. By the way, here it is relevant to note that there is a nontrivial *formal-axiological* equivalence of “true” and “provable” [Lobovikov, 2009] but the almost unknown “*formal-axiological* equivalence” and the well-known “formal-logical one” are not identical.

ST3: consistency of proper mathematical statement or theory ω and provability of consistency of ω are logically equivalent in Hilbert’s *ideal* of self-sufficient (self-dependent) mathematics;

ST4: truth of ω and consistency of ω are logically equivalent (in the ideal).

ST5: truth of ω is logically equivalent to ω (in the ideal).

ST6: consistency of ω is logically equivalent to completeness of ω (in the ideal).

ST7: truth of ω and completeness of ω are logically equivalent (in the ideal).

ST8: completeness of proper mathematical statement or theory ω and provability of completeness of ω in a consistent theory are logically equivalent in the *ideal* of self-sufficient (self-dependent) mathematics;

D. Hilbert was not alone; his rationalistic optimism *ideal* (norm) of mathematical activity was attractive also for A. Tarski and for many other prominent mathematicians. Even being aware of Gödel’s theorems of incompleteness, A. Tarski believed and wrote that *it is good (desirable)* for a mathematician to prove that ST2 is true in relation to a concrete mathematical statement or theory ω , if this proving is possible [1948, pp. 185–189]. Also being aware of Gödel’s theorems of incompleteness and taking them into an account, V. V. Tselishchev writes (in perfect accordance with Tarski) that proving consistency and completeness is a *norm (duty)* which is *prescribed (obligatory)* for a mathematician, if such proving is possible [Целищев, 2004a; 2004b; 2005]. Here the famous bimodal Kant-principle “obligation (duty) implies possibility” ($\text{Op} \supset \diamond\text{p}$) works. As due to the theorems by Gödel, proving completeness of the formal arithmetic system (under the condition of its consistency) is impossible, there is no violation of the *norm* (the relevant *obligation* is abolished by *modus tollens*).

If Hilbert’s formalism ideal and program of/for philosophical grounding mathematics was fulfilled (i.e. if the ideal created by him was realized), then the system of mathematical knowledge (as a whole) would be *self-sufficient (self-dependent)* one. Unfortunately, today there is a widespread opinion (a *statistical norm* of thinking and affirming) that Hilbert’s ideal and the formalism program targeted at realizing this ideal were totally annihilated by Gödel’s theorems of incompleteness. However, the widespread opinion is not able to explain the reason (philosophical foundation) of/for Hilbert’s creating the ideal and the formalism program in question. The folks talking of Gödel’s termination of Hilbert’s formalism program do not recognize a possibility of existence of a *not empty* domain in which Hilbert’s ideal and the formalism program targeted at realizing this ideal are perfectly adequate even today (and forever). If so, then significance of Gödel’s famous results is reduced to significance of precise limiting the mentioned *not empty* domain, i.e. to significance of establishing quite exact border-lines of/for that domain. The present

paper is aimed at recognizing and explicating the strong *reason* of/for Hilbert’s creating the formalism program and at giving an exact definition of the realm of the program’s soundness missed by the mentioned folks.

By analyzing the above statements ST1 – ST8, it is possible to focus on the set of *qualitatively different* modalities which are indispensable for formulating ST1 – ST8, namely the following: “*knows that...*”; “*a-priori knows that...*”; “*empirically knows that...*”; “*it is true that...*”; “*it is provable in a consistent theory that...*”, “*it is consistent that...*”, “*it is complete that...*”. The first five modalities are taken into an account by Σ while the last two ones are not. Therefore, successfully to cope with realizing the research goal, it is worth making a mutation in $\Sigma+C$ by adding the novel modality “*Completeness*” to it. In $\Sigma+C$, the symbol $C\omega$ stands for “*it is consistent that ω* ”. As now the novel modality “*Completeness*” is added to $\Sigma+C$, let the symbol “ $\Sigma+2C$ ” be the name of/for the result of adding the two modalities (Consistency and Completeness) to Σ . Thus, the general idea of this article is introduced in first approximation which is sufficient to begin with. Now let us move to the next paragraph giving a precise definition of the multimodal formal axiomatic system $\Sigma+2C$ to be used in this paper as an effective means of/for realizing the goal.

2. A New Formal Multimodal Axiomatic Epistemology-and-Axiology Theory $\Sigma+2C$

The axiomatic system $\Sigma-2C$ is a result of developing further the formal axiomatic *epistemology-and-axiology* theory Σ [Lobovikov, 2020] and the formal axiomatic *epistemology-and-axiology* theory $\Sigma+C$ [Lobovikov, 2021]. The synthesizing compound term “*epistemology-and-axiology*” is odd (unhabitual); moreover, it is a manifest challenge to the faith of positivist-minded philosophers in absolute universality of the “logically unbridgeable gap between statements of being and corresponding ones of value or duty”. According to R. Carnap [1931; 1935; 1956; 1967] and his adherents, sentences of natural language of theology, axiology and metaphysics are meaningless; they are to be eliminated from human culture (especially from science) by logical analysis. Today, such an unrealistic view of the extremist-minded positivists is not very popular. In our time, a much more sophisticated view of complicated relationship between logic and metaphysics has been developed. In this relation, see, for instance, the monograph [Целищев, 2021]. The *epistemology-and-axiology* theories Σ , $\Sigma+C$, and $\Sigma-2C$ are representations of *exactly synthesizing* approach to logic and metaphysics: in these theories, multimodal metaphysics and axiology are logically formalized; philosophical ontology and universal epistemology are united with formal axiology. In the given paper, the outcome of such uniting is applied to philosophical grounding mathematics.

To construct a perfectly exact definition of the formal axiomatic theory $\Sigma-2C$, it is necessary to begin with manifest giving precise definitions of the notions: “*alphabet of object-language of $\Sigma-2C$* ”; “*term of $\Sigma-2C$* ”; “*formula of $\Sigma-2C$* ”; “*axiom of $\Sigma-2C$* ”. Strict definitions of these notions of $\Sigma-2C$ look similar to the definitions of corresponding notions of Σ and “ $\Sigma+C$ ”, which are already published (open access) in [Lobovikov, 2020] and [Lobovikov, 2021], respectively. Nevertheless, strictly speaking, in this article, it is quite indispensable to construct precise definitions of “*alphabet of object-language of $\Sigma-2C$* ”, “*term of $\Sigma-2C$* ”, “*formula of $\Sigma-2C$* ”, and “*axiom of $\Sigma-2C$* ”, in spite of the mentioned similarity, as *similarity is not logically equivalent to identity*; the relevant notions

of Σ and “ $\Sigma+C$ ” are not identical to the corresponding similar notions of $\Sigma-2C$. Therefore, let us start precise formulating the definitions quite indispensable for perfect understanding this article in spite of the false impression (illusion) that they are repetitions of the already published statements. Let us begin with precise defining the notion “alphabet of object-language of formal theory $\Sigma-2C$ ”.

By definition, the alphabet of object-language of formal theory $\Sigma-2C$ contains all the signs which belong to the alphabet of object-language of formal theory Σ . But the conversion of this sentence is not true, as, in $\Sigma-2C$, some important new symbols are added to the alphabet of Σ and to the alphabet of $\Sigma+C$. The outcome of these significant mutations (additions) is the following exact definition of the alphabet of object-language of $\Sigma-2C$.

1) The lowercase Latin letters p, q, d (and these letters having lower number indexes) belong to the alphabet of object-language of $\Sigma-2C$. Such and only such lowercase Latin letters are named “*dictum variables*”. In the alphabet of object-language of $\Sigma-2C$, *not all lowercase Latin letters are called dictum variables* because, according to the given definition, those lowercase Latin letters which belong to the set {g, b, e, n, x, y, z, a, s, h, t, f} do not belong to the set of *dictum variables* of object-language of $\Sigma-2C$.

2) The lowercase Latin letters a, s, h (and these letters having lower literal indexes: a_t, s_m, h_s) belong to the alphabet of object-language of $\Sigma-2C$. Such and only such lowercase Latin letters are named “*dictum constants*”.

3) The habitual logic symbols $\neg, \supset, \leftrightarrow, \&, \vee$ named, respectively, “classical negation”, “classical (or ‘material’) implication”, “classical equivalence”, “classical conjunction”, “classical not-excluding disjunction” belong to the alphabet of object-language of $\Sigma-2C$.

4) Elements of the set { $\square, K, A, E, S, T, F, P, D, C, Y, G, W, O, B, U, J$ }, containing \square and some (but not all) capital Latin letters having no indexes, are elements of the alphabet of object-language of $\Sigma-2C$. These elements of the alphabet are named “modality symbols” in $\Sigma-2C$.

5) The lowercase Latin letters x, y, z (and also these letters having lower number indexes) belong to the alphabet of object-language of $\Sigma-2C$. Such and only such letters are named “*axiological variables*” in $\Sigma-2C$.

6) The lowercase Latin letters “g” and “b” named “*axiological constants*” also are elements of the alphabet of object-language of $\Sigma-2C$.

7) The capital Latin letters having number indexes – E¹, C¹, K¹, K², E², C², C_jⁿ, B_iⁿ, D_mⁿ, A_kⁿ, ... are elements of the alphabet of object-language of $\Sigma-2C$. Such capital Latin letters are named “*axiological-value-functional symbols*”. Here the upper number index *n* informs that the indexed axiological-value-functional symbol is *n*-placed one. The axiological-value-functional symbols may possess no lower number index. But, if value-functional symbols possess lower number indexes, then, if these indexes are different, then the indexed functional symbols are different ones.

8) The signs “(” and “)” named “round brackets” are elements of the alphabet of object-language of $\Sigma-2C$ as well. These auxiliary signs are utilized in the present article as usually in symbolic logic, namely, as pure technical symbols.

9) The signs “[” and “]” (“square brackets”) are elements of the alphabet of object-language of Σ -2C also. However, it is worth emphasizing here that in contrast to the “round brackets”, in Σ -2C, the “square brackets” are used not as the habitual pure technical symbols, but as *ontologically meaningful* signs. Such nonstandard using the “square brackets” is psychologically unexpected (unhabitual) one. In relation to natural language psychology, square brackets and round ones seem identical as very often in natural language they are used as synonyms. But in the object language of Σ -2C, the two kinds of brackets possess *significantly different* meanings (play substantially different roles): usage of round brackets is purely technical (auxiliary) one, while square-bracketing possesses an *ontological* meaning. The *ontological* meaning of square-bracketing is defined below in that part of the present paper which is devoted to *semantics* of object-language of Σ -2C. Nevertheless, even at the level of syntaxis of the artificial object language of Σ -2C, square brackets *play a substantial role* in the precise definition of the concept “formula of Σ -2C”. (This definition is to be given below in this section of the article.) Moreover, square-bracketing *plays a substantial role* in the precise formulations of some axiom-schemes of Σ -2C” (which formulation are to be given below also in this section of the article).

10) An unhabitual artificial symbol “=+=” named “*formal-axiological equivalence*” is an element of the alphabet of object-language of Σ -2C. The odd symbol “=+=” *plays a substantial role* in the precise definition of the concept “formula of Σ -2C” and also in the precise formulations of some axiom-schemes of Σ -2C.

11) A sign is an element of the alphabet of object-language of Σ -2C, if and only if the sign belongs to this alphabet due to the above-formulated items 1) – 10) of the given definition.

Any finite chain (queue) of symbols is named “an *expression* of the object-language of Σ -2C”, then and only then, when that chain contains such and only such signs which are elements of the alphabet of object-language of Σ -2C.

A precise definition of the concept “*term* of Σ -2C” is the following.

1) the above-mentioned *axiological variables* (see the definition of alphabet of Σ -2C) are terms of Σ -2C.

2) the above-mentioned *axiological constants* (see the definition of alphabet of Σ -2C) are terms of Σ -2C.

3) If Φ_k^n is an *n-placed axiological-value-functional symbol* (see the definition of alphabet of Σ -2C), and t_1, \dots, t_n are *terms* of Σ -2C, then $\Phi_k^n t_1, \dots, t_n$ is a term of Σ -2C. (It is worth noting here that signs t_1, \dots, t_n belong to the meta-language; because they denote *any* terms of Σ -2C; the analogous note is worth making with respect to the sign Φ_k^n belonging to the meta-language as well.)

4) An expression of the object-language of Σ -2C is a term of Σ -2C, then and only then, when it is so due to the above-formulated items 1) – 3) of the given definition.

Thus, the *syntaxis* aspect of the abstract notion “*term* of Σ -2C” is quite fixed. Now we are to move to constructing exact definition of the *syntaxis* aspect of the abstract notion “*formula* of Σ -2C”. To perform this move, let us accept the convention that in the given article, lowercase Greek letters $\alpha, \beta,$ and ω (belonging to meta-language) denote *any* formulae of Σ -2C. Keeping this convention in mind, it is possible to give the following precise definition of the notion “formula of Σ -2C”.

1) All the lowercase Latin letters which are above-called “*dictum variables*” and all the lowercase Latin letters which are above-called “*dictum constants*” belong to the set of formulae of Σ -2C.

2) When α and β are formulae of Σ -2C, then all the expressions of the object-language of Σ -2C, which (expressions) have forms $\neg\alpha$, $(\alpha \leftrightarrow \beta)$, $(\alpha \supset \beta)$, $(\alpha \vee \beta)$, $(\alpha \& \beta)$, belong to the set of formulae of Σ -2C as well.

3) When t_i and t_k are terms of Σ -2C, then $(t_i =+ = t_k)$ is a formula of Σ -2C.

4) When t_i is a term of Σ -2C, then $[t_i]$ is a formula of Σ -2C.

5) When α is a formula of Σ -2C, and the symbol Ψ (belonging to the meta-language) denotes any modality symbol from the set of $\{\square, K, A, E, S, T, F, P, D, C, Y, G, W, O, B, U, J\}$, then any expression of object-language of Σ -2C having the form $\Psi\alpha$, is a formula of Σ -2C also. It is worth noting here, that, strictly speaking, the expression $\Psi\alpha$ (belonging to the meta-language) is not a formula of Σ -2C, but a scheme of formulae of Σ -2C.

6) Chains of symbols from the alphabet of object-language of Σ -2C are formulae of Σ -2C, if and only if it is so due to the items 1) – 5) of the given definition.

In this part of the article which (part) is reduced intentionally to *syntaxis* of object-language of *multimodal* formal theory Σ -2C, the set of modality symbols $\{\square, K, E, A, S, T, F, P, D, C, Y, G, W, O, B, U, J\}$ is nothing but a set of very short *names*. The symbol \square is a name for the alethic modality “it is *necessary* that ...”. The symbols K, E, A, S, T, F, P, D, C, respectively, are names of/for the modal expressions “agent *Knows* that...”, “agent *Empirically (a-posteriori) knows* that...”, “agent *A-priori knows* that...”, “under some concrete conditions in some definite time-and-space, an agent has a *Sensation, i.e. verification by feeling* (either immediately or by means of mediating tools), that...”, “it is *True* that...”, “agent has *Faith* that... (or agent believes that...)”, “it is *Provable* in a consistent theory that...”, “there is *an algorithm for Deciding* that... (hence, a machine could be constructed for such Deciding)”, “it is *Consistent* that...”, “it is *Complete* that ...”.

The symbols G, W, O, B, U, J, respectively, are names of/for the modal expressions “it is *Good* (morally perfect) that...”, “it is *Wicked* (morally bad, imperfect) that...”, “it is *Obligatory* (mandatory, compulsory) that ...”, “it is *Beautiful* (aesthetically perfect) that ...”, “it is *Useful* (helpful, valuable, gainful, rewarding) that ...”, “it is a *Joy* (happiness, pleasure, delight) that ...”. In the present section of the article, pure syntaxis meanings of the modal symbols are defined quite precisely (although not manifestly but indirectly) by the below-given schemes of own (proper) axioms of multimodal formal philosophy (epistemology-and-axiology) system Σ -2C.

The proper (own) axioms of multimodal formal philosophy are added to proper (pure) logic axioms which are essentially *similar* to the ones of classical logic of propositions. Thus, proper formal logic axioms and formal logic inference rules of Σ , $\Sigma+C$, and Σ -2C are *analogous* to the ones of classical sentential logic calculus. As the reference to the *similarity (analogy)* is not a perfect definition, below I am to define the set of proper formal logic axioms of Σ -2C rigorously in the following way. If α , β , and ω are formulae of Σ -2C, then the below-located schemes of formulae of Σ -2C are schemes of proper (pure) logic axioms of Σ -2C.

PLA-1: $\alpha \supset (\beta \supset \alpha)$.

PLA-2: $(\alpha \supset (\beta \supset \omega)) \supset ((\alpha \supset \beta) \supset (\alpha \supset \omega))$.

PLA-3: $(\neg\alpha \supset \beta) \supset ((\neg\alpha \supset \neg\beta) \supset \alpha)$.

By definition, in Σ -2C, there is a formal logic derivation rule called “MP (*modus ponens*)”: If α and β are formulae of Σ -2C, then $\alpha, (\alpha \supset \beta) \vdash \beta$. (Here the symbol “... \vdash ...” stands for “in Σ -2C, from ... it is formally logically derivable that...”.) Although in the definition of Σ -2C, only one formal logic derivation rule is mentioned manifestly, it is possible to infer deductively and use systematically also any *derivative* inference-rules justifiable in classical propositional logic.

It is worth highlighting here that, strictly speaking, PLA-1, PLA-2, PLA-3, are results of a substantial *mutation* (heuristically useful one) in the well-known classical propositional logic axioms; the above-introduced *dictum variables* have replaced the corresponding propositional ones. Concerning the definitions of additional logic connectives, and the logic-inference-rules (*modus ponens* and all derivative rules), the relevant mutation (generalization) is to be taken into an account as well.

The schemes of pure logic axioms PLA-1, PLA-2, PLA-3, the relevant definitions of additional logic connectives, and the logic-inference-rules (*modus ponens* and all *derivative* rules of logic inference) are applicable to all formulae of the multimodal theories $\Sigma+C$, and Σ -2C. Hence, the proper logic foundations of $\Sigma+C$, and Σ -2C are identical but the mentioned logically formalized axiomatic systems based on these identical logic foundations are different. It seems that, corresponding definitions of Σ , $\Sigma+C$, and Σ -2C are identical, but strictly speaking, it only seems so. The formal theories Σ , $\Sigma+C$, and Σ -2C have different alphabets of their object-languages, different sets of expressions, different sets of terms, different sets of formulae, different sets of definitions, different sets of axioms, and, finally, different sets of theorems.

In the given section of the article, exactly *syntax* meanings of all the modality symbols and of all the other special signs included into the alphabet of object language of Σ -2C are defined precisely by the following list of schemes of proper philosophical (epistemological and axiological) axioms of Σ -2C. (Certainly, such *axiomatic* definition of proper epistemology-and-axiology notions is *not manifest* one, but, nevertheless, it is *quite precise* one.) If α, β, ω are any formulae of Σ -2C, then any such and only such expressions of the object language of Σ -2C, which have the following forms, are *proper axioms* of Σ -2C.

Axiom scheme AX-1: $A\alpha \supset (\Box\beta \supset \beta)$.

Axiom scheme AX-2: $A\alpha \supset (\Box(\omega \supset \beta) \supset (\Box\omega \supset \Box\beta))$.

Axiom scheme AX-3: $A\alpha \leftrightarrow (K\alpha \ \& \ (\neg\Diamond\neg\alpha \ \& \ \neg\Diamond S\alpha \ \& \ \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)))$.

Axiom scheme AX-4: $E\alpha \leftrightarrow (K\alpha \ \& \ (\Diamond\neg\alpha \ \vee \ \Diamond S\alpha \ \vee \ \neg\Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)))$.

Axiom scheme AX-5: $\Omega\alpha \supset \Diamond\alpha$. (This is a substantial *multimodal generalization* of “Kant principle” combining the deontic and the alethic modalities: $O\alpha \supset \Diamond\alpha$.)

Axiom scheme AX-6: $(\Box\beta \ \& \ \Box\Omega\beta) \supset \beta$. (This is a substantial *multimodal generalization* of the celebrated formula $(\Box\beta \supset \beta)$ underivable in Σ -2C. Concerning the underivability of $(\Box\beta \supset \beta)$, see [Lobovikov, 2018].)

Axiom scheme AX-7: $(t_i =+ = t_k) \leftrightarrow (G[t_i] \leftrightarrow G[t_k])$.

Axiom scheme AX-8: $(t_i =+ = g) \supset \Box G[t_i]$.

Axiom scheme AX-9: $(t_i =+ = b) \supset \Box W[t_i]$.

Axiom scheme AX-10: $(G\alpha \supset \neg W\alpha)$. See the monograph by A.A. Ivin [1970].

Axiom scheme AX-11: $(W\alpha \supset \neg G\alpha)$. See A.A. Ivin’s book [1970].

Definition scheme DF-1: when ω is a formula of Σ -2C, then $\Diamond\omega$ is a *name of/for* $\neg\Box\neg\omega$.

In AX-3, AX-4, AX-5, and AX-6, the symbol Ω (belonging to the meta-language) stands only for a (any) “*perfection* modality”. Not all the above-mentioned modalities are called “*perfection* ones”. The set Δ of signs denoting *perfection*-modalities (or simply, “*perfections*”) is the following {K, D, F, C, Y, P, J, T, B, G, U, O, \square }. Obviously, Δ is only a subset of the set of all signs denoting modalities taken into an account in this article. For instance, W and \diamond are names of/for modalities which are not *perfections*. Including C and Y into the set Δ of *perfection*-modalities is quite natural as “consistency” and “completeness” are important *perfections* of a theoretical system [Тарский, 1948, pp. 185, 186]. As a rule, *de-dicto*-modalities are attached to a *dictum*. Usually, the word “*dictum*” is translated (interpreted) from the Latin language as a “*proposition* (or sentence)”, but, in principle, it is possible to *generalize* the habitual meaning of the word “*dictum*” in such a way that a theoretical (deductive) system would be a *dictum* as well. *Dictum* is “what is affirmed (stated)” but a theory also can be “what is affirmed (stated)”.

A justification of AX-10 and AX-11 can be found in the monograph [ИВИН, 1970] devoted to formal logic of evaluations. But the almost unknown (unhabitual) axiom-schemes AX-7, AX-8, and AX-9 represent not the formal logic but a formal axiology (universal theory of abstract value forms). The notion “formal logic” is not logically equivalent to the notion “formal axiology”, consequently, “formal-logic inconsistency” and “formal-axiological one” are not synonyms. The significant logic-difference between notions “*formal-axiological* contradiction” and “formal-logic one” explains a psychologically unexpected possibility of deductive proof of the *formal-axiological inconsistency* of the formal arithmetic theory [Lobovikov, 2011; Лобовиков, 2011].

Certainly, the above-given exact *syntactic* definitions are *semantically meaningless*; this is not a contingent omission by negligence but such a deliberately accepted scientific abstraction which is quite reasonable within an adequately defined domain. Therefore, now, to make the article perfectly meaningful one, it is indispensable to move directly to *semantics* of the language of $\Sigma+2C$.

3. *Defining semantics of/for the multimodal formal axiomatic theory $\Sigma+2C$*

In the above section 2 of the article, the purely syntactic definition of $\Sigma+2C$ has been presented; it has been deliberately deprived of its proper philosophical contents (owing to the relevant abstraction). The formal axiomatic theory $\Sigma+2C$ is a *multimodal* one, but up to the present moment concrete contents of the modalities have been exposed not sufficiently; the theory $\Sigma+2C$ has been considered as actually formal one. Below in this section of the article, we are to relax the formality of $\Sigma+2C$ substantially by moving directly to concrete philosophical contents of the modalities under consideration in $\Sigma+2C$. It is presumed in the present article that the semantic meanings of the proper logic symbols of the artificial language of classical symbolic logic are already well-defined by relevant handbooks. As the semantic meanings of the proper logic symbols are well-known, there is no need to define them here. On the contrary, the extraordinary (very unusual) signs of the artificial language of $\Sigma+2C$ require a systematical specification of their semantic meanings.

Meanings of the lowercase Latin letters p, q, d (and of these letters having lower number indexes) above-named “*dictum variables*” are analogous to the meanings of the well-known “*propositional variables*”. However, there is a significant difference: in $\Sigma+2C$, “*dictum variables*” take their values from the set of dictums to which set not only all true or false propositions but also all true or false theories belong. Thus, the dictum variables range over the set of dictums which are either true or false. If an interpretation of $\Sigma+2C$ is given, then a *dictum constant* means (in that interpretation) quite a definite (fixed) element of the set of dictums, i.e. either a concrete true or false proposition or a concrete true or false theory.

As a habit (custom) rule (statistical norm), the word “*dictum*” is translated (interpreted) from the Latin language as “affirmation of (a sentence...)” or “expression of (a thought ...) in words”. However, there is a possibility to move from “affirmation of (a sentence...)” to “affirmation of (a sentence ..., or a theory ...)” as a theory is also something what can be affirmed. In the given article, it is presumed that a theory is a dictum as well. Thus, attaching *de-dicto*-modalities C (consistency) and Y (completeness) to theories is vindicated in $\Sigma+2C$. Concerning general philosophical investigations of modalities *de-dicto* and *de-re*, see, for instance, [Prior, 1952], [Kneale, 1962], [Sosa, 1970], [Chisholm, 1976], [Целищев, 1978], [Salmon, 1997].

Defining semantic meanings is defining an *interpretation-function*. To define the interpretation-function one has to define (1) a set which plays the role of “domain (or field) of interpretation” (let the interpretation-domain be denoted by the letter M) and (2) a “valuator (evaluator)” V. By definition, in a standard interpretation of $\Sigma+2C$, M is such a set, every element of which has: (1) one and only one *axiological value* from the set {good, bad}; (2) one and only one *ontological value* from the set {exists, not-exists}.

The *axiological variables* (z, x, y, z_b, x_b, y_m) take their values from the set M.

The *axiological constants* “b” and “g” mean “bad” and “good”, respectively.

Valuating an element from M by a concrete (fixed) interpreter V is ascribing an *axiological value* (either good or bad) to that element. The interpreter V may be either collective or individual one. Certainly, a change of V can change some relative evaluations, but cannot change the set of laws of two-valued algebra of formal axiology which are not relative but absolute evaluations, namely, such and only such *constant valuation-functions* which have the value g (good) under any possible combination of axiological values of their axiological variables. Although V is a variable taking its values from the set of all possible interpreters, a perfectly defined interpretation of $\Sigma+2C$ necessarily implies that the value of V is fixed. A change of V necessarily implies a change of interpretation.

In the present article, “e” and “n” stand for “... exists” and “... not-exists”, respectively. The signs “e” and “n” are named “*ontological constants*”. By definition, in a standard interpretation of $\Sigma+2C$, one and only one element of the set $\{\{g, e\}, \{g, n\}, \{b, e\}, \{b, n\}\}$ corresponds to every element of M. The signs “e” and “n” belong to the meta-language. By definition of the alphabet of object-language of $\Sigma+2C$, “e” and “n” do not belong to the object-language. Nevertheless, “e” and “n” are *indirectly* represented at the level of object-language of $\Sigma+2C$ by means of *square-bracketing*: “ t_i exists” is represented by $[t_i]$; “ t_i does not exist” is represented by $\neg[t_i]$. This means that square-bracketing is a significant part of exact defining formal-axiological-and-ontological semantics of $\Sigma+2C$.

N -placed terms of $\Sigma+2C$ are interpreted as n -placed evaluation-functions defined on the set M . The notion “One-placed evaluation-function” is exemplified below by the **Table 1**. (It is relevant to recall here that the upper index 1 standing immediately after a capital letter means that this letter stands for a one-placed evaluation-function.)

Table 1. Definition of the evaluation-functions determined by one evaluation-argument

x	B_1^1x	N_1^1x	C_1^1x	I_1^1x	Z_1^1x	S_1^1x	U_1^1x	A_1^1x	G_1^1x	P_1^1x	H_1^1x	R_1^1x	C_2^1x	I_2^1x
g	g	b	g	b	b	b	b	g	g	g	b	b	g	b
b	b	g	b	g	b	b	b	g	g	b	g	g	b	g

In the **Table 1**, the one-placed term B_1^1x is interpreted as *one-placed evaluation-function* “being (existence) of (what, whom) x ”; the term N_1^1x is interpreted as *evaluation-function* “non-being (nonexistence) of (what, whom) x ”. C_1^1x – “consistency of (what, whom) x ”. I_1^1x – “inconsistency of (what, whom) x ”. Z_1^1x – “formal-axiological inconsistency (or absolute inconsistency) of (what, whom) x ”. S_1^1x – “ x ’s formal-axiological self-contradiction”. U_1^1x – “absolute non-being of (what, whom) x ”. A_1^1x – “absolute being of (what, whom) x ”. G_1^1x – “absolute goodness of (what, whom) x ”, or “absolute good (what, who) x ”. P_1^1x – “positive evaluation of (what, whom) x ”. H_1^1x – “negative evaluation of (what, whom) x ”. R_1^1x – “resistance to (what, whom) x ”. C_2^1x – “completeness of (what, whom) x ”. I_2^1x – “incompleteness of (what, whom) x ”.

The notion “two-placed evaluation-function” is instantiated by the below **Table 2**. (In this paper, the upper index 2 standing immediately after a capital letter means that this letter stands for a two-placed function; difference of lower number-indexes means difference of the relevant symbols, for example, in the above-presented **Table 1**, C_1^1x and C_2^1x are different symbols.)

Table 2. Definition of the evaluation-functions determined by two arguments

x	y	K^2xy	S^2xy	X^2xy	T^2xy	Z^2xy	P^2xy	C^2xy	E^2xy	V^2xy	N^2xy	Y^2xy
g	g	g	b	b	b	b	g	g	g	b	b	g
g	b	b	g	b	b	b	g	b	b	g	b	g
b	g	b	g	g	g	g	b	g	b	g	b	g
b	b	b	g	b	b	b	g	g	g	b	g	b

In the **Table 2**, the two-placed term K^2xy is interpreted as evaluation-function “being of both x and y together”, or “joint being of x with y ”. S^2xy is interpreted as “separation, divorcement between x and y ”. The term X^2xy – evaluation-function “ y ’s being without x ”, or “joint being of y with nonbeing of x ”. T^2xy – “termination of x by y ”. Z^2xy – “ y ’s contradiction to (with) x ”. P^2xy – “preservation, conservation, protection of x by y ”. C^2xy is interpreted as evaluation-function “ y ’s existence, presence in x ”. E^2xy – “equivalence, identity (of values) of x and y ”. V^2xy – “choosing and realizing such and only such an element of the set $\{x, y\}$, which is: 1) the best one, if both x and y are good; 2) the least bad one, if both x and y are bad; 3) the good one, if x and y have opposite values. (Thus, V^2xy means an excluding choice and realization of only the optimal between x and y .) The term N^2xy is interpreted as evaluation-function “realizing neither x nor y ”. Y^2xy is interpreted

as evaluation-function “realizing a *not-excluding-choice* result, i.e. 1) realizing K^2xy if both x and y are good, and 2) realizing V^2xy otherwise”. Additional exemplifications of “two-placed evaluation-function” may be found in [Лобовиков, 2018; Lobovikov, 2020; 2021].

To exclude possibilities of misunderstanding the present article, here it is quite relevant to highlight that in a standard interpretation of $\Sigma+2C$, the signs B_1^1x , N_1^1x , C_1^1x , K^2xy , C^2xy , E^2xy , V^2xy stand not for predicates but for n -placed *evaluation-functions*. Being given an interpretation of $\Sigma+2C$, such expressions of the object-language of $\Sigma+2C$, which have forms $(t_i=+=t_k)$, $(t_i=+=g)$, $(t_i=+=b)$, are representations of *predicates* in $\Sigma+2C$.

By definition of semantics of $\Sigma+2C$, if t_i is a term of $\Sigma+2C$, then, being interpreted, such a formula of $\Sigma+2C$, which has the form $[t_i]$, is an *either true or false proposition* “ t_i exists”. Thus, by definition, in a standard interpretation, formula $[t_i]$ is true if and only if t_i has the *ontological value* “e (exists)” in that interpretation. Also, by definition, the formula $[t_i]$ is false in a standard interpretation of $\Sigma+2C$, if and only if t_i has the ontological value “n (not-exists)” in that interpretation.

By definition of semantics of $\Sigma+2C$, in a standard interpretation of $\Sigma+2C$, the formula scheme $(t_i=+=t_k)$ is a proposition possessing the form “ t_i is *formally-axiologically equivalent* to t_k ”; this proposition is true if and only if (in that interpretation) the terms t_i and t_k obtain identical *axiological values* (from the set {good, bad}) under any possible combination of *axiological values* of their *axiological variables*.

By definition of semantics of $\Sigma+2C$, in a standard interpretation of $\Sigma+2C$, the formula scheme $(t_i=+=b)$ is a proposition having the form “ t_i is a *formal-axiological contradiction*” (or “ t_i is *formally-axiologically, or invariantly, or absolutely bad*”); this proposition is true if and only if (in that interpretation) the term t_i acquires axiological value “bad” under any possible combination of axiological values of the axiological variables.

By definition of semantics of $\Sigma+2C$, in a standard interpretation of $\Sigma+2C$, the formula scheme $(t_i=+=g)$ is a proposition having the form “ t_i is a *formal-axiological law*” (or “ t_i is *formally-axiologically, or invariantly, or absolutely good*”); this proposition is true if and only if (in the interpretation) the term t_i acquires *axiological value* “good” under any possible combination of axiological values of the axiological variables.

In respect to the above-given definition of semantic meaning of $(t_i=+=t_k)$ in $\Sigma+2C$, it is indispensable to highlight the important linguistic fact of homonymy of the words “is”, “means”, “implies”, “entails”, “equivalence” in natural language. On the one hand, in natural language, these words may have the well-known formal logic meanings. On the other hand, in natural language, the same words may stand for the above-defined *formal-axiological-equivalence* relation “ $=+=$ ”. This ambiguity of natural language is to be taken into an account; the different meanings of the homonyms are to be separated systematically; otherwise the homonymy can head to logic-linguistic illusions of paradoxes.

Owing to the above-presented definition of formal-axiological-and-ontological semantics of $\Sigma+2C$, it is easy to recognize that the two-valued algebraic system of formal axiology is nothing but abstract *theory-of-relativity* of evaluations; in this theory-of-relativity, the *formal-axiological laws* (constantly good evaluation-functions) of that algebraic system are *invariants* in relation to all possible transformations of interpreter V.

Thus, although it is an indisputable (perfectly evident) fact that relativity (and mutability) of empirical valuations does exist, the valuation-invariants (immutable universal laws of valuation-relativity) do exist as well [Lobovikov, 2020].

4. Some curious properties of the logically formalized axiomatic epistemology-and-axiology system $\Sigma+2C$

Certainly, $\Sigma+2C$ is *not a normal* modal logic system in that special meaning of the term “normal modal logic” which is precisely defined in [Kripke, 1963; 1965] and [Bull and Segerberg, 1984]. This is so because the formula-schemes $(\Box\beta \supset \beta)$ and $(\Box(\alpha \supset \beta) \supset (\Box\alpha \supset \Box\beta))$ are not provable in $\Sigma+2C$, and Gödel’s necessitation rule is not provable in $\Sigma+2C$ as well. However, it is possible easily to obtain a *normal* modal logic system by *modus ponens* in result of adding the assumption $A\alpha$ to $\Sigma+2C$. Nevertheless, according to $\Sigma+2C$, a discourse of *empirical* knowledge and of *knowledge in general* is beyond the domain of relevant applicability of the *normal* modal logic.

Generally speaking, the wonderful formula-scheme $(\alpha \leftrightarrow T\alpha)$ is not provable in $\Sigma+2C$. However, adding the assumption $A\alpha$ to $\Sigma+2C$ makes a system (let us call it “ $\Sigma+2C + A\alpha$ ”), in which $(\alpha \leftrightarrow T\alpha)$ is a provable formula-scheme.

Concerning *epistemic* modal logic [Hintikka, 1962; 1974], [Hintikka and Hintikka, 1989], it is worth mentioning here that the well-known formula $(Kq \supset q)$ is not provable in $\Sigma+2C$. Being accepted as a *strictly universal* principle, $(Kq \supset q)$ contradicts to the *evolutionary* epistemology, in which belief revision and *knowledge revision* are taken seriously [Bradie and Harms, 2020], [Лобовиков, 2018]. Thus, $\Sigma+2C$ is a more realistic model of reasoning of *empirical* knowledge and of *knowledge in general* (in comparison with the epistemologies accepting $(Kq \supset q)$ as a *necessarily universal* principle). Relativity, flexibility, and flow of *empirical* knowledge do exist. This is a fact of history of cognition. Consequently, if accepting the *evolutionary* epistemology is rational then habitual accepting the formula $(Kq \supset q)$ as a theorem of epistemic logic is not rational. Taking the *evolutionary* epistemology seriously necessitates that, *in general, modal logic of knowledge is not-normal one* [Лобовиков, 2017; 2018]. According to $\Sigma+2C$, the *normal* modal logic of knowledge is quite rational only in such a very rare (extraordinary) *particular* case when the assumption $A\alpha$ is true. Although $(Kq \supset q)$ is not a theorem in $\Sigma+2C$, a less strong formula $(Kq \supset \Diamond q)$ is derivable in $\Sigma+2C$. It is a significant difference between Σ and $\Sigma+2C$, that formulae $(Oq \supset \Diamond q)$, $(Gq \supset \Diamond q)$, $(Tq \supset \Diamond q)$, $(Pq \supset \Diamond q)$, which are important for philosophy, are formally derivable in $\Sigma+2C$ (from the axiom-scheme AX-5 by relevant substitutions) but not derivable in Σ . One of the benefits and the novelties of the particular system $\Sigma+2C$ originally constructed in the present article is justification of the nontrivial bimodal philosophical principle called “Kant principle”, which is modeled by the theorem $(Op \supset \Diamond p)$. (Here I shall abstain from discussing the problem of I. Kant’s authorship of this bimodal principle of ethics and jurisprudence as it would be a deviation from the main theme and goal of the article.) Another important benefit (and significant novelty) of constructing the original system $\Sigma+2C$ is represented in the following section of the paper. Exactly this concrete benefit (and novelty) is my main concern in the given paper.

5. *Some philosophically nontrivial results of applying $\Sigma+2C$ to uniting K. Gödel's incompleteness theorems with the doctrines by I. Kant and D. Hilbert concerning proper mathematical knowledge system*

Now let us apply the hitherto never considered axiomatic system $\Sigma+2C$ to the set of statements ST1 – ST8 formulated in the introduction, which statements model Kant's and Hilbert's philosophies of mathematics. Within $\Sigma+2C$, by means of its artificial language, the statements ST1 – ST8 (formulated in the introduction) are represented by the following formulae ST1* – ST8*, respectively. The symbol ω in these formulae is interpreted as either a *proper mathematical statement* or a *proper mathematical theory*; the symbols A, T, P, C, Y, respectively, stand for the modalities “it is *A-priori known* that ...”, “it is *True* that...”, “it is *Provable* in the consistent theory that...”, “it is *Consistent* that...”, “it is *Complete* that...”.

ST1*: $A\omega$.

ST2*: $(T\omega \leftrightarrow P\omega)$.

ST3*: $(C\omega \leftrightarrow PC\omega)$.

ST4*: $(T\omega \leftrightarrow C\omega)$.

ST5*: $(T\omega \leftrightarrow \omega)$.

ST6*: $(C\omega \leftrightarrow Y\omega)$.

ST7*: $(T\omega \leftrightarrow Y\omega)$.

ST8*: $(Y\omega \leftrightarrow PY\omega)$.

Now let us prove the following theorem schemes of $\Sigma+2C$.

Statement-I: $(A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow \omega))$; $(A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow P\omega))$; $(A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow C\omega))$;
 $(A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow D\omega))$; $(A\omega \supset (P\omega \leftrightarrow D\omega))$; $(A\omega \supset (\omega \leftrightarrow P\omega))$; $(A\omega \supset (\omega \leftrightarrow D\omega))$;
 $(A\omega \supset (C\omega \leftrightarrow Y\omega))$; $(A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow Y\omega))$. The below chain of formula-schemes is a formal proof of the **Statement-I**.

1. $A\alpha \leftrightarrow (K\alpha \ \& \ (\neg\Diamond\neg\alpha \ \& \ \neg\Diamond S\alpha \ \& \ \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta))$: axiom-scheme AX-3.
2. $A\alpha \supset (K\alpha \ \& \ (\neg\Diamond\neg\alpha \ \& \ \neg\Diamond S\alpha \ \& \ \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta))$: from 1 by elimination of \leftrightarrow .
3. $A\alpha$: assumption.
4. $(K\alpha \ \& \ (\neg\Diamond\neg\alpha \ \& \ \neg\Diamond S\alpha \ \& \ \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta))$: from 2 and 3 by *modus ponens*.
5. $\Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 4 by elimination of $\&$.
6. $(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 3 and 5 by the rule¹ of elimination of \Box .
7. $A\alpha \mid\!-\ (\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: by 1–6.
8. $A\alpha \mid\!-\ (\beta \leftrightarrow \Xi\beta)$: from 7 by substituting Ξ for Ω .
9. $A\alpha \mid\!-\ (\Xi\beta \leftrightarrow \beta)$: from 8 by commutativity of \leftrightarrow .
10. $A\alpha \mid\!-\ (\Xi\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 9 and 7 by transitivity of \leftrightarrow .
11. $A\alpha \mid\!-\ (\Omega\beta \leftrightarrow \beta)$: from 7 by commutativity of \leftrightarrow .
12. $\mid\!-\ (A\alpha \supset (\Omega\beta \leftrightarrow \beta))$: from 11 by introduction of \supset .
13. $\mid\!-\ (A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow \omega))$: from 12 by substituting (T for Ω) and (ω for α and β).
14. $\mid\!-\ (A\alpha \supset (\Xi\beta \leftrightarrow \Omega\beta))$: from 10 by introduction of \supset .

¹ It is formulated as follows: $A\alpha, \Box\beta \mid\!-\ \beta$.

15. $\vdash (A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow P\omega))$: from 14 by substituting: (T for Ξ); (P for Ω); (ω for α and β).
16. $\vdash (A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow C\omega))$: from 14 by substituting: (T for Ξ); (C for Ω); (ω for α and β).
17. $\vdash (A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow D\omega))$: from 14 by substituting: (T for Ξ); (D for Ω); (ω for α and β).
18. $\vdash (A\omega \supset (P\omega \leftrightarrow D\omega))$: from 14 by substituting: (P for Ξ); (D for Ω); (ω for α and β).
19. $\vdash (A\alpha \supset (\beta \leftrightarrow \Omega\beta))$: from 7 by introduction of \supset .
20. $\vdash (A\omega \supset (\omega \leftrightarrow P\omega))$: from 19 by substituting: (ω for α and β); (P for Ω).
21. $\vdash (A\omega \supset (\omega \leftrightarrow D\omega))$: from 19 by substituting: (ω for α and β); (D for Ω).
22. $\vdash (A\omega \supset (C\omega \leftrightarrow Y\omega))$: from 14 by substituting: (C for Ξ); (Y for Ω); (ω for α and β).
23. $\vdash (A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow Y\omega))$: from 14 by substituting: (T for Ξ); (Y for Ω); (ω for α and β).

Thus, the proof is finished.

The succession 1–6 is a formal derivation of $(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$ from the assumption $A\alpha$. The succession 1–10 is a formal derivation of $(\Xi\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$ from the assumption $A\alpha$. The chain 1–13 is a formal proof of $(A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow \omega))$. The chain 1–15 is a formal proof of $(A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow P\omega))$. The queue 1–16 is a formal derivation of $(A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow C\omega))$. The succession 1–17 is a formal inference of $(A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow D\omega))$. The chain 1–18 is a formal proof of $(A\omega \supset (P\omega \leftrightarrow D\omega))$. The queue 1–22 is a formal proof of $(A\omega \supset (C\omega \leftrightarrow Y\omega))$.

Corollary: from conjunction of the **Statement-I** and the *first* theorem of incompleteness by Gödel, it follows logically that $\neg A\omega$.

Statement II: $(A\omega \supset (C\omega \leftrightarrow PC\omega))$; $(A\omega \supset (Y\omega \leftrightarrow PY\omega))$. The proof of this statement is the following chain of schemes of formulae.

- 1) $A\alpha \vdash (\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: by the chain 1–6 in the above-submitted proof of the **Statement -I**.
- 2) $A\alpha \vdash (\Xi\beta \leftrightarrow \Omega\Xi\beta)$: from 1) by substituting $\Xi\beta$ for β .
- 3) $\vdash (A\alpha \supset (\Xi\beta \leftrightarrow \Omega\Xi\beta))$: from 2) by the rule of introduction of \supset .
- 4) $\vdash (A\omega \supset (C\omega \leftrightarrow PC\omega))$: from 3) by substituting: (C for Ξ); (P for Ω); (ω for α and β).
- 5) $\vdash (A\omega \supset (Y\omega \leftrightarrow PY\omega))$: from 3) by substituting: (Y for Ξ); (P for Ω); (ω for α and β).

Corollary: from conjunction of the **Statement-II** and the *second* theorem of incompleteness by Gödel, it follows logically that $\neg A\omega$.

The proof is finished.

It is quite natural to encounter a professional mathematician or logician who has a skeptical view of Leibniz’s belief (dream) that developing a modal *propositional* logic can help in discussing, precise formulating, and effective solving if not many then at least some of proper philosophical questions. Why exactly this concrete logic, namely, the *propositional one*? Why, for instance, not the *first-order predicate* logic (or some more general, or rich, or mighty logic system)? The questions are quite natural and nontrivial ones. My answer to them is the following. According to the above-proved **Statement I**, within the formal axiomatic epistemology system Sigma+2C, it is formally provable that $(A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow D\omega))$, $(A\omega \supset (P\omega \leftrightarrow D\omega))$. In the standard epistemological interpretation, the theorem-schemes $(A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow D\omega))$, $(A\omega \supset (P\omega \leftrightarrow D\omega))$ mean that *a-priori* knowledge system is *decidable*. As it is well-known that the *first-order predicate* logic is not decidable, it cannot be a proper-logic part (logic subsystem) of a logically formalized system of proper *a-priori* knowledge. Consequently, the *first-order predicate* logic cannot be such a proper-

logic basis of *universal* epistemology which is *common for both* the empirical knowledge subsystem and the *a-priory* knowledge subsystem of the knowledge system in general. Plenty of other intellectually respectable consistent logic systems (even more general, rich, and powerful than the *first-order predicate* logic) are either not complete, or *not decidable*, consequently, they are not acceptable candidates for the role of proper logic basis of/for a logically formalized *universal* epistemology *combining consistently* both the empiricism and the a-priori-ism in philosophy of knowledge. Taking the above-said into an account, it is quite reasonable to try exactly the propositional logic as a candidate for the role in question, because the propositional logic is consistent, complete, and *decidable*, and, consequently, *compatible* with the *a-priori-ism* in epistemology (while the *first-order predicate* logic and the *a-priori-ism* in epistemology are not compatible due to the theorem-schemes $(A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow D\omega))$, $(A\omega \supset (P\omega \leftrightarrow D\omega))$). However, I agree that the *first-order predicate* logic is quite an adequate and in some concrete relations even the best proper-logic basis for logical formalization of many *empirical* knowledge systems.

6. *Formal proving the theorem-scheme $(A\omega \supset ((C\omega \supset \neg Y\omega) \supset (C\omega \supset \neg PC\omega)))$ in the theory $\Sigma+2C$, and discussing a logical consequence of combining this theorem-scheme with Bessonov’s meta-theorem of logical independence of Gödel’s second incompleteness meta-theorem from the first one*

“... the second theorem is independent of the first, ...”
[Bessonov, 2022, pp. 5 and 8]

The scientific conference paper [Bessonov, 2022] has presented a proof of such a meta-theoretic statement, which means that the *second Gödel’s incompleteness metatheorem does not follow logically from the first one*. I think that the meta-theoretic statement proved by Bessonov is nontrivial and deserves pondering over. In particular, concerning the mentioned meta-theoretic statement proved by Bessonov, in the present article, it is quite relevant to take into an account that, in $\Sigma+2C$, it is possible to construct a formal proof of the following theorem scheme to be called hereafter “Statement-III”: $(A\omega \supset ((C\omega \supset \neg Y\omega) \supset (C\omega \supset \neg PC\omega)))$. The formal proof is the following queue 1)–13).

- 1) $A\omega$: assumption.
- 2) $(C\omega \supset \neg Y\omega)$: assumption.
- 3) $C\omega$: assumption.
- 4) $\neg Y\omega$: from 3 and 2 by *modus ponens*.
- 5) $(A\omega \supset (C\omega \leftrightarrow Y\omega))$: the theorem scheme proved above (see the **Statement-I**).
- 6) $(C\omega \leftrightarrow Y\omega)$: from 5 and 1 by *modus ponens*.
- 7) $(C\omega \supset Y\omega)$: from 6 by the rule of elimination of \leftrightarrow .
- 8) $Y\omega$: from 7 and 3 by *modus ponens*.
- 9) $\neg PC\omega$: from 8 and 4 by the rule of introduction of \neg .
- 10) $A\omega, (C\omega \supset \neg Y\omega), C\omega \mid \neg PC\omega$: due to the above succession 1–9.
- 11) $A\omega, (C\omega \supset \neg Y\omega) \mid (C\omega \supset \neg PC\omega)$: from 10 by the rule of introduction of \supset .

12) $A\omega \mid - ((C\omega \supset \neg Y\omega) \supset (C\omega \supset \neg PC\omega))$: from 11 by the introduction of \supset .

13) $\mid - (A\omega \supset ((C\omega \supset \neg Y\omega) \supset (C\omega \supset \neg PC\omega)))$: from 12 by the introduction of \supset .

The proof is finished. However, it could be continued in the given article in the following way with a view for utilizing and discussing the above-mentioned Bessonov’s metatheoretic statement.

14) $Aa_t \mid - ((Ca_t \supset \neg Ya_t) \supset (Ca_t \supset \neg PCa_t))$: from 12 by substituting a_t for ω . (Here, “ a_t ” is a short name for the affirmation of arithmetic theory studied by Gödel.)

15) $\neg((Ca_t \supset \neg Ya_t) \supset (Ca_t \supset \neg PCa_t))$: the above-mentioned Bessonov’s meta-theorem.

16) $\neg Aa_t$: from 14 and 15 by the rule of introduction of \neg .

Here we are. According to conjunction of the meta-theorem by Bessonov, and the given concrete *interpretation* of $\Sigma+2C$, the formal arithmetic theory in question is a representation of not *a-priori* but *empirical* knowledge. It is worth noting here that “ a_t ” is not a variable but a constant; in that concrete arithmetic interpretation which is discussed here, the constant “ a_t ” means perfectly fixed affirming the arithmetic theory studied by Gödel”, and “ Ca_t ” means the statement that the arithmetic theory is consistent.

7. Proving consistency of the formal theory $\Sigma+2C$

For constructing the proof of consistency, we are to move from the *meta-language* of $\Sigma+2C$ to the *object-language* of $\Sigma+2C$. Therefore, we are to move from the above-given schemes of axioms AX1—AX11 (and definition-scheme DF-1) to the following axioms AX1*—AX11* (and definition DF-1*), respectively.

Axiom AX-1*: $Ap \supset (\Box q \supset q)$.

Axiom AX-2*: $Ap \supset (\Box(p \supset q) \supset (\Box p \supset \Box q))$.

Axiom AX-3*: $Ap \leftrightarrow (Kp \ \& \ (\neg \Diamond \neg p \ \& \ \neg \Diamond Sp \ \& \ \Box(q \leftrightarrow \Box q)))$.

Axiom AX-4*: $Ep \leftrightarrow (Kp \ \& \ (\Diamond \neg p \ \vee \ \Diamond Sp \ \vee \ \neg \Box(q \leftrightarrow \Box q)))$.

Axiom AX-5*: $\Box p \supset \Diamond p$.

Axiom AX-6*: $(\Box q \ \& \ \Box \Box q) \supset q$.

Axiom AX-7*: $(B_1^1x \ = \ + \ = C_1^1x) \leftrightarrow (G[B_1^1x] \leftrightarrow G[C_1^1x])$.

Axiom AX-8*: $(B_1^1x \ = \ + \ = g) \supset \Box G[B_1^1x]$.

Axiom AX-9*: $(B_1^1x \ = \ + \ = b) \supset \Box W[B_1^1x]$.

Axiom AX-10*: $(Gp \supset \neg Wp)$.

Axiom AX-11*: $(Wp \supset \neg Gp)$.

Definition DF-1*: $\Diamond p$ is a *name of/for* $\neg \Box \neg p$, i.e. $(\Diamond p \leftrightarrow \neg \Box \neg p)$ by definition.

Below in this paragraph a precise definition is given of/for such a *function* $\$$, which is an *interpretation* of the formal axiomatic theory $\Sigma+2C$ (It is worth highlighting here that in this section of the article “t” denotes “true” and “f” denotes “false”). The interpretation-function $\$$ is precisely defined below by the items 1—25.

1) For any formulae ω and π , and for any binary classical logic connective \oplus , it is true that $\$(\omega \oplus \pi) = (\$\omega \oplus \$\pi)$.

2) For any formula ω , it is true that $\$\neg\omega = \neg\ω .

3) $\$Ap = f$.

4) $\$\Box q = f$.

- 5) $\$q = t.$
- 6) $\$p = t.$
- 7) $\$\Box(p \supset q) = f.$
- 8) $\$\Box p = f.$
- 9) $\$Kp = t.$
- 10) $\$\Diamond\neg p = t.$
- 11) $\$\Diamond Sp = t.$
- 12) $\$\Box(q \leftrightarrow \Box q) = f.$
- 13) $\$Ep = t.$
- 14) $\$\Diamond p = t.$
- 15) $\$\Box\Box q = f.$
- 16) $\$(B_1^1x = + = C_1^1x) = t.$
- 17) $\$G[B_1^1x] = t.$
- 18) $\$G[C_1^1x] = t.$
- 19) $\$(B^1x = + = g) = f.$
- 20) $\$(B^1x = + = b) = f.$
- 21) $\$\Box G[B^1x] = f.$
- 22) $\$\Box W[B^1x] = f.$
- 23) $\$Gp = t.$
- 24) $\$Wp = f.$
- 25) $\$\Box\neg p = f.$

Under the *interpretation* $\$$ of the formal theory $\Sigma+2C$, the axioms AX1*—AX11* are true, the definition DF-1* is true, and the logic inference rules conserve truthfulness, hence, there is a model of/for $\Sigma+2C$, hence, the formal theory $\Sigma+2C$ is consistent.

8. *Representing D. Hilbert’s epistemic optimism by formal proving such a theorem which models that optimism in the theory $\Sigma+2C$ to which the time-modality “it shall be in future that q ” is added*

In the literature on philosophy of mathematics and on its history, when D. Hilbert’s and Gödel’s legacies are studied, very often their “rationalistic optimism” (or “epistemic optimism”) is mentioned and discussed somehow [Ершов и Целищев, 2012], [Целищев, 2013], [Zach, 2019]. According to D. Hilbert’s biography [Reid, 1996], his epistemic optimism has been expressed in his credo written on his gravestone in Göttingen, namely, “We must know. — We shall know”, which credo has been formulated by Hilbert in response to the popular Latin maxim: “Ignoramus et ignorabimus” translated into English language by the sentence “We do not know. — We shall not know” [Reid, 1996, p 192].

Is it possible to represent (formulate precisely and prove deductively) the indicated Hilbert’s credo within the theory $\Sigma+2C$? To answer this nontrivial question, first of all, let us think of possibility of a *relevant mutation* in the above-given definition of the set Δ of perfection modalities. According to the definition, Δ is finite, but, in principle, it may be extended by adding a new element (or a finite set of new elements) to it. Thus, in principle, the set Δ of perfection

modalities is potentially infinite, i.e. open for any finite additions of qualitatively new perfection modalities. I believe that the time-modality “*in Future, it shall be so that q*” (or “it is Future that q”, or “in Future, q”) is a perfection modality. Let this time-modality be denoted by the sign “B” (which is a letter belonging to the Russian language alphabet)² and added to Δ . If such adding is accepted then it is possible to construct the following proof scheme in $\Sigma+2C+B$.

- 1) $A\alpha \leftrightarrow (K\alpha \ \& \ (\neg\Diamond\neg\alpha \ \& \ \neg\Diamond S\alpha \ \& \ \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta))$: axiom-scheme AX-3.
- 2) $A\alpha \supset (K\alpha \ \& \ (\neg\Diamond\neg\alpha \ \& \ \neg\Diamond S\alpha \ \& \ \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta))$: from 1 by elimination of \leftrightarrow .
- 3) $A\alpha$: assumption.
- 4) $(K\alpha \ \& \ (\neg\Diamond\neg\alpha \ \& \ \neg\Diamond S\alpha \ \& \ \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta))$: from 2 and 3 by *modus ponens*.
- 5) $\Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 4 by elimination of $\&$.
- 6) $(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 3 and 5 by the rule of elimination of \Box .
- 7) $A\alpha \mid\!-\ (\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: by 1—6.
- 8) $A\alpha \mid\!-\ (\beta \leftrightarrow \Xi\beta)$: from 7 by substituting Ξ for Ω .
- 9) $A\alpha \mid\!-\ (\Xi\beta \leftrightarrow \beta)$: from 8 by commutativity of \leftrightarrow .
- 10) $A\alpha \mid\!-\ (\Xi\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 9 and 7 by transitivity of \leftrightarrow .
- 11) $A\alpha \mid\!-\ (\Xi\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 10 by the rule of introduction of \supset .
- 12) $\mid\!-\ (A\omega \supset (O\omega \leftrightarrow B\omega))$: from 11 by substituting: O for Ξ ; and B for Ω .
- 13) $(A\omega \supset (OK\omega \leftrightarrow BK\omega))$: from 12 by substituting: $K\omega$ for ω .

Thus, constructing the proof scheme is finished. According to its philosophical interpretation, in $\Sigma+2C+B$, the queue 1—12 is a model (representation) of justifying the optimism in general, and the queue 1—13 is a representation of vindicating D. Hilbert’s epistemic optimism in particular. This is so because $(OK\omega \leftrightarrow BK\omega)$ is translated into the natural language of humans by the sentence “we *must* know (that ...) — we *shall* know, *in future*, (that ...)”. I think that this is exactly what Hilbert has believed in. The scientific novelty of this paragraph of the given article is precise defining the domain in which Hilbert’s epistemic optimism is rationally justifiable. According to this paragraph, the domain, in which Hilbert’s epistemic optimism is quite rational, is reduced to the small but not-empty realm of *pure a priori* knowledge exclusively. The strong psychological impression of oddity of the motto “We *must* know. — We *shall* know”³ is quite an expectable outcome of *irrelevant* applying this motto to *empirical* knowledge.

9. Conclusion

I. Kant used to emphasize that proper mathematical knowledge is pure *a-priori*. This statement by Kant is especially highlighted not only in his “Critique of Pure Reason” [1994], but also in his “*Prolegomena*” [1996]. At first glance, Kantian philosophy of mathematics looks quite reasonable and truthlike, but, from conjunction of the axiomatic system $\Sigma+2C$ and the famous

² I have decided to utilize the sign “B” (the first letter of the Russian word “Будущее”) here, as the sign “F” (the first letter of the English word “Future”) is already occupied in $\Sigma+2C$.

³ Extremist-minded positivists and empiricist-minded sceptics should evaluate this statement by Hilbert as either obviously *false* or *meaningless* one. I guess that they would prefer to agree with the Latin maxim: “We do not know. — We shall not know”.

incompleteness theorems by Gödel it follows logically that Kant’s general statement of a-priori-ness of mathematical knowledge is false. Moreover, it is formally provable in $\Sigma+2C$ that $(A\omega \supset (\omega \leftrightarrow T\omega))$, consequently, those who do not agree with the equivalence $(\omega \leftrightarrow T\omega)$, have to disagree with Kant’s statement (modeled by $A\omega$) of a-priori-ness of mathematical knowledge system as well. Also, it is formally provable in $\Sigma+2C$ that $(A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow C\omega))$, consequently, if one negates $(T\omega \leftrightarrow C\omega)$, then the one has to negate $A\omega$ as well. This means that the system of mathematical knowledge as a whole is not *a-priori*; as a whole it is an *empirical* one; only some small (but nevertheless very important) aspects of the whole mathematical knowledge system are *a-priori* ones. According to the above-said it is easy to see and formally to demonstrate that, in $\Sigma+2C$, Hilbert’s ideal and program of philosophical grounding mathematics as a *self-sufficient* system *logically follow* from Kant’s presumption that any proper mathematical statements and systems of knowledge are *a-priori* ones. If Kant’s presumption was right, then, by means of $\Sigma+2C$, Hilbert’s ideal and program would be well-grounded, convincingly explained, and vindicated totally. But the presumption by Kant is wrong, hence, significance of Hilbert’s ideal and program is limited. However, notwithstanding the limitations it is quite adequate and works effectively within its own reduced but not-empty domain of applicability.

One could decide that those nontrivial conclusions about Kant’s doctrine of a-priori knowledge which are obtained in the present article by virtue of the complicated multimodal formal axiology and epistemology theory $\Sigma+2C$, could be obtained more easily by virtue of the so-called “natural logic” or “common sense”. In first approximation, it seems that the hypothetical one is absolutely right. Nevertheless, I think that the one is right *not absolutely* but *only relatively*: only in some fixed concrete relations the notorious “common sense” attitude is quite reasonable. Very often simplicity is too expensive because it is achieved at the cost of significant losing precision and rigor of discourse. Unfortunately, in the humanities confined in natural language and “natural logic” exclusively, there is no progress in debates of Kant’s a-priori-ism; demonstrations of conclusions are not convincing. The present article is not mainly about Kant as a representative of the humanities, but mainly about D. Hilbert as a formalist-minded mathematician attempting at *rigorous* philosophical grounding mathematics as a self-sufficing system and exploiting Kant’s a-priori-ism as a means of/for such attempting. In relation to Hilbert’s program an analogous sceptic-ism can be developed. There are many respectable creative mathematicians, for example, H. Poincaré [2013], who prefer to use intuition, construction, and “natural logic” exclusively; they have a critical attitude to D. Hilbert’s formalism and to B. Russell’s logicism in philosophical foundations of mathematics and physics. Nevertheless, in my opinion, Hilbert’s formalism is heuristically important: not always but sometimes it heads to ground-breaking nontrivial discoveries in some fields of scientific knowledge, for instance, in meta-mathematics and mathematical physics.

I guess that the above-presented (but not completely exhausted) trend of constructing and investigating multimodal formal axiomatic philosophy systems from Ξ , Σ , Θ , $\Sigma+C$ to $\Sigma+2C$ (and then further) is promising nontrivial discoveries in various fields of philosophical knowledge, namely, in proper philosophical formal ontology, formal epistemology, formal axiology, etc. The expected ground-breaking discoveries could have fruitful applications to philosophy of science, logic, ethics, aesthetics, jurisprudence, and even philosophical theology. Possibilities of some

psychologically unexpected fruitful applications of the multimodal formal axiomatic philosophy systems to philosophical grounding physics or biology are not excluded here as well. I guess that substantial progress of the research submitted in the present article may be accomplished by investigating a possibility of developing the formal axiomatic epistemology-and-axiology theory $\Sigma+2C$ further due to generating and selecting useful (heuristically fruitful) mutations in it. In relation to some possible application domains (for instance, to theoretical physics or theoretical biology), yet it is not quite clear whether the above-presented set of axiom-schemes of $\Sigma+2C$ is sufficient for adequate mathematical modeling nontrivial philosophical problems arising in these special domains.

At the present moment it is even not possible exactly to formulate some important aspects of the problem of completeness of $\Sigma+2C$. The *syntax* of $\Sigma+2C$ is elaborated sufficiently and represented manifestly. However, the *content* aspect of semantics of $\Sigma+2C$, namely, the relationship between the standard interpretation of $\Sigma+2C$ and yet *indefinite* (not quite restricted) application domain of $\Sigma+2C$, is to be investigated further. Probably, some *content* intuitions underlying the formal theory are not formulated manifestly as today they are too vague and not well-recognized. I feel that investigation of the *content* aspect of semantics of $\Sigma+2C$ (its relationship to its external world) is to undergo significant development and elaboration in future. This hypothetical *content* analysis of still not completely defined subject-matter of the axiomatic epistemology-and-axiology theory $\Sigma+2C$ can result in such significant changes in formal semantics and formal syntax of $\Sigma+2C$ which changes transform $\Sigma+2C$ into a qualitatively new formal theory. In particular, I guess that in future some qualitatively new nontrivial axiom-schemes are to be added to $\Sigma+2C$. In any way, the hypothetical heuristically useful mutations of $\Sigma+2C$ and promising applications of results of its mutations are future vistas.

Список литературы / References

Ершов, Ю. Л., Целищев, В. В. (2012). *Алгоритмы и вычислимость в человеческом познании*. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук.

Ershov, Yu. L., Tselishchev, V. V. (2012). *Algorithms and Computability in Human Cognition*. Novosibirsk. (In Russ.)

Ивин, А. А. (1970). *Основания логики оценок*. Москва: Издательство Московского университета.

Ivin, A. A. (1970). *Foundations of Evaluation Logic*. Moscow. (In Russ.).

Лобовиков, В. О. (2011). Логико-философское обоснование гипотезы о формально-этической противоречивости формальной арифметики, исследованной К. Гёделем. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*. № 1. С. 14-28.

Lobovikov, V. O. (2011). A Logical-Philosophical Justification of a Hypothesis of Formal-Ethical Inconsistency of the Formal Arithmetic Investigated by K. Gödel. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*. no. 1. pp. 14-28. (In Russ.).

Лобовиков, В. О. (2017). Объединение нормальной и ненормальной модальных логик в одной аксиоматической системе философской эпистемологии. *Дискурс-Р*. Т. 4. № 2. С. 163-169.

Lobovikov, V. O. (2017). Combining Normal and Non-Normal Modal Logics in One Axiomatic System of Philosophical Epistemology. *Discourse-P*. Vol. 14. no. 2. pp. 163-169. (In Russ.)

Лобовиков, В. О. (2018). Эволюционная эпистемология и ненормальная модальная логика знания. *Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология*. Т. 41. № 1. С. 5-14. DOI: 10.17223/1998863X/41/1

Lobovikov, V. O. (2018). Evolutionary Epistemology and Non-Normal Modal Logic of Knowledge. *Journal of Tomsk State University. Series: Philosophy, Sociology, Political Studies*. Vol. 41. no. 1. pp. 5-14. DOI: 10.17223/1998863X/41/1 (In Russ.).

Тарский, А. (1948). *Введение в логику и методологию дедуктивных наук*. Москва: Государственное издательство иностранной литературы.

Tarski, A. (1948). *Introduction to Logic and to the Methodology of Deductive Sciences*. Moscow. (In Russ.)

Целищев, В. В. (1978). Понятие объекта в модальной логике. Новосибирск: Наука.

Tselishchev, V. V. (1978). *The Notion of Object in Modal Logic*. Novosibirsk. (In Russ.)

Целищев, В. В. (2004а). Нормативный характер дедуктивных теорий и значение математических терминов. *Философия науки*. Т. 20. № 1. С. 71-82.

Tselishchev, V. V. (2004а). The normative character of deductive theories and the meaning of mathematical terms. *Philosophy of Science*. Vol. 20. no. 1. pp. 71-82. (In Russ.)

Целищев, В. В. (2004б). *Нормативность дедуктивного дискурса: феноменология логических констант*. Новосибирск: Нонпарель.

Tselishchev, V. V. (2004б). *Normative-ness of Deductive Discourse: Phenomenology of Logic Constants*. Novosibirsk. (In Russ.)

Целищев, В. В. (2005). Непротиворечивость и полнота как нормы дедуктивного мышления в свете теорем Гёделя о неполноте арифметики. *Философия науки*. Т. 25. № 2. С. 34-52.

Tselishchev, V. V. (2005). Consistency and completeness as the standards of deductive thinking from the standpoint of Gödel's theorems about incompleteness of arithmetic. *Philosophy of Science*. Vol. 25. no. 2. pp. 34-52. (In Russ.)

Целищев, В. В. (2013). Рационалистический оптимизм и философия Курта Гёделя. *Вопросы философии*. № 8. С. 12-23.

Tselishchev, V. V. (2013). The Rationalistic Optimism and Kurt Gödel’s Philosophy. *Voprosy Filosofii*. no. 8. pp. 12-23. (In Russ.)

Целищев, В. В. (2021). *Философский раскол: логика vs метафизика*. Москва: Канон+; РООИ «Реабилитация».

Tselishchev, V. V. (2021). *Philosophy Schism: Logic vs Metaphysics*. Moscow. (In Russ.)

Bessonov, A. V. (2022). On the Independence of Gödel’s Incompleteness Theorems. In: A. V. Hlebalin (Ed.). *Analytical Philosophy: History Trajectories and Development Vectors. Proceedings of the International Scientific Conference, Dedicated to 80th Anniversary of Scientific Research Supervisor of the Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences V. V. Tselishchev*. Novosibirsk. pp. 5-8.

Bradie, M., and Harms, W. (2020). Evolutionary Epistemology. [Online]. In: E. N. Zalta (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2020 Edition). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/epistemology-evolutionary/>. (Accessed: 4 March 2022).

Bull, R., and Segerberg, K. (1984). Basic Modal Logic. In: D. Gabbay, F. Guenther (Eds.). *Handbook of Philosophical Logic, vol. II: Extensions of Classical Logic* Dordrecht. D. Reidel Publishing Company. pp. 1-88.

Carnap, R. (1931). Overcoming Metaphysics by logical Analysis of Language. *Erkenntnis*. Vol. 2. pp. 219-241.

Carnap, R. (1935). The Rejection of Metaphysics. In: M. Weitz (Ed.), *20th-Century Philosophy: The Analytic Tradition*. New York. Free Press. pp. 206-220.

Carnap, R. (1956). *Meaning and Necessity: a study in semantics and modal logic*. Chicago and London. University of Chicago Press.

Carnap, R. (1967). *The logical structure of the world. Pseudo-problems in philosophy*. Berkeley and Los Angeles. University of California Press.

Chisholm, R. (1976). Knowledge and belief: *de dicto* and *de re*. *Philosophical Studies*. Vol. 29. pp. 1-20.

Hilbert, D. (1990). *Foundations of Geometry*. Translated by L. Unger. 2nd English ed. La Salle, IL. Open Court Publishing Co.

Hilbert, D. (1996a). Axiomatic thought. In: W. B. Ewald (Ed.) *From Kant to Hilbert: A Source Book in the Foundations of Mathematics. Vol. 2.* Oxford, New York. Oxford University Press Inc. pp. 1105-1115.

Hilbert, D. (1996b). The new grounding of mathematics: First report. In: W. B. Ewald (Ed.) *From Kant to Hilbert: A Source Book in the Foundations of Mathematics. Vol. 2.* Oxford, New York. Oxford University Press Inc. pp. 1115-1134.

Hilbert, D. (1996c). The logical foundations of mathematics. In: W. B. Ewald (Ed.) *From Kant to Hilbert: A Source Book in the Foundations of Mathematics. Vol. 2.* Oxford, New York. Oxford University Press Inc. pp. 1134-1147.

Hintikka, J. (1962). *Knowledge and Belief: An Introduction to the Logic of the Two Notions.* Ithaca, NY. Cornell University Press.

Hintikka, J. (1974). *Knowledge and the Known: Historical Perspectives in Epistemology.* Dordrecht. D. Reidel Publishing Co.

Hintikka, J., and Hintikka, M. (1989). *The Logic of Epistemology and the Epistemology of Logic: Selected Essays.* Dordrecht. Kluwer Academic Publishers.

Kant, I. (1994). The Critique of Pure Reason. Fundamental Principles of the Metaphysics of Morals. The Critique of Practical Reason. Preface and Introduction to the Metaphysical Elements of Ethics. General Introduction to the Metaphysics of Morals. The Science of Right. The Critique of Judgement. In: M. J. Adler (Ed.). *Great Books of the Western World. V. 39: Kant.* Chicago; London. Encyclopedia Britannica, Inc.

Kant, I. (1996). *Prolegomena to any future metaphysics: in focus.* London; New York. Routledge.

Kneale, W. (1962). Modality de dicto and de re. In: E. Nagel, P. Suppes, and A. Tarski (eds.). *Logic, Methodology and Philosophy of Science.* Stanford. Stanford University Press. pp. 620-631.

Kripke, S. A. (1963). Semantical Analysis of Modal Logic I. Normal Modal Propositional Calculi. *Zeitschrift für mathematische Logik und Grundlagen der Mathematik [Journal of Mathematical Logic and Foundations of Mathematics]*. Vol. 9. Issue 5-6. pp. 67-96.

Kripke, S. A. (1965). Semantical Analysis of Modal Logic II: Non-Normal Modal Propositional Calculi. In: *The Theory of Models (Proceedings of the 1963 International Symposium at Berkley)*. Amsterdam. North-Holland. pp. 206-220.

Leibniz, G. W. (1903). General Investigations concerning the Analysis of Concepts and Truths [Generales Inquisitiones de Analysi Notionum et Veritatum]. In: L. Couturat (Ed.). *Leibniz' unpublished booklets and fragments from Royal Library of Hannover [Opuscles et Fragments Inédits de Leibniz: extraits de la Bibliothèque royale de Hanovre]*. Paris. Alcan. pp. 356-399 (In French)

Leibniz, G. W. (1969). *Philosophical Papers and Letters*. Dordrecht. D. Reidel.

Leibniz, G. W. (1981). *New essays on human understanding*. Cambridge [Eng.]; New York. Cambridge University Press.

Lobovikov, V. O. (2009). K. Gödel's incompleteness theorems and a hitherto unknown non-trivial formal equivalence of “true” and “provable”. In: *Collection of Abstracts of International Conference “MAL'TSEV MEETING” dedicated to the 100th anniversary of Anatolii Ivanovich Mal'tsev (Sobolev Institute of Mathematics, Novosibirsk State University, August 24-28, 2009)*. Novosibirsk. p. 220.

Lobovikov, V. O. (2011). A proof of a formal-axiological inconsistency of the formal arithmetic investigated by K. Gödel (the proof essentially using own axioms of formal axiology). In: V. I. Markin (Ed.). *Proceedings of 7th Smirnov Readings in Logic, Moscow, June 22-24, 2011*. Moscow. pp. 92-93.

Lobovikov, V. O. (2018). Proofs of Logic Consistency of a Formal Axiomatic Epistemology Theory Ξ , and Demonstrations of Improvability of the Formulae $(Kq \rightarrow q)$ and $(\Box q \rightarrow q)$ in It. *Journal of Applied Mathematics and Computation*. Vol. 2. no. 10. pp. 483-495. DOI: 10.26855/jamc.2018.10.004

Lobovikov, V. O. (2020). Knowledge Logic and Algebra of Formal Axiology: A Formal Axiomatic Epistemology Theory Sigma Used for Precise Defining the Exotic Condition under which Hume-and-Moore Doctrine of Logically Unbridgeable Gap between Statements of Being and Statements of Value is Falsified. *Antinomies*. Vol. 20 no. 4. pp. 7-23 DOI: 10.24411/2686-7206-2020-10401

Lobovikov, V. O. (2021). A Logically Formalized Axiomatic Epistemology System $\Sigma + C$ and Philosophical Grounding Mathematics as a Self-Sufficing System. *Mathematics*. Vol. 9. no. 16. p. 1859. DOI: 10.3390/math9161859

Poincaré, H. (2013). *The Foundations of Science: Science and Hypothesis, The Value of Science, Science and Method*. New York. The Science Press.

Prior, A. N. (1952). Modality de Dicto and Modality de Re. *Theoria*. Vol. 18. no. 3. pp. 174-180.

Reid, C. (1996). *Hilbert*. New York. Springer.

Salmon, N. (1997). Is *de re* belief reducible to *de dicto*? In: A. Kazmi (ed.). *Meaning and Reference. The Canadian Journal of Philosophy*. Supplementary Volume 23. pp. 85-110.

Sosa, E. (1970). Propositional attitudes *de dicto* and *de re*. *Journal of Philosophy*. Vol. 67. pp. 883-896.

Zach, R. (2019). Hilbert’s Program. [Online]. In: E. N. Zalta (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2020 Edition). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/hilbert-program/>. (Accessed: 13 March 2022).

Сведения об авторе / Information about the author

Лобовиков Владимир Олегович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16, e-mail: vlobovikov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8760-0452>

Статья поступила в редакцию: 20.04.2023

После доработки: 10.10.2023

Принята к публикации: 20.11.2023

Lobovikov Vladimir – Doctor of Philosophical Sciences, Principal Scientific Researcher of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, 16 Sofya Kovalevskaya str., e-mail: vlobovikov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8760-0452>

The paper was submitted: 20.04.2023

Received after reworking: 10.10.2023

Accepted for publication: 20.11.2023

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.4.06

РОССИЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: КЕЙС РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Е. М. Арутюнова

Институт социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва)
981504@mail.ru

Аннотация. Цель статьи состоит в анализе и обобщении результатов изучения уровня и содержания российской гражданской идентичности в восприятии жителей Республики Саха (Якутия) в 2022 г. На материале массового опроса по репрезентативной выборке, а также данных экспертных интервью и фокус-групп, проведенных автором в регионе, рассмотрены уровень российской идентичности по рекомендованной ФАДН России методике, специфика идентичности в демографических, социальных, этнических подвыборках, содержание российской идентичности. Выявлен понижающий тренд уровня российской идентичности в период 2020–2022 гг., который в 2022 г. в большей степени заметен на подвыборке русских якутян. Показано, что ключевые идентификаторы российской идентичности схожи с общероссийским уровнем, наиболее значимый объединяющий фактор – общее государство, более значимое для саха. Обосновано, что чем выше оценки собственного благополучия, тем уровень российской идентичности выше.

Ключевые слова: российская гражданская идентичность, Республика Саха (Якутия), государство, социологическое исследование.

Для цитирования: Арутюнова, Е. М. (2023). Российская гражданская идентичность в региональном контексте: кейс Республики Саха (Якутия). *Respublica Literaria*. Т. 4. № 4. С. 114-125. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.114-125

RUSSIAN CIVIC IDENTITY IN A REGIONAL CONTEXT: CASE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

E. M. Arutyunova

Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow)
981504@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze and summarize the results of the study of the level and content of Russian civic identity in the perception of residents of the Republic of Sakha (Yakutia) in 2022. Based on the material of a mass survey on a representative sample, as well as materials of expert interviews and focus groups conducted by the author in the region, the level of Russian identity is considered according to the recommended by the Federal Agency for Ethnic Affairs the methodology, as well as the specifics of identity in demographic, social, ethnic subsamples and the content of Russian identity. The downward trend of the level of Russian identity in the period 2020-2022 has been revealed, which in 2022 is more noticeable in the subsample of ethnic Russian residents of the republic. It is shown that the key identifiers of Russian identity are similar to the all-Russian level, the most significant unifying factor is the common state, which is more significant for Sakha people. It is proved that the higher the assessment of one's own well-being, the higher the level of Russian identity.

Keywords: Russian civil identity, the Republic of Sakha (Yakutia), state, sociological research.

For citation: Arutyunova, E. M. (2023). Russian Civic Identity in a Regional Context: Case of the Republic of Sakha (Yakutia). *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 4. pp. 114-125. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.114-125

Актуальность. В эпоху глобальности и глокальности в экономике и культуре одним из оснований интеграции этнически и культурно многообразных сообществ становится страновая идентичность, разделяемая всеми или большинством граждан страны и формируемая, в том числе, государством и элитами. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации включает понятие «общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)» и определяет ее как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества», указывая в качестве первого своего приоритета «укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации (русской нации)» [Указ Президента..., 2012].

Исследования последних лет, в том числе, результаты проекта «Содержательные основы общероссийской гражданской идентичности: региональный и этнокультурный контексты», показывают, что российская идентичность формируется и разделяется россиянами на массовом уровне [см., напр.: Дробужева, 2020]. В 2011 г. впервые за время существования новой России зафиксировано, что российская идентичность на уровне страны стала более значимой и интенсивной, чем этническая и остальные групповые идентичности [Горшков, Крумм и др., 2011, с. 214]. По утверждению В. А. Тишкова, «проживающий в нашей стране народ может с полным основанием считаться многоэтнической гражданской нацией» [Тишков, 2013, с. 4].

В изучении российской идентичности и ее роли в интеграции и консолидации российского сообщества важно замерять не только динамику ее уровня, но и то, что включают в ее содержание для себя люди. Как показал уже упомянутый проект «Содержательные основы общероссийской гражданской идентичности: региональный и этнокультурный контексты», наполнение российской идентичности неоднозначно, гражданская составляющая разделяется пока немногими, в большей степени оно связано с представлениями о государстве, стране и территории, а также с общей историей и общим государственным языком – русским [Дробужева, Арутюнова и др., 2021].

В нашей стране, учитывая региональное и этническое многообразие, исторический, этнополитический контексты, динамику миграционного притока, постоянный мониторинг уровня и содержания российской идентичности как основания интеграции общества необходим. Обратимся к одной из российских республик – Саха (Якутия), где Центром исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН в сотрудничестве с коллегами из республики на протяжении многих лет проводятся социологические исследования состояния межнациональных отношений и групповых идентичностей.

В 2022 г. наиболее существенным контекстом для социологических исследований самых разных проблем, в том числе и этносоциальной ситуации, можно назвать специальную военную операцию, беспрецедентное экономическое и политическое давление на Российскую Федерацию и влияние изменившейся ситуации на разные стороны жизни россиян. Поэтому **задачей** настоящей статьи стало проанализировать уровень и когнитивное содержание российской гражданской идентичности в представлениях республиканского сообщества, в том числе в сравнении с 2021 г. – постковидным годом, когда существенным было другое влияние на социальную обстановку – влияние пандемии и пандемических ограничений.

Эмпирика. В статье для анализа использованы материалы, полученные в ходе совместного проекта Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН и ГБУ РС(Я) Национальное агентство «Информационный центр при Главе Республики Саха (Якутия)». Исследование проведено в мае-июне 2022 г., в ходе массового опроса (1500 респондентов) в 13 муниципальных районах Республики Саха (Якутия), выборка многоступенчатая, типологическая, квотная. Опрос проводился методом личного формализованного интервью по месту жительства респондентов. На втором этапе были использованы качественные социологические методы сбора информации для углубления понимания причин результатов опроса, мотиваций и ценностных ориентаций респондентов. На данном этапе исследование проводилось в городах Якутск и Мирный. Всего автором статьи в рамках исследования были проведены 20 экспертных интервью и опрошены две фокус-группы в Якутске. Для сравнения мы используем данные аналогичных исследований предыдущих лет в республике, преимущественно 2021 г., когда важным контекстом была пандемия COVID-19. Для анализа используется категоризация как по возрасту, образованию, типу населенного пункта, так и по национальности. Замеряя уровень гражданской идентичности якутян, мы используем методику, рекомендованную ФАДН, и рассматриваем гражданскую идентичность в ряду других социокультурных идентичностей. Исследования прежних лет показывают, что российская гражданская идентичность не самая распространенная, она закономерно уступает поколенческой, профессиональной и социально-статусной идентичностям, а также, чаще всего, и этнической идентичности.

Исследование проходило в мае-июне 2022 г., когда экономические эффекты в виде роста цен, адаптации рынка к санкциям уже были ощутимы, но первые волнения по поводу экономической стабильности уже прошли, экономика очевидно устояла, впереди было лето с первым после пандемии массовым празднованием Ысыаха (якутского традиционного праздника лета, привлекающего значительную долю населения), что стало позитивными ситуативными факторами, частично уравновешивающими негативные. В то же время, исследование прошло до проведения частичной мобилизации (сентябрь-октябрь 2022 г.) и фиксирует ситуацию на начало лета, когда новая реальность казалась в большей степени далекой, чем это стало очевидным в 2023 г.

Уровень российской идентичности и факторы, его обуславливающие. Гражданская идентичность якутян в 2022 г. исследованием зафиксирована на уровне 66 %, из них 25 % часто ощущают общность с согражданами (актуализированная российская идентичность) и 41 % – иногда ощущают такую общность (рис. 1). В сравнении с данными 2021 г. есть

уменьшение доли якутян, которые чувствуют общность с согражданами (было 71 %) при сохранении той же степени актуализации. Соответственно несколько выросла с (20 до 26 %) доля не испытывающих чувства общности с россиянами. Отметим, что в сравнении с 2020 в 2021 г. уже наблюдалось снижение уровня гражданской идентичности, которое могло быть результатом накопленной усталости от пандемийных ограничений и общих трудностей.

Рис. 1. Идентичности якутян, иерархия по сумме ответов «часто» и «иногда», 2022, %

Уровень гражданской идентичности выше среди людей с высшим образованием (75 %, из них ответ «часто» дают 30 %), чем среди людей со средним специальным образованием (62 %, из них «часто» 21 %). Среди людей с общим средним образованием (плюс с неполным средним) – 62 %.

Возрастных различий не наблюдается, при этом эксперты в интервью отмечают, что в целом среди молодежи восприятие российскости повышается, хотя основания для этого у молодой возрастной когорты иные, чем у средневозрастных якутян и якутян старшего возраста. Для старших значимы символические аспекты, для молодежи, особенно образованной и ориентированной не только на республику, и которую многие называют «уже другими людьми, более широко мыслящими», имеют значение прикладные факторы – отсутствие ограничений, возможность самореализации в других регионах и культурных пространствах страны:

«Я заметила в тиктоке часто молодежь, они себя там идентифицируют со страной. У нас проблема (обычно) снять квартиру в Москве или Питере, до сих пор еще пишут «славянская национальность». А сейчас просто паспорт покажи, сейчас лояльнее стали,

и они называют себя «мы россияне», такой момент. Это у молодежи, которые студенческие, еще после ковида многие уехали в разные города России, и они себя россиянами ощущают» (жен., Якутск).

О чувстве общности с согражданами чаще говорят респонденты, довольные своим материальным положением и собственной жизнью. Так, доля якутян с актуализированной российской идентичностью (ответ «часто ощущаю общность со всеми россиянами») среди вполне и скорее довольных своим материальным положением 31 % (суммарный уровень российской идентичности в этой категории – 72 %). Среди недовольных своим материальным положением таковых 16 % (суммарно «часто» и «иногда» – 56 %). Такая же тенденция наблюдается, если рассматривать удовлетворенность своей жизнью вообще (см. табл. 1).

Таблица 1

**Уровень российской идентичности
в зависимости от удовлетворенности материальным положением и жизнью, 2022 г., %**

Насколько часто, иногда или никогда вы ощущаете близость, общность со всеми гражданами России?	Насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены своим материальным положением?	
	Вполне/скорее удовлетворены	Вполне/скорее не удовлетворены
Часто	31	16
Иногда	41	40
Практически никогда	22	34
З/о	6	10
Насколько часто, иногда или никогда вы ощущаете близость, общность со всеми гражданами России?	Насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены своей жизнью в целом?	
	Вполне/скорее удовлетворены	Вполне/скорее не удовлетворены
Часто	27	16
Иногда	42	39
Практически никогда	25	34
З/о	7	11

Уровень гражданской идентичности связан не только с оценками собственной жизни, но и с оценками жизни в республике – среди настроенных пессимистично и критично уровень российской идентичности ниже. Так, среди тех, кто считает, что ситуация в РС (Я) за последний год стала меняться к лучшему, уровень российской идентичности выше (74 %), чем среди тех, кто считает, что ситуация в республике не изменилась (65 %), и тех, кто ответил, что ситуация только ухудшалась (54 %). Среди тех, кто полагает, что дела в РС (Я) идут в правильном направлении, уровень российской идентичности 71 %, а среди тех, кто считает, что республика идет по неверному пути – 61 %.

Показатель российской идентичности выше у русских якутян, чем у саха, что видно и по сумме ответов «часто» и «иногда» (74 % у русских якутян, 61 % у саха), и по выраженности (вариант ответа «часто» дают 33 % русских якутян и 20 % саха). Однако отметим, что снижение уровня российской идентичности в сравнении с 2021 г. в большей степени наблюдается на подвыборке русских якутян (в 2022 – 74 %, в 2021 было 81 %).

Среди саха, напротив, заметен небольшой рост актуализации российской идентичности (ответ «часто») – с 15 до 20 % – и суммарный уровень практически без изменений (в 2021 было 63 %, в 2022 стало 61 %). Такой рост актуализации российской идентичности среди саха произошел за счет сельских якутов – доля ответов «часто ощущаю близость со всеми гражданами России» среди них выросла с 16 % в прошлом году до 25 % в текущем году, соответственно есть незначительный рост общего уровня гражданской идентичности среди сельских саха – 62 % в 2022 г. (в 2021 было 59 %). Предположим, что такой рост актуализации российской идентичности в этой подвыборке связан с эффектом СВО и ростом ощущения включенности в страновой контекст.

Наиболее высоко актуализирована российская идентичность у русских в городах (кроме Якутска) – 44 % отвечают, что они часто ощущают общность с согражданами, еще 38 % – иногда (суммарно 82 %), – эти показатели не изменились в сравнении с данными прошлого года.

Эмоциональный аспект российской идентичности при общем снижении ее уровня значим и подчеркивается такими результатами: 75 % якутян отвечают утвердительно на суждение «Мне приятно быть частью сообщества россиян», 88 % согласны с тем, что «россиянам есть, чем гордиться» (без различий по национальности).

Иерархия идентификаторов российской идентичности для якутян остается стабильной и схожей с общероссийской. Самый важный объединяющий с россиянами фактор – общее государство, его выбирают 69 % опрошенных (табл. 2).

Фактор общего государства максимально значим в контексте российской идентичности для саха – его выбирают три четверти (74 %) респондентов-якутов, что неудивительно; остальные факторы могут трактоваться якутами двояко, как имеющие отношение и к страновой, и к этнической идентичности, государство же – институт, имеющий влияние и очевидный на всех уровнях:

«В “национальных окраинах” сейчас как-то более себя отождествляют с государством по сравнению с жителями средней полосы России (о них сужу больше по публикациям), в частности, у нас в республике патриотические настроения больше выражены, не знаю с чем это связано» (муж., Якутск),

«Мне кажется россияне, якутяне, мой круг общения, они все-таки очень сильно привержены ценностям государствоцентризма, это нельзя не заметить. Например, среди моего окружения люди, если разговор заходит о каких-то внешнеполитических событиях, всегда говорят “наша, мы”. ... Да, они четко ассоциируют себя с российским государством, и я не скажу, что это что-то показное. Даже в узком кругу, доверительном, они все равно говорят «мы, наши» (муж., Якутск).

«Об этом говорят не много. Но те, кто говорят, они выражают все-таки свой какой-то патриотизм, выражают свое причастие к большой стране. То есть они не хотят прямо быть совсем удаленными, чувствовать себя на отдаленной территории.

Быть приобщенными к такой вот жизни российской. Это чаще говорят, которые, кстати, очень часто выезжают, а это значит люди, у которых выше уровень жизни. Потому что от нас уехать, вы сами знаете... Роскошь выехать, если они не имеют компенсации на работе, то это очень большая роскошь» (жен., Якутск).

«Конечно, сильное государство, оно должно быть сильным во всем, начиная от олимпиады, заканчивая войной» (муж., Якутск).

«Я такое не слышала, чтобы кто-то хотел уехать (в другие страны). Наверно, потому что это наша культурная идентичность нас здесь очень сильно держит. И мне тут не столько вот именно якутская, сколько российская меня удерживает. Я бы не, у меня даже мысли такой нет, что где-то может быть и лучше. Даже, тем более, в такой момент, мне кажется, надо сделать все, чтобы сохранить нашу государственность, нашу страну цельной, сильной» (жен., Якутск).

Таблица 2

Идентификаторы российской идентичности, 2022 г., %

Что из перечисленного больше всего объединяет Вас со всеми россиянами, гражданами Российской Федерации?	Все жители РС(Я)	Саха	Русские	Другие
Общее государство	69	74	64	67
Родная земля, территория, природа	41	41	43	33
Русский язык	37	38	37	30
Историческое прошлое	36	36	36	36
Ответственность за судьбу страны	32	33	31	23
Культура	22	24	21	14
Общие символы (флаг, герб)	31	36	24	25
Обычаи, праздники	23	27	16	19
Ничего не объединяет	3	3	2	3

Хотя все остальные идентификаторы, среди которых территория, русский язык, история и др., существенно менее значимы, их тоже выбирают относительно немалые доли респондентов, а ответ «Ничего не объединяет» дает статистически незначимая доля якутян (3 %).

«Я вижу, что тут все равно она, региональная (идентичность), будет превалировать. Все-таки мы национальная республика, у нас есть своя культура, своя история, но тут же надо не забывать, что мы живем в общем государстве. И нас, тоже вот, с Россией связывает 300 лет. Это не только, как бы, просто связывает, а многих и по крови связывает, и культура, и даже тот же русский язык. Все перемешалось. Мы можем ходить и в церковь и тут же обращаться к шаману. Как говорится, тут же проводить алгыс и ехать в церковь. Тут и якутские... даже в охоте, есть русские способы охоты, есть якутские способы охоты. Это вот на ямщиках тоже очень хорошо видно» (муж., Якутск).

«Быть россиянином – это, я считаю, на первом месте здесь культурологический вопрос, да, вопрос культуры, даже не столько территории, сколько культуры. ... Это не то, что у нас вот как бы общие границы, хотя это тоже, конечно же, куда без этого. Но тут не в том дело, что мы официально находимся на территории этого государства, а потому что у нас какой-то общий культурный код есть» (жен., Якутск).

«Там (информантка рассказывает о нарисованной ею картине) русская девушка посередине, но это потому, что русский народ, он объединяет все остальные, мне кажется, все-таки функционально, да. Это же именно мы присоединились к России, именно русские казаки обошли всю эту территорию, открыли эти земли. И все мы говорим именно на русском языке, то есть русский язык – это наш общий язык для общения по всей России, не какой-то другой» (жен., Якутск).

Важно отметить – в сравнении с 2021 г. опрос показывает, что практически все идентификаторы респонденты стали выбирать реже. Это сужение содержательной составляющей российской идентичности, требующее к себе внимания. Наиболее заметно это проседание на подвыборке русских якутян: фактически неизменным для них по значимости остался только один фактор, объединяющий с россиянами в целом, – русский язык, все остальные варианты русские якутяне теперь выбирают реже, что в целом согласуется со снижением показателя российской идентичности для русских якутян, о котором мы говорили выше. Значимость языка ожидаемо остается, поскольку в наших исследованиях выявлено, что российская идентичность для русских в целом в стране во многом имеет культурное измерение, именно поэтому у русских уровень гражданской идентичности, как правило, высок, она в какой-то мере неотделима для них от этнической русской идентичности.

Для саха значимость общего со всеми россиянами государства, общей истории, территории так же значимы, как и в 2021 г., а значимость общих российских символов (флага, герба) даже несколько увеличилась (с 31 % в 2021 до 36 % в 2022 г.), что, вероятнее всего, связано с эффектом СВО. Однако само по себе общее сужение содержательной составляющей в представлениях якутян может свидетельствовать о неустойчивости уровня российской идентичности и вероятности дальнейшего его снижения при неблагоприятных обстоятельствах.

Для повышения чувства сопричастности с остальными россиянами среди якутян (в первую очередь саха) существенное значение имело бы расширение горизонтальных связей на личностном и групповом уровнях. Анализируя экспертный дискурс и опыт исследований в других регионах, отметим следующие эффективные инструменты для этой цели (оставляем в стороне возможности их реализации на региональном уровне как не относящиеся к нашей компетенции): повышение транспортной доступности других территорий страны, интенсификация связей в разных сферах жизни с другими регионами, повышение уровня информированности о жизни в других регионах, об общей истории страны с расширением набора фокусов (не только о Великой Отечественной войне), о культурном взаимопроникновении как норме человеческого сосуществования и постоянном процессе в нашей стране, оказывающем позитивное влияние. Приведем высказывания, ярко демонстрирующие эти доводы:

«Когда я попала в Самару, было очень сильное впечатление, что, наконец, я попала в Россию, наконец-то Русь, и это было очень интересно. Волга, еда, люди, все совсем другое, это не Москва. **Там вам было комфортно? Да**» (жен., Якутск).

«Мы (якутяне) ездим только в Москву и Питер, и переезжаем в Москву, Питер и Краснодарский край и Калининград, даже на Дальний Восток мы не едем, если отдых, то за границей где-то, как-то эту серединку России пропускают. Может быть, какие-то программы... потому что у меня учителя возят с образовательными турами – Питер, Москва, Ржев, Подмосковье, где наши сражались. Дети же, даже если были в Москве, родители их мало водят по культурным местам. Получается, что дети первый раз видят какие-то вещи, обсуждают музеи. Какие-то мероприятия, чтобы были включены разных в какие-то другие регионы, это было бы хорошо, ведь мероприятий самих по себе общероссийских очень мало, тех, которые проходят на площадках регионов, не в Москве» (жен., директор школы, Якутск).

«Для меня вот это: русский язык, русская литература, история наша – очень много значат. И конечно же, наша история, конкретно нашего края, она очень вписана, и вся пронизана влиянием русской культуры. И настолько она пронизана, что даже, мне кажется, народ саха иногда сам не понимает, ну, представители – конечно, есть специалисты, которые знают все эти влияния – но, если взять простого человека, мне кажется, что многие вещи, которые были заимствованы из русской культуры, воспринимаются сейчас как свои, коренные. Скажем, если спросить, что такое якутская кухня. Конечно же, есть блюда, которые чисто такие тюркские, да, кровяная колбаса там и прочее. Но все равно туда добавляют олады, туда добавляют пирожки. Но, извините, это все пришло с русскими к нам, да. Все эти мучные продукты, которые, очень много их в якутской кухне, лепешки всякие и прочее, все равно это влияние русской культуры. Потом есть такое платье халадай. Видели, наверно, да. Но я была как-то на текстильной ярмарке в Челябинске, и мне было очень интересно увидеть, что там несколько фирм, которые приехали из, я уже не помню, из Воронежа, вот из таких городов русских, они продавали платья, вот прямо по канонам именно, они сказали, сшитые, вот русские такие национальные. ... Они и на повседневу, и на вот такие мероприятия подходят. И я посмотрела эти платья, они один в один как халадай. Просто я поняла, что халадай – это вот это платье как раз. Но оно воспринимается у нас именно как свое» (жен., Якутск).

Изменения гражданской идентичности в связи с СВО могут быть разнонаправленными: часть местного сообщества – патриотически настроенные люди, а также люди среднего и старшего возрастов – становятся более вовлеченными, ощущают подъем патриотических чувств и могут действовать в соответствии с ними, что отмечают и эксперты, и наши наблюдения, и мониторинг новостей и социальных сетей после полевой стадии исследования. Напротив, у части молодежи, особенно университетской, образованной, отношение к стране и ощущение российской идентичности переживают турбулентные времена, например:

«Мы часть России и всегда считали себя частью нашей страны, гражданами, поэтому... ну, конечно, патриотическое чувство, такой подъем есть, динамика положительная, с частью патриотического чувства и поддержки руководства страны, поддержки принимаемых решений. Последнее время весной были трагические случаи,

когда привозили грузы 200 и так далее, когда такая была что-то поднималось-поднималось, а потом ... ну какая война без жертв, в любом случае, это надо уже ... любой человек понимает» (муж., Якутск).

«С этого момента (начала СВО) пошло у ряда молодежи само собой, там, крушение ориентиров, упадок уровня жизни у некоторых» (муж., Якутск).

Важными здесь могут стать такие инструменты поддержания и развития российской идентичности в новых условиях, как повышение информированности о преемственности участия саха и якутян в целом в военной истории страны, а также освещение личных историй участников СВО, повышение внимания к их нуждам сейчас и в будущем, что будет способствовать росту доверия власти и упрочнению ощущения большей безопасности и уверенности у жителей, что важно для поддержания гражданской идентичности:

«Мы, например, говорим, что у нас и в Крымскую войну был якутский полк, который, вот, воевал в Крыму. Очень много у нас, например, сейчас вот полный кавалер Ордена Славы Петров Дмитрий Ананьевич, он был полным кавалером, почти что Герой Советского Союза. Ему 100 лет в прошлом году исполнилось бы. И его внук сейчас находится после ранения на лечении. Он получил Орден Мужества. Это показали, я информацию нашел. Айсен Сергеевич ее озвучил. И ... ну вот такие мы должны показывать, что преемственность есть. Потом, у нас очень много героев, да, они похоронены на территории Украины. А вот этот Петров Дмитрий Ананьевич, он гвардеец-танкист, он освобождал Волноваху. И там же вот его внук родной, в тех же местах воевал. Ну как тут сказать, что это какая-то политика. Это было и тогда, и сейчас. Это наша Родина, мы должны защищать» (муж., Якутск).

Заключение. Наши исследования показывают некоторое снижение уровня российской гражданской идентичности якутян в 2022 г. (66 %, из них 25 % – с актуализированной российской идентичностью). Учитывая данные 2020 и 2021 гг. – 84 и 71% соответственно, отметим этот тренд, связывая его с влиянием усталости от пандемии и затем с ростом неопределенности и тревожности в связи с СВО и внешним давлением на Россию.

Настоящим исследованием подтверждается, что благополучная жизнь и высокий уровень удовлетворенности своей жизнью, и в особенности материальной ее стороной, положительно коррелируют с уровнем российской идентичности. Так, уровень гражданской идентичности в республике выше среди людей с высшим образованием, среди людей, довольных своим материальным положением и собственной жизнью, а также среди оценивающих изменения в РС(Я) за последний год как благоприятные, и среди тех, кто считает, что республика движется в правильном направлении.

Показатель российской идентичности в целом выше у русских якутян, чем у саха, однако снижение уровня российской идентичности в 2022 г. в большей степени наблюдается именно на подвыборке русских якутян. Наиболее высоко актуализирована российская идентичность у русских в городах (кроме Якутска), т. е., по сути, в городах промышленного освоения, где локальное сообщество формировалось специфически.

Иерархия идентификаторов российской идентичности для якутян остается стабильной и схожей с общероссийской. Самый важный объединяющий с россиянами фактор – общее государство, его выбирают 69 % опрошенных, среди саха чаще, чем среди русских. Экспертные оценки подтверждают значимость фактора государства для гражданской идентичности саха, особенно в условиях СВО.

Однако существенно, что практически все идентификаторы респонденты стали выбирать реже, что наиболее заметно на подвыборке русских якутян. Для саха значимость общего со всеми россиянами государства, общей истории, территории так же значимы, как и в прошлом году, а значимость общих российских символов (флага, герба) даже несколько увеличилась, что, вероятнее всего, связано с эффектом СВО. Однако само по себе общее сужение содержательной составляющей в представлениях якутян может свидетельствовать о неустойчивости уровня российской идентичности и вероятности дальнейшего его снижения при неблагоприятных обстоятельствах.

Список литературы / References

Горшков, М. К., Крумм, Р., Петухов, В. В., Бызов, Л.Г. (2011). *Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров*. Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.

Gorshkov, M. K., Krumm, R., Petukhov, V. V., Byzov, L. G. (2011). *Twenty years of reforms through the eyes of Russians: experience of long-term sociological measurements*. Gorshkov, M. K., Krumm, R., Petukhov, V. V. (eds.). Moscow. (In Russ.)

Дробижева, Л. М. (2020). Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения. *Социологические исследования*. № 8. С. 37-50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9.

Drobizheva, L. M. (2020). All-Russian National Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. no. 8. pp. 37-50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9. (In Russ.)

Дробижева, Л. М., Арутюнова, Е. М., Евсева, М. А., Кузнецов, И. М., Рыжова, С. В., Фадеев, П. В., Щеголькова, Е. Ю., Эндрюшко, А. А. (2021). *Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты*. Отв. ред. Е. М. Арутюнова, С. В. Рыжова. М. ФНИСЦ РАН. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021

Drobizheva, L. M., Arutyunova, E. M., Evseeva, M. A., Kuznetsov, I. M., Ryzhova, S. V., Fadeev, P. V., Shchegolkova, E. Yu., Andreushko, A. A. (2021). *The substantial foundations of Russian identity. Regional and ethnocultural context*. Arutyunova, E. M., Ryzhova, S. V. (eds.). Moscow. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021. (In Russ.)

Тишков, В. А. (2013). *Российский народ: история и смысл национального самосознания*. М. Наука.

Tishkov, V. A. (2013). *The Russian People: The History and Meaning of National Self-consciousness*. Moscow. (In Russ.)

Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»

[Электронный ресурс]. *Consultant.ru*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/85261c0a55e9848f4135735f3936c0c480b5a481/ (дата обращения: 14.10.2023)

Decree of the President of the Russian Federation dated 19.12.2012 No 1666 (ed. dated 06.12.2018) "On the Strategy of the State national Policy of the Russian Federation for the period up to 2025". [Online]. *Consultant.ru*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/85261c0a55e9848f4135735f3936c0c480b5a481/ (Accessed: 14 October 2023). (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Арутюнова Екатерина Михайловна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, e-mail: 981504@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9002-1491>

Статья поступила в редакцию: 15.10.2023

После доработки: 20.11.2023

Принята к публикации: 30.11.2023

Arutyunova Ekaterina – Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Krzhizhanovskogo St., 24/35, 5, e-mail: 981504@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9002-1491>

The paper was submitted: 15.10.2023

Received after reworking: 20.11.2023

Accepted for publication: 30.11.2023

УДК 1/ 316.485.26/ 327.3

УМИРОТВОРЕНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И СПОСОБЫ ИХ ИНТЕГРАЦИИ В ЛЕГИТИМНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Н. Е. Лукьянов, А. А. Изгарская

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
nikolaylukyanov70@gmail.com; aizgarskaya@gmail.com

Аннотация. Предметом исследования являются случаи интеграции террористических организаций в легитимное политическое пространство. На основе анализа уровней влияния внутренних и внешних (по отношению к государству) связей террористических организаций предложена их типология. Указаны типы организаций, чьи характеристики способствуют интеграции. Проведен сравнительный анализ онтологических оснований концепта «террористическая организация» в инструментальном (Т. С. Шеллинг, А. Шмид) и организационном (П. Уилкинсон, М. Креншоу) подходах. Обобщение ряда идей концепций организационного подхода позволило построить объяснительную модель сохранения и интеграции террористических группировок. Описаны четыре способа интеграции, различающиеся по уровню принятия политической системой требований группировок и их роли в политическом процессе.

Ключевые слова: террористические организации, типы террористических организаций, предпосылки и катализаторы терроризма, способы интеграции, Первая чеченская кампания, Вторая чеченская кампания.

Для цитирования: Лукьянов, Н. Е., Изгарская, А. А. (2023). Умиротворение террористических организаций и способы их интеграции в легитимный политический процесс. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 4. С. 126-139. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.126-139

APPEASEMENT OF TERRORIST ORGANIZATIONS AND WAYS FOR THEIR INTEGRATION INTO THE LEGITIMATE POLITICAL PROCESS

N. E. Lukyanov, A. A. Izgarskaya

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
nikolaylukyanov70@gmail.com; aizgarskaya@gmail.com

Abstract. The subject of the study is cases of the integration process of terrorist organizations into the legitimate political space. Analysis of the degree of influence of internal and external relations (in relation to the state) on terrorist activities made it possible to propose a typology of terrorist organizations. The types of organizations whose characteristics contribute to integration are indicated. A comparative analysis of the ontological foundations of the concept of “terrorist organization” was carried out in the instrumental (T. C. Schelling, A. Schmid) and organizational (P. Wilkinson, M. Crenshaw) approaches. Generalization of a number of ideas from the concepts of the organizational approach made it possible to construct an explanatory model of the preservation and integration of terrorist groups. Four methods of integration are described, which differ in the level of acceptance by the political system of the demands of groupings and their role in the political process.

Keywords: terrorist organizations, types of terrorist organizations, prerequisites and catalysts for terrorism, methods of integration, First Chechen war, Second Chechen war.

For citation: Lukyanov, N. E., Izgarskaya, A. A. (2023). Appeasement of Terrorist Organizations and Ways for their Integration into the Legitimate Political Process. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 4. pp.126-139. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.126-139

В истории есть случаи умиротворения и интеграции террористических организаций в легитимное политическое пространство. Однако очевидно и то, что далеко не все террористические группировки способны сложить оружие и превратиться в политические партии или общественные организации. Попытаемся выяснить, у каких террористических организаций больше шансов быть интегрированными в общество? Каковы условия и способы не силового умиротворения терроризма?

Исследование терроризма сопряжено с рядом трудностей оценочного характера. Например, партизаны и национально-освободительные движения, которые в политической риторике часто представлены как террористические, могут быть исключены из понятия «терроризм» [см.: Мальцев, Мальцева, Ломако, 2021]. Помимо этого, в определении терроризма часто присутствует идеологическая составляющая, которая при смене политического режима меняется, трансформируя «революционеров» в «террористов» и наоборот. Предпримем попытку построения типологии, которая, с одной стороны, будет исключать идеологическую нагруженность термина «терроризм», а с другой стороны, поможет обозначить самые общие основания способов интеграции террористических группировок в рамки легитимного политического процесса. Под терроризмом будем понимать «нелегитимное политическое противостояние в борьбе за власть с применением средств насилия в целях устрашения или физического устранения противника» [Изгарская, Лукьянов, 2021. с. 8].

Несложно заметить, что деятельность террористических организаций различается по акценту на внешние и внутренние по отношению к государству и подчиненному ему населению связи¹. Будем использовать эти различия в качестве переменных для создания типологии террористических организаций. Комбинация двух уровней – низкий, высокий – этих переменных дают четыре ясно различимые области, позволяющие описать в общих чертах типы террористических организаций, а также указать самые грубые границы возможностей их интеграции в легитимный политический процесс (рис. 1).

Тип 1. Высокий уровень влияния внутренних и низкий уровень влияния внешних связей. Деятельность террористических группировок может быть обусловлена в большей мере внутренними связями. Активность многих террористических организаций националистов и сепаратистов детерминирована этими связями. Их идентичность, их цели отражают связь с идентичностями и интересами определенных социальных групп, проживающих на территории, подконтрольной некоторому государству. Ресурсы такие организации получают главным образом из внутренних источников, как правило, это помощь населения, которое поддерживает террористов финансово, материально и пополняет их ряды. Террористическая деятельность направлена на представителей иной идентичности, которым приписывается образ врага, включая субъектов власти, обеспечивающих противнику системные превосходства (как реально существующие, так и воображаемые, опирающиеся на стереотипы, проявление ксенофобии и др.). Такие организации имеют устойчивый

¹ О взаимосвязях внешних и внутренних факторов в объяснительных моделях см.: [Изгарская, 2008]

характер и при определенных условиях могут быть интегрированы. Примерами интеграции организаций данного типа могут быть: баскская террористическая организация ЭТА; «Ирландская республиканская армия» (ИРА); «Корсиканский фронт национального освобождения».

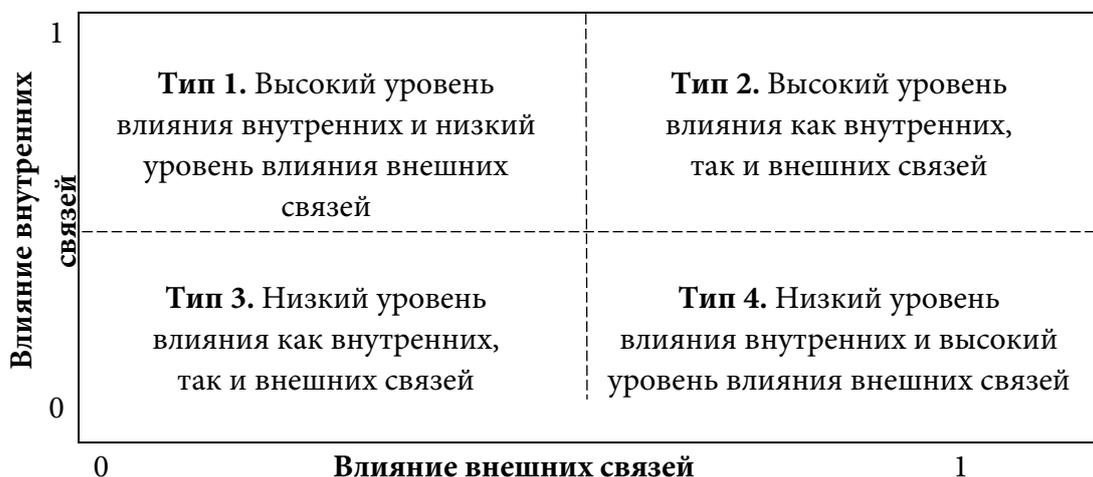

Рис. 1. Типы террористических организаций в грубом обобщении

Тип 2. Высокий уровень влияния как внутренних, так и внешних связей. Деятельность террористических организаций второго типа детерминирована как внешними, так и внутренними связями. Такие группы имеют не только массовую поддержку населения внутри контролируемой государством территории, но и существенные связи, помощь и поддержку за ее пределами. В данном случае источники ресурсов диверсифицированы. Часто это националистические, сепаратистские террористические организации, исповедующие одну из идеологий, имеющих международное влияние. Внешняя содействующая сила часто имеет общую культурную, религиозную идентичность, как с террористами, так и с поддерживающим их населением, живущим на территории подвергающегося атакам государства. Например, Греция оказывала поддержку кипрской ЭОКА на начальном этапе деятельности организации, а Ливия выступала посредником в переговорах между правительством Филиппин и «Фронтом национального освобождения море». Группировки такого типа способны добиваться значительных успехов в борьбе за власть. В этом плане следует назвать движение «Талибан»², палестинскую ФАТХ, филиппинский «Фронт национального освобождения море», колумбийскую ФАРК, еврейскую подпольную вооруженную организацию «Иргун». Эти группировки также имели и внутреннюю, и внешнюю поддержку. Например, ФАТХ и «Фронт национального освобождения море» получали финансовую и вооруженную поддержку от исламских государств, которые могли выступать посредниками в международных переговорах и в переговорах с правительствами. Движение «Талибан»³ получало материальную поддержку от ОАЭ и Пакистана. Куба была посредником в переговорах между ФАРК

² Движение «Талибан» запрещено на территории Российской Федерации.

³ Движение «Талибан» запрещено на территории Российской Федерации.

и колумбийским правительством. «Иргун», применявшая методы террора по отношению к арабам и англичанам в 1931–1948 гг., получала помощь от ряда государств и от зарубежной диаспоры. Внешняя поддержка позволяет таким организациям пережить крупномасштабные антитеррористические военные операции, когда внутренние ресурсы недостаточны.

Тип 3. Низкий уровень влияния как внутренних, так и внешних связей. Данный тип характеризуется низким уровнем влияния как внутренних, так и внешних связей. Это могут быть потерявшие всякую поддержку группы террористов или неустойчивые образования, не способные сформировать полноценную террористическую организацию. Такими являются террористы-наемники, которые готовы участвовать в террористической деятельности исключительно за материальное вознаграждение, не утруждая себя выбором идеологии и представлениями о «служении народу». Такие группы, как правило, являются ресурсом для других террористических групп.

Тип 4. Низкий уровень влияния внутренних и высокий уровень влияния внешних связей. Деятельность террористических организаций данного типа детерминирована в большей мере связями с внешним источником террористической активности. Данный тип противоположен первому типу. Агрегирование необходимых для деятельности ресурсов здесь обеспечивает связь с некоторым внешним центром или сетевой структурой, которые являются носителями просистемной или антисистемной идеологии (в терминах миросистемного подхода). Цель задается внешним источником, а идеология определяет идентичность группировки. Поскольку они практически не зависят от поддержки местного населения, такие террористические организации более мобильны, но их перспективы быть интегрированными в легитимный политический процесс при сохранении господствующего политического режима невелики. Примерами интеграции террористических организаций, произошедшими после смены политического режима, могут быть сальвадорский «Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти», чилийское «Левое революционное движение», уругвайский «Тупамарос». В случае разгрома группировок данного типа, их члены могут перейти в другие идеологически близкие террористические организации, в том числе действующие на территории других государств.

Террористические организации могут усиливать и терять внешние и внутренние связи. Данная динамика ведет к изменению положения террористической группы в типологии.

Стоит отметить, что наибольших успехов в плане интеграции в политическую систему достигли организации, которые принято относить к националистическим, сепаратистским и леворадикальным группировкам, в типологии это первый и второй типы. Такие группировки имеют опору на определенные национальные, этнические или, в случае Индии, кастовые группы, часто имеющие общую с террористами религиозную идентичность. Данная связь не только обеспечивает террористам поддержку со стороны населения (вербовку новых членов, финансирование, укрытие от политического или военного преследования), но и снижает эффективность антитеррористических силовых мер со стороны государства, поскольку даже ликвидация отдельной террористической группы не влечет за собой устранение напряженности и предпосылок для восстановления террористической активности. Массовая поддержка басками деятельности ЭТА, поддержка ирландцами действий организаций-последователей ИРА («Преимственная ИРА», «Подлинная ИРА») ограничивали

их государства в использовании против террористов военных и ряда полицейских средств, но способствовали попыткам правительств решить проблему мирным путем.

Организации второго и четвертого типов в политической риторике и научной литературе часто определяются термином «международный терроризм», под которым чаще всего понимают организации, чьи цели и идеологии можно охарактеризовать как антисистемные. Такое утверждение не лишено оснований. Поскольку, как отмечает Д. Рапорт, международный терроризм возник в 1970-е гг., когда начали активно развиваться леворадикальные террористические группировки, которые имели тесные связи и некую общую цель – международную революцию [Raport, 2008, pp. 55-56]. Однако такое понимание серьезно сужает представление о современном терроризме. Международный терроризм может иметь просистемные цели. Это могут быть вооруженные группы, организованные и / или поддерживаемые лидирующими державами с целью упрочения своих позиций в существующем миропорядке, но средствами, выходящими за рамки международного права. Такой организацией была, например, Аль-Каида⁴ (тип 4) в период Холодной войны.

Теперь подробнее обозначим условия и способы интеграции террористических организаций. С этой целью обобщим ряд идей инструментального и организационного подходов к исследованию терроризма в зарубежной научной традиции. Представители инструментального подхода, например Т. С. Шеллинг [Schelling, 1966, pp. 8-16] и А. Шмид [Schmid, 2005, p. 127], рассматривают терроризм как экономически выгодную альтернативу открытому военному противостоянию, требующему значительно больших ресурсов и сил. Терроризм используется как инструмент снижения затрат, которые бы в результате бездействия были бы непомерно большими. Терроризм оказывается более дешевым, доступным и действенным инструментом достижения цели. Однако инструментальный подход, рассматривающий терроризм лишь как средство, к которому группа прибегает или от которого отказывается, не обеспечивает необходимую онтологию для объяснения процессов интеграции террористических организаций в политическую систему.

Организационный подход трактует терроризм исходя из внутренней динамики организации. Онтология данного подхода позволяет описать процесс и условия интеграции террористических организаций в государственную и даже в международную политическую систему⁵. Его представители (П. Уилкинсон [Wilkinson, 1977], М. Креншоу [Crenshaw, 1981]) исходят из того, что выживание является базовой целью любой организации. Однако люди, занимающие в ней руководящие должности, ориентированы на более значимый результат. «Их целью является продвижение и развитие организации» [Crenshaw, 2008, p. 19]. Террористическая организация понимается как корпорация, действующая в агрессивной среде в условиях конкуренции и противостояния. Деятельность организации ориентирована на интересы бенефициаров, которыми могут быть члены группировки, субъекты, предоставляющие финансирование, а также целые группы населения. Цели и средства могут меняться в зависимости от ситуации, однако базовая цель – выживание группировки –

⁴ «База» («Аль-Каида») запрещена на территории Российской Федерации.

⁵ Примерами международной интеграции могут быть ФАТХ и ХАМАС в Палестине, Движение «Талибан» (запрещено на территории Российской Федерации) в Афганистане.

всегда является приоритетной. Поэтому особое внимание в организациях уделяется сохранению сплоченности и солидарности. Сплочение, по мнению М. Креншоу, достигается на основе мнения большинства о целях и возможности применения насилия. Например, несогласные с насильственными методами члены группировки будут вынуждены поддержать решение о проведении теракта с большим количеством жертв, если оно будет опираться на мнение большинства [Crenshaw, 2008, p. 20].

Близость онтологии организационного подхода концептам экономики позволила М. Креншоу дополнить собственные теоретические конструкции идеями экономической теории организационных императивов А. О. Хиршмана. Согласно теории А. О. Хиршмана, на выживание организации большее влияние оказывает не политика государства, а именно сплоченность ее членов. При этом деятельность организаций различается в конкурентных и в неконкурентных средах [Hirschman, 1970, pp. 78-80]. М. Креншоу обратила внимание, что соперником террористических группировок часто выступает не государство, а другие схожие по целям террористические организации. Конкурирующие террористические организации существовали, например, на Филиппинах, где столкнулись «Национальный фронт освобождения моро» и «Исламский освободительный фронт моро». Соперничество между ними усилилось в 1996 г., когда «Национальный фронт» заключил соглашение с правительством, после чего несогласные члены перешли в конкурирующую организацию. Другим примером конкуренции можно назвать Палестину, где организации ХАМАС и ФАТХ фактически разделили между собой сферы влияния. Наличие конкуренции подталкивает террористические организации к развитию и к дополнительному материальному или нематериальному стимулированию своих членов. Если конкурентов, предлагающих привлекательную альтернативу, нет, то при определенных условиях в организации может произойти раскол, и несогласные члены способны создать свою группировку. Так, например, произошло с «Ирландской республиканской армией», расколовшейся на «Временную ирландскую республиканскую армию» и «Рабочую Партию Шинн Фейн». Другим примером можно назвать армянскую террористическую группировку «АСАЛА». Разногласия между ее членами привели в 1982 г. организацию к расколу на две группы – военизированное крыло АСАЛА, продолжившее террористические акции против Турции совместно с леворадикальными группировками Сирии и Палестины, и на «Армянское революционное движение», которое было менее радикальным и следовало тактике избирательного террора⁶.

В неконкурентной среде существенным препятствием для выхода из организации оказываются высокие затраты, которые члены группы внесли в ее развитие и деятельность. Чем больше члены группы связаны с деятельностью организации, например, личным участием в терактах или финансовой поддержкой, тем сложнее для них будет выйти из организации и обустроить свои жизни за пределами ее структур. Члены террористической группировки будут склонны продолжать свою деятельность ради успеха, имеющего лишь вероятностный характер, или с целью возместить хотя бы часть своих затрат [Crenshaw,

⁶ В случае «Ирландской республиканской армии» другие группировки, как например «Ирландское освободительное движение», не смогли предложить привлекательной альтернативы, что и привело к расколу, а не к переходу несогласных в состав другой организации. В случае «АСАЛА» конкурирующих групп не было, поэтому кризис привел к расколу организации.

2008, р. 23]. В неконкурентной среде террористическая группировка, особенно при наличии жестких методов управления по отношению к рядовым членам, может сплотиться и преодолеть внутренние разногласия. Однако если государство предоставит возможность мирного выхода и амнистию рядовым членам террористической организации, то она может прийти в упадок. Отказ от противоправных действий окажется привлекательной альтернативой. Примером такой успешной политики могут быть законодательные инициативы, предпринятые итальянским правительством во второй половине 1980-х гг. по отношению к «Красным бригадам». Еще одним примером создания условий для добровольного отказа от террористической деятельности можно назвать результаты политики российского правительства в Чеченской республике после Первой чеченской кампании.

Таким образом, можно сформировать ряд гипотез, объясняющих динамику сплоченности террористических организаций. Во-первых, неконкурентная среда позволяет террористической организации добиваться наибольшего уровня сплоченности. Во-вторых, конкурентная среда снижает уровень сплоченности и повышает возможность принятия предложенной государством альтернативы. В-третьих, привлекательность альтернативы, предложенной государством группировкам первого и второго типов, способствует их внутреннему расколу и росту конкуренции.

Для объяснения динамики террористических групп в организационном подходе используются понятия «предпосылки» и «катализаторы». *Предпосылки* – объективные условия, которые в долгосрочной перспективе подготавливают почву для терроризма. Предпосылки могут быть различными. Таковыми могут быть факторы, способствующие росту националистических и сепаратистских настроений. И М. Креншоу и П. Уилкинсон одной из наиболее значимых предпосылок возникновения террористической деятельности называют отсутствие возможности легального политического участия [Wilkinson, 1977, pp. 54-55]. Наиболее яркими примерами здесь могут быть такие леворадикальные группировки, как «Фракция Красной армии» в ФРГ и «Красные бригады» в Италии, причиной появления которых стал запрет коммунистических партий в Западной Европе.

Следует подчеркнуть, для большинства леворадикальных группировок предпосылкой террористической деятельности выступало отсутствие доступа к легальной политической борьбе. В случае появления возможности политической деятельности, многие группировки отказывались от терроризма и начинали интеграцию в легальные политические структуры. Такому пути последовали чилийское «Движение революционных левых», уругвайский «Тупомарос» и сальвадорский «Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти». Помимо этого, леворадикальные в отличие от праворадикальных группировок, имеют ряд характеристик, которые способствуют политической интеграции. Во-первых, они опираются на более многочисленные группы населения (средний класс и беднота, студенты). Все леворадикальные группировки, достигшие некоторой степени интеграции, возникли на периферии и полупериферии, а именно в Латинской Америке и в Юго-Восточной Азии. Это государства с высокой долей бедного населения (преимущественно сельского), которое обеспечило террористическим группировкам необходимую поддержку и вербовочный ресурс. Во-вторых, леворадикальные организации более консолидированные, чем праворадикальные, что делает их более устойчивыми в плане выживания и позволяет добиваться переговоров с правительством. Заключая союзы, эти организации могут

усиливать друг друга. Они способны формировать тесные отношения по обмену опытом, информацией и ресурсами. Подобные отношения они могут поддерживать с близкими по идеологии группировками, действующими в других государствах.

Переход на мирные рельсы не означает автоматического исчезновения организации. Ее сохранению будут способствовать: наличие развитой инфраструктуры (например, действующей вербовочной сети); возможность легализовать каналы финансирования; получение (в ряде случаев) иностранной поддержки. В таком состоянии группировка в качестве политической силы может конкурировать с другими политическими партиями и расширять свое влияние. Примером может быть действующий на Филиппинах «Фронт национального освобождения моро». Отказавшись от насильственных действий в пользу мирного политического процесса, имея большее число сторонников, легальное финансирование и поддержку представителей других мусульманских стран (в частности, Ливии во времена правления М. Каддафи), данная организация смогла не только удержаться у власти, но и активно бороться со своими бывшими союзниками, такими как «Исламский фронт освобождения моро». Она переманивала их членов в свои ряды и, таким образом, подрывала социальную базу своего конкурента. Другим примером является сальвадорский «Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти». Еще в период гражданской войны (1979–1993 гг.), являясь одной из сторон конфликта, данная организация получила признание в качестве легальной политической силы у правительства Франции, Мексики и Норвегии. Вслед за этим она обрела легальный статус внутри страны. После окончания гражданской войны «Фронт» начал успешный процесс агрегации своих сторонников, в том числе поглощая членов более слабых партий. Доверие населения к этой партии было столь велико, что с 2009–2019 гг. президентами страны были ее представители, а на выборах в 2015 г. «Фронт» получил более трети всех мест в парламенте. Противоположным случаем может быть история чилийской группировки «Левое революционное движение». В результате активных действий правительства организация лишилась своих основных сил и смогла сохранить только активное ядро. После либерализации страны в 1980-е гг. произошел раскол внутри группы, при этом сторонники мирного политического процесса не смогли создать самостоятельную политическую партию. Члены организации пополнили ряды других политических партий.

Сами предпосылки не являются достаточными для начала террористической деятельности. М. Креншоу отмечает, что «объективные условия, вызывающие недовольство и подстрекающие к насилию, являются постоянными, тогда как само насилие не является непрерывным или универсальным» [Crenshaw, 2008, p. 21]. Для перехода к насилию должны появиться *катализаторы* – события, которые не только мотивируют и вдохновляют террористов, но и оправдывают их действия в глазах местных жителей и /или международного сообщества. Составить список всех катализаторов, как отметил представитель инструментального подхода А. Шмидт, не представляется возможным. Однако, обобщая исторический опыт, он выделил следующие катализаторы: антитеррористические меры, которые привели к множеству жертв; унижение группы или ее сторонников; мирные переговоры конкурирующей группы с правительством; лишение

права участвовать в выборах; угрозы группе или ее сторонникам в результате действий правительства; наступление важных символических дат [Schmid, 2005, p. 133]. Например, казнь британским правительством участников «Пасхального восстания» (1916) привела к созданию «Ирландской республиканской армии», а убийство в ФРГ активиста Бенно Онезорга (1967) повлекло создание организации «Фракция Красной армии».

В случае отсутствия катализатора предпосылки не ведут к возникновению насилия. Так, независимость Шотландии поддерживает около трети ее населения, но наличие официального политического представительства и определенной автономии позволили сохранить мирный характер борьбы за независимость.

Теперь опишем способы интеграции террористических группировок в легитимный политический процесс. Данные способы различаются по уровню принятия политической системой требований группировки и ее роли в легитимном политическом процессе.

Первый способ интеграции – захват верховной власти, формирование политической элиты и интеграция в международный политический процесс. В качестве примера можно привести захват власти в Афганистане в 2019 г. движением «Талибан»⁷. Примерами могут быть еврейская террористическая группировка «Иргун», палестинские группировки «Движение за национальное освобождение Палестины» (ФАТХ) и «Хезболла», имевшие подконтрольную территорию.

В настоящее время большинством государств мира «Талибан»⁸ не признается легитимной властью в Афганистане. Однако представители движения выстраивают официальные международные отношения с РФ, КНР, Индией для решения отдельных вопросов, связанных с безопасностью, торговлей и транзитом. Палестина получила в 1986 г. официальный статус наблюдателя в ООН и признание в 1994 г. как территории с официальной администрацией (без суверенитета). Оба палестинских эсклава, а именно Западный берег реки Иордан и Сектор Газа, фактически управляются сторонниками ХАМАС и ФАТХ, которые признаны террористическими организациями в Израиле и в ряде других государств. ФАТХ после подписания соглашений в Осло (1993 г.) официально отказалось от террористической деятельности, но Израиль до сих пор обвиняет и ХАМАС, и ФАТХ в поддержке терроризма и следованию «политике вращающихся дверей»⁹.

Группировка «Иргун» после получения Израилем независимости самораспустилась, ее боевые формирования вошли в состав ЦАХАЛ (армия обороны Израиля). На базе «Иргун» было создано политическое движение «Херут», ставшее социальной основой партии «Ликуд». Возглавил партию бывший лидер террористической группировки «Иргун» Менахем Бегин (в дальнейшем министр обороны и премьер-министр Израиля).

Второй способ интеграции – признание правительством организации в качестве легальной политической силы в результате переговоров (с участием третьей стороны). Обычно стороны переходят к переговорам, если конфликт затягивается и ни одна из сторон не может достичь успеха. Организация в таком случае чаще всего не достигает всех своих целей, однако правительство идет на ряд значимых уступок. Интеграции через переговоры

⁷ Движение «Талибан» запрещено на территории Российской Федерации.

⁸ Движение «Талибан» запрещено на территории Российской Федерации.

⁹ Арест террористов в целях успокоения общественности сопровождается последующим их освобождением.

с правительством смогли достичь филиппинский «Фронт национального освобождения моро», сальвадорский «Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти», индийская «Дал Халса» и ирландская ПИРА. У ПИРА и «Фронта национального освобождения моро» изначально была возможность мирного политического участия, у «Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти» такая возможность появилась после окончания гражданской войны, а у «Дал Халса» она возникает после снятия юридического запрета на политическую деятельность. Во всех случаях инициатором переговоров было правительство, готовое идти на уступки. Следует отметить, что переговоры могут проходить с участием третьей стороны. Например, ООН участвовала в мирном процессе в Сальвадоре, а Ливия была посредником в переговорах на Филиппинах.

Третий способ интеграции – добровольный, исходящий из внутренних причин (без внешнего давления) отказ от терроризма и переход к легальной политической деятельности при сохранении группировки. Такой способ используется в случае полной или частичной неудачи группировки в достижении своих целей силовыми методами. Добровольно об отказе от вооруженной борьбы объявляли гватемальская «Партизанская армия бедняков», индийские наксалиты и чилийское «Левое революционное движение». В Гватемале и в Чили у группировок изначально не было возможности для мирной политической борьбы, но после демократизации режимов запреты на политическую деятельность были сняты. Наксалиты напротив, изначально существовали как вооруженное крыло «Коммунистической партии Индии», деятельность которой в целом была разрешена, а переход к вооруженной борьбе был вызван в основном идеологическим кризисом, возникшим на фоне охлаждения отношений между СССР и Китаем. Во всех рассмотренных случаях группировки после отказа от вооруженной борьбы не сталкивались с препятствиями для существования в качестве легальных политических движений. Правительство предлагало интеграцию в политический процесс потерпевшим неудачу, но обладавшим значительной поддержкой местного населения террористам.

Четвертый способ интеграции – самоликвидация основного состава организации (с возможным частичным сохранением небольших маргинальных групп) и переход ее членов в состав легальных политических партий. Такой способ интеграции используется в случае, когда планомерно действующее правительство предоставляет возможность легального политического участия, при том что использование террористами силовых методов не обеспечивает им достижение целей. Важным моментом здесь является то, что, перейдя на легальное положение, организации не ассоциировались у населения и правительства с террористами и терактами. Например, корсиканские сепаратисты перешли в уже действующие политические партии, представители ЭТА создали партию «Амайур», члены «Тупамарос» организовали «Движение народного участия».

Оставив как перспективный вопрос о соотношении типов террористических организаций и способов, а также уровней их интеграции в легитимный политический процесс, на основе уже полученных результатов (рис. 2) кратко проинтерпретируем ситуацию, сложившуюся в период Первой и Второй чеченских кампаний.

Следует отметить, что ситуация в России периода распада СССР может быть ярким примером вызревания предпосылок и наличия / отсутствия катализатора террористической деятельности. Сепаратистские предпосылки во время «Парада суверенитетов» в конце 1980-х – начале 1990-х гг. частично блокировались возможностью заключения двухсторонних

договоров с федеральным центром. Так, Республика Татарстан, объявившая о своем суверенитете, согласилась остаться в составе Российской Федерации при соблюдении особого статуса, который действовал до 2017 г. В случае Татарстана *катализатор отсутствовал*. Сепаратистские предпосылки в Чеченской республике дополнялись таким *катализатором*, как ввод войск ослабленным федеральным центром, проигнорировавшим фактический выход республики из-под управления.

Действующие во время Первой чеченской кампании (1994–1996) на территории самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ) сепаратисты¹⁰ формировали террористические *группировки первого типа*, для которых характерен приоритет внутренних связей. Мощная поддержка местного населения была одной из главных причин успеха сепаратистов. Начавшийся в результате Хасавюртовских соглашений процесс соответствовал *второму способу интеграции*. Силловые способы борьбы с сепаратистами не были эффективными. Поскольку конфликт затягивался, и ни одна из сторон не могла достичь успеха, федеральное правительство выступило с инициативой мирных переговоров. Посредником выступал представитель Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Представители ЧРИ пошли на уступки, согласившись на отказ от незамедлительного предоставления республике независимости, а также от требования вступления в ООН. Статус территории ЧРИ не был определен, ее юридическая независимость не была признана на международном уровне. Однако в результате Хасавюртовских соглашений федеральные войска выводились с территории республики, а местная власть формировалась местными силами, и, по сути, была неподконтрольна федеральному центру.

Неопределенность ситуации вела к росту разногласий и конкуренции внутри добившихся успеха сил ЧРИ, что в конце 1990-х гг. приводит к кризису и *расколу* внутри сепаратистского движения. Для части боевиков во главе с А. Масхадовым становится *привлекательной альтернатива*, продвигаемая федеральным центром, войти в качестве автономии в состав Российской Федерации. Другая часть боевиков, представленная братьями Ахматовыми и арабскими наемниками, следовала идеям ваххабизма, их цели не были связаны с интересами чеченского народа. Предложенная противникам ваххабизма альтернатива восстановления и сохранения Чеченской республики в составе Российской Федерации привела к тому, что с началом Второй чеченской кампании (1999–2009), была сформирована пророссийская администрация во главе с муфтием А. Кадыровым. В ее состав вошли некоторые бывшие бригадные генералы – сторонники сепаратизма (например, братья Ямадаевы). Противостоящие новой администрации и федеральным силам сторонники ваххабизма должны быть отнесены к *группировке четвертого типа*. Они обладали существенными внешними связями, но не имели необходимой поддержки у местного населения, что в итоге привело их группировки к разгрому. В свою очередь поддержавшие федеральные силы бывшие представители сепаратистского движения отказались от своих первоначальных целей, смогли получить власть в республике посредством выборов и сохранить управление военными и силовыми структурами. Обращает на себя внимание факт, что, перейдя к мирному существованию, бывшие чеченские сепаратисты не создали

¹⁰ Были отнесены к террористам, в том числе зарубежными правительствами и СМИ, после совершения терактов в Буденновске и других городах Российской Федерации.

свою единую политическую партию, но многие из них, включая Р. Кадырова, стали членами действующих российских политических партий, что соответствует *четвертому способу интеграции*.

Делая выводы, необходимо подчеркнуть, что результаты имеют лишь предварительный характер, полученные теоретические конструкции требуют дальнейшего уточнения понятийного аппарата и верификации причинно-следственных связей. Но уже сейчас видно, что полученная типология, теоретическая модель и обозначенные способы интеграции могут быть основанием анализа и интерпретации конкретных случаев интеграции террористических группировок в легитимный политический процесс.

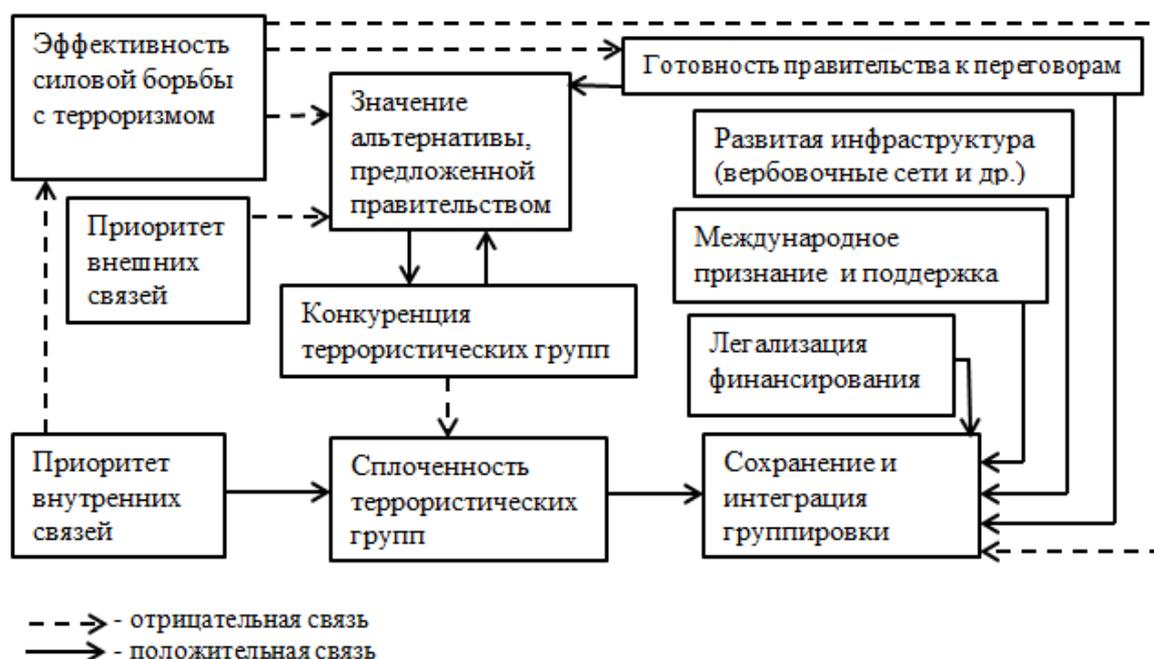

Рис. 2. Сохранение и интеграция группировки в легитимный политический процесс

Список литературы / References

- Баранов, А. В. (2005). Сепаратизм в современном мире: политико-территориальный аспект. *Южно-российский журнал социальных наук*. № 3. С. 107-123.
- Baranov, A. V. (2005). Separatism in the modern world: political and territorial aspect. *South Russian Journal of Social Sciences*. no. 3. pp. 107-123. (In Russ.)
- Изгарская, А. А., Лукиянов, Н. Е. (2021). Терроризм в современной мирозистеме: к проблеме перспектив междисциплинарного исследования. *Дискурс*. Т. 7. № 6. С. 5-16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-5-16

Izgarskaya, A. A., Lukyanov, N. E. (2021). Terrorism in the Modern World-System: Towards the Problem of Prospects for Interdisciplinary Research. *Discourse*. 2021. Vol. 7. no. 6. pp. 5-16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-5-16 (In Russ.)

Изгарская, А. А. (2008). Внешние и внутренние факторы в теоретических моделях развития общества: теория модернизации и парадигмы теории международных отношений (оценка когнитивного потенциала). *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия*. Т. 6. № 2. С. 96-101.

Izgarskaya, A. A. (2008). External and internal factors in theoretical models of social development: the theory of modernization and paradigms of the theory of international relations (assessment of cognitive potential). *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*. Vol. 6. no. 2. pp. 96-101. (In Russ.)

Лихачев, К. А. (2011). Особенности развития терроризма в Республике Индии во второй половине XX века. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. Т. 16. № 1. С. 71-80.

Likhachev, K. A. (2011). Features of the development of terrorism in the Republic of India in the second half of the 20th century. *Science Journal of Volgograd State University. Series 4: History. Area Studies. International Relations*. Vol. 16. no. 1. pp. 71-80. (In Russ.)

Мальцев, К. Г., Мальцева, А. В., Ломако, Л. Л. (2021). К различению «партизана» и «террориста» в двух парадигмах политического. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. № 4. С. 173-184. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-173-184

Maltsev, K. G., Maltseva, A. V., Lomako, L. L. (2021). Towards the distinction between «partisan» and «terrorist» in two political paradigms. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and political sciences*. no. 4. pp. 173-184. (In Russ.)

Crenshaw, M. (1981). The Causes of Terrorism. *Comparative Politics*. no. 4. pp. 379-399. DOI: 10.2307/421717

Crenshaw, M. (2008). Theories of terrorism: Instrumental and organizational approaches. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 10. no. 4. pp. 13-31. DOI: 10.1080/01402398708437313

Rapoport, D. C. (2008). The International World as some Terrorists have seen it: a Look at a Century of Memoirs. *Journal of Strategic Studies Political Psychology*. Vol. 10. no. 4. pp. 32-58.

Schelling, T. C. (1966). *Arms and Influence*. New Haven. CT. Yale University Press.

Schmid, A. (2005). Root Causes of Terrorism: Some Conceptual Notes, a Set of Indicators, and a Model. *Democracy and Security*. no. 2. pp. 127-136. DOI: 10.1080/17419160500321139

Hirschman, A. O. (1970). *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge, MA. Harvard University Press.

Wilkinson, P. (1977). *Terrorism and the liberal state*. London. Macmillan.

Сведения об авторах / Information about the authors

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>.

Лукьянов Николай Евгеньевич – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: nikolaylukyanov70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4068-8340>.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2023

После доработки: 20.11.2023

Принята к публикации: 30.11.2023

Izgarskaya Anna – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>.

Lukyanov Nikolay – Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: nikolaylukyanov70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4068-8340>.

The paper was submitted: 15.10.2023

Received after reworking: 20.11.2023

Accepted for publication: 30.11.2023

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 314

ДИСПРОПОРЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ, ПРАКТИКИ ФЕДЕРАЛИЗМА И РИСКИ МОБИЛИЗОВАННОЙ ЭТНИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК АЗИАТСКОЙ РОССИИ)

Е. А. Ерохина

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
leroh@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам диспропорций регионального развития национальных республик Азиатской России: Республики Алтай, Республики Бурятия, Республики Саха (Якутия), Республики Тыва, Республики Хакасия. Рассматривается их влияние на возможность возникновения рисков мобилизованной этничности в указанных регионах в условиях глобальной нестабильности. Эмпирической базой исследования послужил сравнительный анализ отдельных показателей качества жизни и этнической структуры населения указанных республик (на основе данных Росстата). Также были проанализированы тексты документов стратегического планирования Правительства РФ. В качестве вторичных источников информации были задействованы результаты исследований российских социологов в регионах. Выявлены риски развития регионов с точки зрения их этносоциальной специфики: сокращения русского населения, роста этнонационализма, борьбы за экономические и земельные ресурсы, антимигрантских настроений. Сделан вывод о необходимости совершенствования практик федерализма для смягчения неизбежных рисков внутренней турбулентности российского общества.

Ключевые слова: Азиатская Россия, национальные республики, диспропорции развития, федерализм, этносоциальные риски.

Для цитирования: Ерохина, Е. А. (2023). Диспропорции регионального развития, практики федерализма и риски мобилизованной этничности (на примере национальных республик Азиатской России). *Respublica Literaria*. Т. 4. № 4. С. 140-154. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.140-154

DISPROPORTIONS IN REGIONAL DEVELOPMENT, THE PRACTICE OF FEDERALISM AND THE RISKS OF MOBILIZED ETHNICITY (ON THE EXAMPLE OF THE NATIONAL REPUBLICS OF ASIAN RUSSIA)

E. A. Erokhina

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
leroh@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of disproportions in the regional development of the national republics of Asian Russia: the Republic of Altai, the Republic of Buryatia, the Republic of Sakha (Yakutia), the Republic of Tyva, the Republic of Khakassia. Their influence on the possibility of the emergence of mobilized ethnicity risks in these regions in conditions of global instability is considered. The empirical basis of the study was a comparative analysis of indicators of average quality of life and ethnic structure of the population based on Rosstat data. The texts

of strategic planning documents of the Russian Federation Government were also analyzed. The results of research by Russian sociologists in the regions. The results of research by Russian were used as secondary sources of information. Risks for the development of regions are identified from the point of view of their ethnosocial specifics: a reduction in the Russian population, the growth of ethnonationalism, the struggle for economic and land resources, anti-migrant sentiments. It is concluded that it is necessary to improve the practices of federalism to mitigate the inevitable risks of internal turbulence in Russian society.

Key words: Asian Russia, national republics, development disproportions, federalism, ethnosocial risks.

For citation: Erokhina, E. A. (2023). Disproportions in Regional Development, the Practice of Federalism and the Risks of Mobilized Ethnicity (on the Example of the National Republics of Asian Russia). *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 4. pp. 140-154. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.140-154

Введение. Качество жизни российских граждан является одним из существенных факторов развития, влияющих на характер интеграции российского общества. Влияние этого фактора на внутреннюю общественную повестку опосредовано экономическими возможностями регионов, их инновационным и человеческим потенциалом, содержанием партнерских отношений с федеральным центром в вопросах совместного ведения. В условиях нарастания социальной турбулентности после начала специальной военной операции и «поворота на Восток» внешней политики России требования к характеру этого партнерства будут возрастать. Расширение трансграничного сотрудничества территорий, привычно воспринимаемых как «ресурсная кладовая», усиливает риск закрепления сырьевого статуса Азиатской России в отношении с восточноазиатскими центрами развития. «Втягивание» регионов в экономическую орбиту цивилизационных центров за пределами России вызывает отток населения из восточной части страны, рост этнической фрагментации и бытового национализма. Таким образом, актуальной остается проблема совершенствования федерализма как инструмента гармоничного развития регионов и гражданской интеграции их населения, средства снижения рисков мобилизованной этничности.

Перспектива устойчивого развития Российской Федерации как многонационального государства зависит от позитивного баланса межэтнических отношений и сохранения ее этнокультурного многообразия. Основой сохранения общего социокультурного пространства страны являются те экономические, политические и культурные блага, которые дает принадлежность к российскому политическому согражданству. Однако условия доступа к общественным благам для граждан существенно различаются в столицах и на периферии. Чем дальше от федерального центра, тем больше факторов неопределенности оказывают влияние на возможности использования социальной инфраструктуры, доступа на рынок труда, приобщения к ценностям образования и культуры.

Наиболее отдаленной в географическом смысле периферией оказываются регионы Азиатской России, в том числе ее национальные республики: Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, Якутия (Саха). Планетарный масштаб и экономический потенциал этих территорий используется до обидного мало [Крюков и др., 2022]. Существующие проблемы можно проиллюстрировать обращением к Стратегии развития Сибирского федерального округа до 2035 г., принятой Правительством РФ в январе 2023 г. Заявленные в документе задачи, такие, как приток частных инвестиций и создание индустриальных кластеров, развитие

инфраструктурных проектов и удлинение производственных цепочек, даже диверсификация экономики, не только давно назревшие, но и явно «перезревшие» «ответы» на существующие вызовы. Они не являются «новыми ключами» к «старым дверям» и их, по справедливости, можно отнести к универсальным, но не специфичным для Сибири и Дальнего Востока решениям. Как положительную можно оценить тенденцию к частичному возврату практик государственного планирования советского периода: к участию государства в инфраструктурных проектах. Однако удивляет отсутствие в этом стратегическом документе упоминания о прорывных отраслях, которые уже сформированы несырьевыми производственными цепочками. Речь идет о сферах, тесно связанных с наукой и внедрением инновационных разработок в производство, где сегодня наблюдается прогресс знания, появляются новые технологии.

Документ закрепляет сырьевой и инерционный сценарий развития России и ее азиатской части, что свидетельствует о непонимании разработчиками роли человеческого потенциала макрорегиона. Данный сценарий чреват рисками дезинтеграции экономического пространства, встраивания российских предприятий в производственные цепочки за пределами России в ущерб сложившимся внутренним связям. Это частично объясняет те объективные процессы, которые, на наш взгляд, сегодня складываются в сфере этносоциальных отношений: демографический спад, падение уровня и качества жизни населения азиатской части России, западный миграционный тренд русского населения, неудовлетворенность этнокультурных потребностей титульных и коренных малочисленных народов Сибири.

На эти риски накладываются существующие в сфере управления этническим многообразием противоречия. Внедрение в массовое сознание концепта «российской нации» как замещающего идею русского народа привело к обеднению дискурса о проблеме сохранения родного языка. Этническая консолидация стала рассматриваться либеральной частью политической элиты как вызов укреплению гражданского единства России. Однако и понимание содержания традиционных ценностей его консервативной частью страдает эклектизмом.

Постановка задач. Осмысление феномена российского федерализма в его связи с этносоциальными процессами в регионах остается актуальной задачей. Дискуссии о судьбе российского федерализма оживились после вхождения Республики Крым (2014) и регионов Новороссии (2022) в состав России. Не менее актуальной для анализа нам представляется текущая ситуация в национальных республиках азиатской части России. Межэтническое согласие как фактор консолидации российского общества определяется не только цивилизационными связями народов, составляющих его основу, но и способностью государства ответственно подходить к вызовам, в числе которых диспропорция регионального развития остается фундаментальной. Выявление вызванных ими этносоциальных рисков, а также оценка потенциала федерализма для их смягчения в национальных республиках Азиатской России, являются задачами настоящей статьи. В данном случае речь идет о пяти национально-территориальных субъектах РФ, входящих в состав Сибирского (Республики Алтай, Тыва, Хакасия) и Дальневосточного (Республики Бурятия и Якутия (Саха)) федеральных округов.

Методика проведения исследования. Сравнительный анализ национальных республик Азиатской России (Алтай, Бурятия, Саха (Якутия), Тува, Хакасия) по некоторым значимым для воспроизводства человеческого потенциала показателям на основе данных Росстата дополнен результатами этносоциологических исследований, осуществленных сибирскими социологами в упомянутых регионах.

Описание результатов. Для этнического пространства Азиатской России характерны существенные различия в статусе национально-территориальных образований. Главенствующее место в иерархии занимают субъекты РФ, обладающие статусом национальных республик (Республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, Якутия (Саха)). За ними следуют субъекты, имеющие статус национального округа (Чукотский автономный округ) или области (Еврейская автономная область). Менее конкретизировано положение административно-территориальных единиц с особым статусом, бывших автономных округов – Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского муниципальных районов в составе Красноярского края, Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в составе Иркутской области, Агинского Бурятского округа в составе Забайкальского края. На нижнем уровне иерархии находятся места традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера (КМНС), имеющие некоторые льготы в социально-экономической сфере. Различия в статусе определяют долю представительства в законодательных органах региона, а, соответственно, возможность принятия решений на уровне субъекта [Размахнина, 2021, с. 12].

Сложная иерархия национально-территориальных единиц в составе РФ позволяет национальным республикам сохранять статус «государства в государстве», хотя по Конституции РФ все ее субъекты равны. Национальные республики имеют свои конституции (остальные субъекты – только уставы) и законодательство, государственные символы (герб, флаг, гимн), вправе устанавливать свой государственный язык, наряду с русским.

В исследованиях постсоветского федерализма принято выделять два основных этапа: 1) децентрализацию, «парад суверенитетов» (1990–2000); 2) усиление «властной вертикали» (2000–2018). Децентрализация 1990-х гг. была обусловлена асимметрией в отношениях федерального центра с регионами в пользу последних. С момента передачи президентских полномочий от Б. Н. Ельцина к В. В. Путину маятник качнулся в противоположную сторону. Доминирующей тенденцией второй фазы постсоветского цикла стала централизация со смещением асимметрии в пользу федерального центра. Ее показателями можно считать формирование федеральных округов, внедрение в управленческую структуру института полномочных представителей Президента РФ, приведение Конституций и/или иных уставных документов субъектов РФ в соответствие ее Основному закону (Конституции РФ).

Дискуссия о внесении изменений (поправок) в Основной закон РФ и последующий за ней референдум в 2020 г. зафиксировали необратимость институциональных изменений постсоветского периода. Характерными чертами новой, третьей фазы развития федерализма является параллельное усиление роли федеральных институтов исполнительной власти и полномочий региональных субъектов РФ.

Поиск баланса между сверхцентрализацией и децентрализацией еще не завершен, однако стратегию взаимодействия федерального центра и регионов России можно описать, используя метафору торга и партнерства. Даже несколько больший объем прав не дает

национальным республикам существенных экономических преференций. Как и большинство регионов России, национально-территориальные субъекты Сибирского и Дальневосточного федеральных округов являются получателями дотаций из федерального бюджета.

В начале XXI в. было разработано и принято к исполнению несколько документов стратегического планирования, направленных на снижение пространственных диспропорций развития. Самыми масштабными документами являются Указ Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» и «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» 2019 г. [Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года, 2017; Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, 2019]. Ряд документов, относящихся непосредственно к Сибирскому федеральному округу (СФО) и Дальневосточному федеральному округу (ДФО), распоряжениями правительства РФ были приняты к исполнению в качестве Стратегий: Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 г. (2023) и Стратегия социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона до 2025 г. (2009, с изменениями 2023) [Стратегия социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона до 2025 года, 2009; Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года, 2023].

Тем не менее, эффективность их реализации остается недостаточной с точки зрения остроты существующих проблем. В их числе более низкое качество жизни населения в сравнении с регионами Европейской России, сырьевая ориентация экономики, недоразвитость транспортно-логистической инфраструктуры. Все перечисленные проблемы относятся к республикам Азиатской России на территориях Сибирского (Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия) и Дальневосточного (Республика Саха (Якутия) и Республика Бурятия) федеральных округов. Уровень и качество жизни оказывают серьезное влияние на этнодемографическую ситуацию в республиках, миграцию и трансформацию поселенческой структуры, диспропорцию в развитии городских и сельских пространств [Бреславский, 2018, с. 6]. «Отсутствие благоприятных климатических условий, нерешенность проблем транспортной доступности, сохранение сырьевого характера экономик, отсутствие весомых конкурентных преимуществ на рынке товаров и услуг – все это поддерживает ситуацию регионального неравенства, в которой республики СФО и ДФО пока оказываются аутсайдерами, нуждающимися в крупных финансовых дотациях федерального правительства, даже для удовлетворения своих базовых потребностей» [Там же, с. 11-12].

Динамика численности населения Сибирского и Дальневосточного округов показывает тенденцию к убыванию населения после незначительной флуктуации в середине 2010-х гг. Процесс сокращения населения стал устойчивым трендом. По этому показателю Сибирский федеральный округ (далее СФО) входит в тройку аутсайдеров, которую замыкает Дальневосточный федеральный округ [Регионы России, 2022, с. 44, 2.1]. Еще более красноречива статистика в отношении средней продолжительности жизни. СФО по этому показателю уступает всем федеральным округам, кроме Дальневосточного, который находится на последнем, 8 месте (68,06 лет). Ожидаемая средняя продолжительность жизни в СФО, по данным Росстата, в 2021 г. составила 68,3 года, показав снижение не только по отношению к допандемийному 2019 г., но и к более раннему 2015 [Там же, с. 80, 2.15]. Тенденция сокращения средней продолжительности жизни населения относится ко всем его субъектам.

Таким образом, в обоих округах нет ни одного региона, который смог бы выйти на российские показатели ожидаемой продолжительности жизни в 70,06 лет. Отталкиваясь от ожидаемой в 2021 г. продолжительности жизни в СФО, которая составила 68,30 лет, мы обнаружим четыре субъекта, где эти показатели существенно ниже. В их числе Республика Алтай и Республика Тыва. Если в Тыве низкая продолжительность жизни компенсируется высокой рождаемостью, то в других регионах Сибири даже миграция вряд ли сможет заместить сокращающееся население.

Здоровье в решающей степени зависит от достатка и жизненных перспектив, связанных с творческой, приносящей удовлетворение, и хорошо оплачиваемой работой. Обращаясь к показателям социально-экономического развития, отражающим место регионов округа среди других субъектов РФ по уровню занятости и безработицы, отметим следующее. Три национальные республики, а именно Республика Алтай, Республика Бурятия и Республика Тыва, дают самый низкий уровень занятости (77, 78 и 84 места в рейтинге российских регионов) и самый высокий уровень безработицы (79, 77 и 83 места, соответственно) в своих округах [Там же, с. 169, 3.24].

Этническая структура населения в национальных республиках Азиатской России в постсоветские годы претерпела определенные изменения. Рост демографической массы показали коренные народы Сибири (в том числе КМНС), народы Кавказа и Средней Азии. В то же время сократилась общая доля русских [Размахнина, 2021, с. 12]. И хотя эта группа по-прежнему численно доминирует в макрорегионе, в некоторых республиках, например, в Тыве и Якутии (см. табл. 1), показатели сокращения достаточно значимы [Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации, 2002; Национальный состав населения по субъектам РФ, 2010; Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей, 2020].

Таблица 1

**Численность русского населения
по данным Всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 гг.
(чел; % от общей численности населения субъекта РФ)**

Субъекты РФ	Численность русских в субъектах РФ – национальных республиках			Доля русских в субъектах РФ – национальных республиках (по отношению к численности указавших национальность)		
	2002	2010	2020	2002	2010	2020
Алтай	116510	114802	106258	57,5	56,6	53,7
Бурятия	665512	630783	581764	67,9	66,1	64,0
Тыва	61442	49434	31927	20,1	16,3	10,1
Хакасия	438395	427647	356325	80,3	81,7	82,1
Саха (Якутия)	390671	353649	276986	41,3	37,8	32,6

По типам динамики этнического состава Ю. С. Размахнина, на примере Восточной Сибири, выделила следующие типы регионов: 1) «русские» регионы, где при снижении численности русских растет их доля в структуре населения (в основном края и области);

2) «этнические» регионы, в которых растет численность и доля титульных народов при снижении этих показателей у русских (Республики Алтай, Бурятия, Саха, Тыва);
3) «промежуточные» регионы, где растут доли русского и титульного населения при общей потере численности, как, например, в Хакасии [Размахнина, 2021, с.12-14]. Эти закономерности иллюстрирует таблица 2, рассчитанная нами на основе данных постсоветских переписей населения [Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации, 2002; Национальный состав населения по субъектам РФ, 2010; Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей, 2020].

Таблица 2

**Численность титульного населения
по данным Всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 гг.
(чел; % от общей численности населения субъекта РФ)**

Субъекты РФ	Численность представителей титульных этносов в субъектах РФ – национальных республиках			Доля представителей титульных этносов в субъектах РФ – национальных республиках (по отношению к численности указавших национальность)		
	2002	2010	2020	2002	2010	2020
Алтай	62192	68814	73242	30,7	33,9	37,0
Бурятия	272910	286839	295273	27,8	30,0	32,5
Тыва	235313	249299	279789	77,0	82,0	88,7
Хакасия	65421	63643	55144	11,9	12,1	12,7
Саха (Якутия)	432290	466492	469348	45,7	49,9	55,3

На этом фоне заметным явлением оказывается миграционный отток в западные регионы страны. По данным А. В. Винокуровой, практически во всех сибирских и дальневосточных республиках имеет место миграционная убыль населения. Исключение составляет Хакасия, где миграционный прирост положительный. Однако его показатели столь незначительны, что говорить о существенном приросте региона не приходится. В других субъектах отток весьма внушителен, что позволяет сделать вывод об устойчивости миграционного тренда [Винокурова, 2018, с. 17-18].

В наибольшей степени это относится к миграции русских, среди которых высока доля лиц с высшим образованием и профессиональной квалификацией. Вполне объясним этот отток из Тывы, потенциал реиндустриализации которой остается недостаточным. На ее территории не реализуется крупных инвестиционных проектов. Туристическая инфраструктура и сельскохозяйственный сектор республики в силу транспортной удаленности существенно уступают в развитии аналогичному по структуре занятости и условиям жизни населения субъекту – Республике Алтай. Однако негативные тенденции предшествующих лет продолжают сохранять свое значение и для Республики Саха (Якутия). Уровень зарплат в регионе, по мнению Е. Г. Маклашевой, не компенсирует физических затрат на работу и жизнь в тяжелых климатических условиях, если сравнивать их с аналогичными в более благоприятных районах. Она соглашается с выводами

Е. В. Петровой о неблагоприятном прогнозе демографического развития русского населения Сибири [Петрова, 2008, с. 325-329]. «Несмотря на многолетнее проживание в этноконтактной зоне с интернациональной идеологией и сформированным иммунитетом к сепаратистским и экстремистским лозунгам, на выезд из Якутии настроены не только представители русского и русскоязычного населения, но и народов, близких к якутской культуре по своему языку и традициям (татары, башкиры)», – отмечает Маклашова [Игнатьева, Маклашова и др., 2022, с. 79].

Сокращение русского и русскоязычного населения усиливает риски мобилизованной этничности в ситуации глобальной нестабильности. Одним из самых уязвимых мест «многонациональности» российских регионов является проблема русско-национального двуязычия и диспаритет в отношении государственных языков: русского и языка титульного этноса. Сокращение функционала языков титульных этносов в регионах России повлекло за собой сжатие сферы их употребления в публичном пространстве, в том числе в образовании.

Очередной этап трансформации российской системы образования в 2000-е гг. породил новые реалии (ЕГЭ, двухуровневая система высшего образования), новые ориентиры (включение России в мировое информационно-образовательное пространство), новые практики (оптимизация образования, новые модели оценки качества работников педагогического и научного (научно-педагогического) труда). Такая переориентация без учета отечественных традиций образования, соответствующей оценки многонационального характера России, привела к размыванию этнокультурной составляющей образовательной политики. Тренд на внедрение принципов мультикультурализма привел к парадоксальной ситуации, при которой декларируемый учет культурного многообразия пришел в противоречие с менеджеральной конъюнктурой. В результате гуманистическое содержание образования оказывалось замещено формальными показателями «успеха». Можно констатировать, что второе постсоветское десятилетие породило новый, стихийно-релятивистский тип управленческой рациональности. В режиме реального управления такой тип реализуются в практиках мультикультурализма, который ретуширует реальное неравенство формальной декларацией принципа культурного плюрализма.

Позитивная этническая идентичность вне знания языка и культурной специфики своей этнической группы, ее истории, положительного отношения к ее культурному достоянию является нонсенсом. Вопросы о том, в каком объеме необходимо изучать государственные языки субъектов РФ, должно ли обучение им носить обязательный или факультативный для учащихся характер, вопросы учебно-методического сопровождения обучения родным языкам в регионах и многие другие сложные проблемы могут быть включены в сферу компетенции субъектов РФ, если власть хочет избежать этнического радикализма.

Всплески этих явлений неизбежны в случае сокращения и даже сохранения в прежних объемах бюджетных трансферов в регионы в условиях турбулентности. Другой угрозой мобилизованной этничности является принцип рекрутирования управленческой элиты на основе личной преданности, благодаря родственным, свояческим и земляческим связям. Проблема рекрутирования элит на принципах, противоречащих меритократическому подходу, поражая систему «снизу вверх», порождает коррупцию и этнократию, выступает «болевым точкой», способной взорвать элитный консенсус на всех уровнях власти. Обычно

богатый эмпирический материал для иллюстрации этого тезиса дает Северный Кавказ. Однако и выборы главы Республики Хакасия дважды, в 2018 и 2023 гг., дали повод усомниться в добросовестности политической конкуренции.

Наконец, еще одной угрозой мобилизованной этничности является сопутствующий всякому хозяйственному освоению процесс территориализации этничности. Он имеет множество положительных эффектов в виде усиления общественного контроля за использованием природных ресурсов, развития хозяйственных и предпринимательских практик, ориентированных на традиционные занятия [Игнатьева, Васильева и др., 2022, с. 221-222]. Однако необходимо помнить о ситуации правового плюрализма и принципиально различающемся отношении к праву собственности на землю в персонифицированной системе современного законодательства и представлениях коренных народов о том, что она не может принадлежать одному человеку. Это различие нередко становится источником конфликта между общинами коренных народов и хозяйствующими субъектами. И хотя в регионах Азиатской России не случилось резонансных событий, подобных борьбе за спасение шихана Куштау в августе 2020 г., в случае усиления общественной поляризации, вызванной общим ухудшением социально-экономической ситуации и падением качества жизни, возникновение таких ситуаций не стоит сбрасывать со счетов.

Индустриального потенциала республик на востоке России оказывается недостаточно для ответа на текущие вызовы в силу ряда причин: низкого уровня транспортной и инженерной инфраструктуры, периферийного положения в экономическом пространстве, отдаления от крупных промышленных центров. Реиндустриализация преимущественно за счет сырьевых проектов приводит к экстерриториальности интересов для большей части бизнеса. Местные администрации не имеют собственных средств, вынуждены пользоваться субсидиями и дотациями государства, а крупный бизнес заинтересован в получении прибыли, но не в развитии территорий. Для использования имеющихся преимуществ реиндустриализации регионам необходимы меры по закреплению населения, налаживанию межрегиональных связей, в том числе с сопредельными государствами. Однако в настоящее время можно говорить лишь об усилении неравенства в развитии регионов [Руднева, 2018, с. 275-276]. В особенности это относится к Республикам Алтай и Тыва, сохраняющим сельскохозяйственную и рекреационную ориентацию.

Стоит отметить положительные тенденции, которые демонстрируют показатели социально-экономического развития Республики Саха (Якутия). На основе анализа их динамики А. В. Михайловой выявлено существенное повышение среднедушевых денежных доходов населения (3968 руб. в 2000 г. против 42669 руб. в 2018 г.), рост среднегодовой численности занятых (459,7 тыс. чел. в 2000 г. против 497 тыс. чел. в 2018 г.), сокращение числа безработных (54,5 тыс. чел. в 2000 г. против 34,7 тыс. чел. в 2018 г.). Вместе с тем исследователь отмечает устойчивость таких негативных тенденций, как разрыв в доходах и дифференциация населения по уровню жизни, высокую безработицу в сельской местности Якутии, где уровень жизни ниже уровня жизни в муниципальных образованиях с промышленной специализацией [Игнатьева, Маклашова и др., 2022, с. 33-34].

Кроме того, в развитии индустриальных проектов следует учитывать риски для сохранения традиционного образа жизни коренных этносов Сибири. Различие между традиционным жизнеобеспечением и индустриальным производством связано

с различными представлениями о взаимоотношениях человека и природы. Недостаточное понимание самоценности традиционного хозяйствования вызывает чувство тревоги за будущее коренных народов.

Коренные народы Алтая, Бурятии, Тывы, Хакасии и Якутии сохраняют традиции жизнеобеспечения в качестве сельхозпроизводителей, мастеров народных ремесел и промыслов, организаторов рекреационного туризма. Позиции традиционного хозяйства коренных народов закреплены в практиках скотоводства: оленеводства (Якутия и Тоджинский район Республики Тыва), коневодства и разведения крупного и мелкого рогатого скота повсеместно. По данным Росстата за 2021 г., сельское население Республики Алтай составляет 70,9 %, Республики Бурятия – 40 %, Республики Тыва – 45,1 %, Республики Хакасия – 29,9 %, Республики Саха (Якутия) – 33 % [Регионы России, 2022, с. 48, 2.3]. Сохранение традиционного образа жизни остается основным движущим фактором сохранения этнической культуры и родного языка.

Серьезной проблемой остается и поляризация сельского пространства: растет число малых поселений при концентрации жителей в крупных населенных пунктах. При этом в дискурсе публичной власти все чаще звучат голоса сторонников стягивания сельского населения в те или иные центры, как это было в 1950-60-е гг. [Гурьянов, 2023]. Тогда апофеозом такой политики стали попытки «ликвидации» неперспективных деревень и переселение жителей из мелких населенных пунктов, отнесенных к неперспективным из-за недостатка населения и отсутствия инфраструктуры, в более крупные. Вряд ли стоит говорить, что это породило огромное количество социальных проблем, в том числе в плане ухудшения воспроизводства традиционного образа жизни. Сегодня принудительным перемещением населения в очаги продвинутой инфраструктуры никто заниматься не будет. Тем не менее схожесть замыслов не может не обращать внимания [Фадеева, Нефедкин, 2023, с. 255-256].

Наконец, потенциал межэтнических конфликтов, который формируется в сфере неконтролируемой миграции, указывает на экономические проблемы как ключевой узел противоречий. В этой связи можно напомнить читателю об антимиграционных протестах в Республике Саха в марте 2019 г., которые переросли в беспорядки после известия об акте насилия над местной жительницей со стороны представителя одной из среднеазиатских диаспор. Однако предметом беспокойства властей должны стать не только такие резонансные события, но и менее заметное, ставшее рутинным, «вымывание» качественного населения, «дрейфующего» в западном направлении, и его замещение низкоквалифицированной рабочей силой из постсоветских государств.

Многоукладность и поливариативность развития субъектов РФ, этническое и конфессиональное многообразие населения российских регионов требует учета своеобразия каждого из них. Из этого вытекает необходимость совершенствования принципов федерализма и условий содержательного партнерства участников «торга» между федеральными и региональными элитами. В числе таких мер можно указать ослабление централизации налоговых доходов; преимущественную регистрацию субъектов экономической деятельности на территории региона, где они осуществляют основную хозяйственную деятельность; стимулирование регионов принимать меры, способствующие их развитию; возвращение к принципу паритета государственных языков в образовании; отнесение вопросов национальной политики, кроме тех, что связаны с борьбой против экстремизма и терроризма, в сферу совместного ведения федерального центра и регионов с подключением органов местного самоуправления.

Вывод. Все субъекты Азиатской России отличаются активностью своих политических элит. Однако элиты национальных республик традиционно предъявляют федеральному центру особые требования, связанные с возможностью реализовать право народов соответствующих субъектов, в первую очередь титульных и коренных малочисленных народов, на обеспечение условий для этнического развития. Это не только сохранение родного языка и традиционного образа жизни, но и качественные условия жизни, включающие возможность получать хорошо оплачиваемую и творческую работу, допуск к социальным лифтам, общественным благам, медицине, образованию. Кроме того, рост качества жизни позволит удержать в национальных регионах русское население. Однако добиться его только усилиями субъектов РФ невозможно. Это делает необходимым условием продуктивного диалога между центром и регионами участие центральной власти в региональном развитии.

Параллельно с усилением централизации неизбежен обратный тренд. Глобальная турбулентность и внутренняя повестка усложнили характер современного российского общества, которое в новой ситуации предъявляет особые, повышенные требования к власти. В такой ситуации федеральный центр сталкивается с необходимостью делегировать часть полномочий регионам, как это было в 2019–2020 гг. в условиях КОВИД–19. На этот контекст накладывается активизация гражданской активности, усиливающая чувство сопричастности перед лицом испытаний, с которыми общество столкнулось в 2022–2023 гг.

Список литературы / References

Бреславский, А. С. (2018). Республики на востоке России в панораме регионального неравенства. *Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития*. Сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Улан-Удэ: ИМБИТ СО РАН. С. 5-12.

Breslavsky, A. S. (2018). Republics in the East of Russia in the panorama of regional inequality. In *Republics in the East of Russia: Trajectories of Economic, Demographic and Territorial Development*. Collection of Scientific Articles Based on the Results of the All-Russian Scientific and Practical Seminar. Ulan-Ude. pp. 5-12. (In Russ.)

Винокурова, А. В. (2018). Республики в Сибири и на Дальнем Востоке: где жить хорошо? *Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития*. Сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Улан-Удэ. ИМБИТ СО РАН. С. 14-24.

Vinokurova, A. V. (2018). Republics in Siberia and the Far East: where is it good to live? In *Republics in the East of Russia: Trajectories of Economic, Demographic and Territorial Development*. Collection of Scientific Articles Based on the Results of the All-Russian Scientific and Practical Seminar. Ulan-Ude. pp. 14-24. (In Russ.)

Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей (табл. 5). (2020). [Электронный ресурс]. *Федеральная служба государственной статистики. Итоги ВПН-2020*. Т. 5: Национальный состав и владение языками.

URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 15.10.2023).

Language Proficiency of the Population of the Most Numerous Nationalities (Table 5). (2020) [Online]. *Federal State Statistics Service*. Results of All-Russian Population Census of 2020. Vol. 5. National Composition and Language Proficiency. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (Accessed: 15 October 2023). (In Russ.)

Гурьянов, С. (2023). Расселись тут: в России появится почти 2 тыс. сельских агломераций. Как реализуют инициативу по развитию опорных населенных пунктов и прилегающих территорий [Электронный ресурс]. *Известия*. 26 апреля. URL: <https://iz.ru/1503447/sergei-gurianov/rasselis-tut-v-rossii-poiavitsia-pochti-2-tys-selskikh-aglomeracii> (дата обращения 15.10.2023).

Guryanov, S (2023). Settle here: almost 2 thousand rural agglomerations will appear in Russia. How to implement the initiative to develop support settlements and adjacent territories [Online]. *Izvestiya*. 26 April. Available at: <https://iz.ru/1503447/sergei-gurianov/rasselis-tut-v-rossii-poiavitsia-pochti-2-tys-selskikh-aglomeracii> (Accessed: 15 October 2023) (In Russ.)

Игнатьева, В. Б., Васильева, О. В., Томаска А. Г., Маклашова, Е. Г., Степанова, Ю. Г., Данилов, И. А. (2022). *Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: итоги исследования в Якутии*. Новосибирск: Наука. 272 с.

Ignatyeva, V. B., Vasileva, O. V., Tomaska, A. G., Maklashova, E. G., Stepanova, Yu. G., Danilov, I. A. (2022). *Identity, Language and Culture of Youth of the Indigenous Minorities of the North: Results of a Study in Yakutia*. Novosibirsk. 272 p. (In Russ.)

Игнатьева, В. Б., Маклашова, Е. Г., Томаска, А. Г., Ермолаев, Т. С., Баишева, С. М., Васильева, О. В., Охлопков, В. Е., Санникова, Я. М., Федотова, Н. Д., Иванова, Н. И., Михайлова, А. В., Панина, С. В., Залуцкая, С. Ю. (2022). *Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития*. 2-е изд. доп. Новосибирск: Наука. 296 с.

Ignatyeva, V. B., Maklashova, E. G., Tomaska, A. G., Ermolaev, T. S., Baisheva, S. M., Vasileva, O. V., Okhlopkov, V. E., Sannikova, Ya. M., Fedotova, N. D., Ivanova, N. I., Mikhailova, A. V., Panina, S. V., Zalutskaya, S. Yu. (2022). *Ethno-social Processes in Yakutia: Modern Perspective and Development Prospects*. 2nd ed., updated. Novosibirsk. 296 p. (In Russ.)

Крюков, В. А., Суслов, Н. И., Ягольницер, М. А. (2022). Об основах развития экономики Азиатской России. *ЭКО*. № 1. С. 121-140. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-121-141

Kryukov, V. A., Susliv, N. I., Yagolnitser, M. A. (2022). On the fundamentals of economic development in Asian Russia. *ECO*. no. 1. pp. 121-140. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-121-141. (In Russ.)

Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации (табл. 4.2). (2002). [Электронный ресурс]. *Федеральная служба государственной статистики*. Всероссийская перепись населения 2002 года. Т.14: Сводные итоги. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12> (дата обращения: 15.10.2023).

National Composition of the Population by Constituent entity of the Russian Federation (Table 4.2). (2002). [Online]. *Federal State Statistics Service*. All-Russian Population Census of 2002. Vol. 14. Summary results. Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12> (Accessed: 15 October 2023). (In Russ.)

Национальный состав населения по субъектам РФ (табл. 7). (2010). [Электронный ресурс]. *Федеральная служба государственной статистики*. Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results.html (дата обращения: 15.10.2023).

National Composition of the Population by Constituent entities of the Russian Federation (Table 7). (2010). [Online]. *Federal State Statistics Service*. All-Russian Population Census of 2010. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results.html (Accessed: 15 October 2023). (In Russ.)

Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г. (2017). [Электронный ресурс]. *Правительство России*. URL: <http://government.ru/docs/27960/> (дата обращения: 15.10.2023).

On approval of the Fundamentals of State Policy for Regional Development of the Russian Federation for the period until 2025. (2017). [Online]. *The Government of Russia*. Available at: <http://government.ru/docs/27960> (Accessed: 15 October 2023). (In Russ.)

Петрова, Е. В. (2008). Русское население в этносоциальной структуре республик Сибири: демографические аспекты развития. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. № 1 (57). С. 325-329.

Petrova, E. V. (2008). Russian Population in the Ethnosocial Structure of the Republics of Siberia: Demographic Aspects of Development. *Tambov University Review. Series: Humanities*. no. 1 (57). pp. 325-329. (In Russ.)

Размахнина, Ю. С. (2021). *Этнический фактор политико-географических процессов в Восточной Сибири*. Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Иркутск. 24 с.

Razmakhnina, Yu. S. (2021). *Ethnic Factor of Political-Geographical Processes in Eastern Siberia*. Extended abstract of candidate's thesis. Irkutsk. 24 p. (In Russ.)

Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат. 1122 с. (2022). [Электронный ресурс]. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: http://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения: 15.10.2023).

Regions of Russia. Socio-economic indicators. Statistical collection. Moscow. 1122 p. (2022). [Online]. *Federal State Statistics Service*. Available at: http://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (Accessed: 15 October 2023). (In Russ.)

Руднева, В. А. (2018). Оценка потенциала реиндустриализации республик Восточной Сибири. *Республики на востоке России: траектории экономического, демографического*

и территориального развития. Сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Улан-Удэ: ИМБИТ СО РАН. С. 266-278.

Rudneva, V. A. (2018). Assessment of the Potential for Reindustrialization of the Republics of Eastern Siberia. In *Republics in the East of Russia: Trajectories of Economic, Demographic and Territorial Development*. Collection of Scientific Articles Based on the Results of the All-Russian Scientific and Practical Seminar. Ulan-Ude. pp. 266-278. (In Russ.)

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. (2019). [Электронный ресурс]. *Правительство России*. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 15.10.2023).

Spatial development strategy of the Russian Federation for the period until 2025. (2019). [Online]. *The Government of Russia*. Available at: <http://government.ru/docs/35733> (Accessed: 15 October 2023). (In Russ.)

Стратегия социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона до 2025 года. (2009; с изм. 2023). [Электронный ресурс]. *Правительство России*. URL: <http://government.ru/docs/33593> (дата обращения: 15.10.2023).

Strategy for the socio-economic development of the Far Eastern Federal District and the Baikal region until 2025. (2009). [Online]. *The Government of Russia*. Available at: <http://government.ru/docs/33593> (Accessed: 15 October 2023). (In Russ.)

Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года. (2023). [Электронный ресурс]. *Правительство России*. URL: <http://static.government.ru/media/files/drWrVydZYzvipBV3mBNArxTlXlgtuAM.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).

Strategy for the socio-economic development of the Siberian Federal District until 2035. (2023). [Online]. *The Government of Russia*. Available at: <http://static.government.ru/media/files/drWrVydZYzvipBV3mBNArxTlXlgtuAM.pdf> (Accessed: 15 October 2023). (In Russ.)

Фадеева, О. П., Нефедкин, В. И. (2023). Сельские агломерации в сибирских реалиях: аргументы «за» и «против». *Развитие социально-экономического, научно-технологического потенциалов регионов как фактор укрепления позиции России в современном мире*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Десятилетию науки и технологий в Российской Федерации, Году молодежи в Республике Хакасии (5-8 июля 2023). Абакан: Хакасское книж. изд-во им. В. М. Торосова С. 253-260.

Fadeeva, O. P., Nefyodkin, V. I. (2023). Rural Agglomerations in Siberian Realities: Pros and Cons. In *Development of Socio-economic, Scientific and Technological Potentials of the Regions as a Factor in Strengthening Russia's Position in the Modern World*. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to the Decade of Science and Technology in the Russian Federation, the Year of Youth in the Republic of Khakassia (5-8 July 2023). Abakan. pp. 253-260.

Сведения об авторе / Information about the author

Ерохина Елена Анатольевна – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: leroh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1513-4557>

Статья поступила в редакцию: 15.10.2023

После доработки: 20.11.2023

Принята к публикации: 30.11.2023

Erokhina Elena – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: leroh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1513-4557>

The paper was submitted: 15.10.2023

Received after reworking: 20.11.2023

Accepted for publication: 30.11.2023

УДК 308+303

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ НАШЕСТВИЕ

И. Ю. Заринов

Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва)
izarinov@yandex.ru

Аннотация. Автор исследует проблему изучения феноменов этноса и этничности в контексте сравнительного анализа отечественной теории этноса и западной концепции этничности. Их многолетняя оппозиция на фоне изменения отечественной идеологии с социалистической на буржуазную привела к доминированию конструктивистской модели понимания феномена этнического. Обосновывается вывод, что в ней монополющую позицию занял антропологизм, претендующий на исследование любых социально-культурных проблем современного общества. Нынешняя попытка группы ученых защитить теоретические достижения отечественных этнографов / этнологов наталкивается на устоявшийся стереотип мышления, сложившийся в постсоветское время.

Ключевые слова: антропология (физическая, социально-культурная), этнография / этнология, социум, историзм, теория этноса, концепция этничности, этнополитика.

Для цитирования: Заринов, И. Ю. (2023). Антропологическое нашествие. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 4. С. 155-167. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.155-167

ANTHROPOLOGICAL INVASION

I. Yu. Zarinov

Institute of Ethnology and Anthropology of RAS (Moscow)
izarinov@yandex.ru

Abstract. The author of the article explores the problem of studying the phenomena of ethnicity and ethnic identity based on the analysis of the national theory of ethnicity and the Western concept of ethnicity. Their long-term opposition against the background of the change of the national ideology from socialist to bourgeois led to the dominance of the constructivist model of understanding the phenomenon of “ethnic” in society. Anthropologism has taken a monopoly position in it, claiming to study any socio-cultural problems of modern society. The current attempt by a group of scientists to defend the past theoretical achievements of domestic ethnographers / ethnologists comes across an established stereotype of thinking that developed in the post-Soviet era.

Keywords: anthropology (physical, socio-cultural), ethnography / ethnology, society, historicism, ethnic theory, the concept of ethnicity, ethnopolitics.

For citation: Zarinov, I. Yu. (2023). Anthropological Invasion. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 4. pp. 155-167. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.155-167

Проблематизируя заявленную тему, целесообразно оттолкнуться от важных положений не потерявшей своей актуальности статьи «Этнография и культурная / социальная антропология на Западе» Ю. П. Аверкиевой [Аверкиева, 1971] – ученицы выдающегося американского антрополога Франца Боаса. Даная работа как нельзя лучше проливает свет

на процессы, происходившие в истории западной антропологии, которая стала позиционировать себя в качестве таковой далеко не сразу, а в результате долгих поисков самой себя (своего предмета) среди других социальных наук, в частности: истории, этнографии, этнологии, социологии и культурологии. В контексте обсуждаемой проблемы целесообразно воспроизвести несколько значимых выводов и фрагментов из указанной статьи.

Антропология на Западе в качестве научной дисциплины появилась под именем «этнология», но фактически занималась этнографическими исследованиями. Эта научная дисциплина уже при своем рождении поставила себе цель изучения человека во всех его проявлениях. Последовательно одно за другим возникли этнологические общества в Париже, Нью-Йорке и Лондоне (1839, 1842, 1843). «Вторжение» в этнологию термина «антропология» было связано с расколом Лондонского этнологического общества и возникновением отделившегося от него Антропологического общества (1863). Формальной причиной раскола стали разногласия по проблеме рабства (этнологи были его противниками, отделившаяся часть под знаменем антропологии оправдывала его). Однако в 1871 г. оба общества слились под названием Антропологический институт Великобритании и Ирландии. С этого времени за антропологической наукой закрепилось понимание ее как дисциплины о физическом строении человека вместе с его социальной сущностью [Там же, с. 9]. Физическая (биологическая) антропология еще не имела статуса самостоятельной научной дисциплины, что произошло позже с ростом ее востребованности и возрастания роли социальной (Англия) и культурной (США) антропологий.

«Идейной основой понимания антропологии как универсальной науки о человеке и его деятельности является философский антропологизм, выдвигающий на передний план проблемы человеческой сущности, рассматривающий общество как производное естественных особенностей, потребностей и устремлений человека. Этот антропологизм был характерен для взглядов многих философов XVIII–XIX вв., называвших антропологией общую науку о человеке. Материалисты и идеалисты по-разному трактовали принципы антропологизма. Одни в расовых особенностях народов (антропосоциология) искали оправдание социального неравенства, рабства и эксплуатации. Другие (Спиноза, Дидро, Гольбах, Оуэн, Фейербах) придавали антропологизму революционную гуманистическую направленность, осуждая частную собственность, эксплуатацию как явления, не соответствующие человеческой сущности» [Там же, с. 9]. Здесь важным тезисом является указание на то, что антропологизм развел по разные стороны баррикад представителей идеалистического и материалистического понимания человека и общества¹. Возникает так называемый *философский антропологизм*, основной ошибкой которого, по мнению Ю. П. Аверкиевой, «... было понимание человека как биологического существа с абстрактной извечно данной и неизменной сущностью. Марксизм, как известно, последовательно развивает учение о человеке как существе общественном, о детерминированности сущности человека его общественным бытием» [Там же, с. 9-10].

Отсюда можно сделать вывод, в котором раскрывается сущность расхождения отечественной теории этноса и западной концепции этничности. Первая строит свое понимание человека и общества на принципах исторического материализма, вторая

¹ В дальнейшей истории и по сей день главенствует первая точка зрения, воплотившаяся в концепции этничности, но, главным образом, в одном из ее течений – конструктивизме.

основывается на принципах философского антропологизма, на основе которого «... пытаются создать философскую антропологию, как некую “гуманистическую” социально-философскую систему. Эту систему пытаются противопоставить якобы “антигуманистическим” традициям марксистской философии» [Там же, с. 10]².

Теперь самое главное, на чем я постоянно делаю акцент, говоря о парадигмальной сути западной социально-культурной антропологии в контексте взгляда ее адептов на человека и общество. В нем превалирует социологический подход и в меньшей степени заметен подход историко-культурный, свойственный этнографии / этнологии, хотя полностью отождествлять английских социальных антропологов с социологами было бы неверно. Этот вопрос Ю.П. Аверкиева трактует таким образом: «Особую актуальность приобрел за последнее время вопрос о соотношении социальной антропологии и социологии. Американские этнографы, полемизируя с английскими, нередко называли их просто социологами (*И в этом они действительно правы*. Примеч. автора). Англичане не возражали против этого и не раз подчеркивали, что социальная антропология – это часть социологии, занимающаяся изучением примитивных обществ. Это различие социальной антропологии как науки о первобытности и собственно социологии, изучающей современные общества, широко распространено среди социологов и этнографов различных стран. Особенно отчетливо это прозвучало на VI Международном социологическом конгрессе, где проблемой соотношения социологии и этнологии была занята специальная рабочая группа. В Скандинавских странах социальная антропология является частью социологии и обособлена от этнографии. В нашей социологической литературе мы нередко встречаемся с полным отождествлением западных социальных антропологов с социологами. Думается, что это неверно. Большинство социальных антропологов Англии и других стран по характеру своих исследований являются все же скорее этнографами, в нашем понимании, чем социологами. Это признавал в свое время Р. Лоуи: “Я принимаю британских социальных антропологов, – писал он, – за подлинных этнографов, за ученых, целиком посвятивших себя изучению важного аспекта культуры”» [Там же, с. 14]. Можно предположить, что именно эта, пусть даже слабая, склонность британской социальной антропологии к исторической этнографии, в конце концов, способствовала объединению ее с американской культурной антропологией. По-моему, однако, в уже объединенной социально-культурной антропологии социологический аспект все-таки превалирует над культурологическим³. Поэтому, может быть, в названии самой науки «социальное» находится на первом месте (*Но скорее всего это произошло случайно и произвольно*. Примеч. Автора).

На вопрос о том, чего должно быть больше в этнографии: истории или социологии, Ю.П. Аверкиева отвечает следующим образом: «В настоящее время много говорится и пишется о соотношении этнографии и истории. Трактовка соотношения и границ между этнографией и историей зависит от определений, даваемых учеными истории как науке, от их понимания ее предмета и методов исследования. Так называемая “историческая” школа, господствовавшая в американской этнографии с конца XIX в. до 1930-х гг. и нередко

² В действительности все наоборот: учение Маркса, как никакое другое, преследует гуманистические принципы понимания исторического, социального и культурного развития человека и общества в целом.

³ Об этом свидетельствует особое внимание конструктивистов к социологической составляющей в их трактовке феномена этничности.

называемая “школой Боаса”, понимала историю как прослеживание диффузии отдельных черт культуры и заимствование их одними народами у других (так понималась история и диффузионистской культурно-исторической школой в Европе). Эта школа называла себя “исторической”, и в этом отношении была очень близка “исторической” школе права [Там же]. Однако, по словам Аверкиевой, «... ее антиисторизм убедительно был показан К. Марксом. Понимание истории как науки, изучающей ход исторических событий лишь у народов, имеющих письменность, породило представление о существовании народов “исторических”, т. е. имеющих историю, и народов “доисторических”. Разграничение наук в связи с этим было довольно простым: история – наука о народах исторических, этнография – о народах доисторических. Теперь уже часто в кругах западных исследователей появляются высказывания против деления народов на исторические и “доисторические”. Решающим фактором для подобной трансформации взглядов был выход на международную арену так называемых “доисторических” народов и выступления ученых, вышедших из среды этих народов. Различие между историками и этнографами видят сейчас прежде всего в характере источников, которыми они пользуются: историки – письменными источниками, этнографы же всецело полагаются на собранные ими в поле данные. В связи с этим полевая работа этнографов рассматривается как основа всей их деятельности (*И это справедливо, так как без конкретных полевых исследований этнография / этнология теряет свою предметную основу и, в конце концов, лишается своей научной специфики.*Примеч. Автора).

Появление в американской науке “этноистории” или “исторической этнологии” рассматривается многими учеными как яркое проявление сближения этнографии и истории. Одни понимают это сближение как “интеграцию структурного и исторического подходов” к пониманию культуры, как сочетание диахронного и синхронного методов исследования. Историки видят в этноистории историю в широком смысле, включающую в предмет исследования бесписьменные народы. Сами же этноисторики определяют этноисторию как метод изучения этнического развития того или иного народа на основе сочетания данных письменных источников с археологическими и этнографическими материалами. Бесспорно то, что этноисторики – это наиболее исторически ориентированные этнографы или культурные антропологи США» [Там же, с. 15].

Последний тезис бесспорно можно отнести к российской этнографии / этнологии, в которой принцип историзма, среди прочих, был всегда доминирующим. И он, таким образом, сближает отечественную науку о народах с американской культурной антропологией⁴. Этот факт подтверждает один из тезисов статьи Ю. П. Аверкиевой: «... Вся совокупность исследований “культурных антропологов” США позволяет сделать вывод, что американская “культурная антропология” ближе всего к этнографии в нашем понимании, и совершенно излишним представляется засорение нашей терминологии такими неверными по существу выражениями как “американская школа культурной антропологии” и что этнографы США – “представители школы культурной антропологии”. Очевидно, что это не школа, а в истории американской этнографии (или “культурной антропологии”) складывались различные школы» [Там же, с. 16]. Обобщая приведенные положения из статьи Ю. П. Аверкиевой, можно сделать следующий вывод: история развития западной

⁴Это подтверждает тот факт, что в критике теории этноса американские антропологи не были столь категоричны, как британские.

антропологии полна различных метаморфоз: от исторической этнографии поля к теоретической этнологии и, наконец, к социально-культурной антропологии, возникшей в результате объединения американской культурной и британской социальной антропологий. В принципе все эти ипостаси указывают на то, что исследовался один и тот же историко-социально-культурный феномен, каким является народ в обыденном его понимании, но в науке обозначаемый понятием-термином «этнос». То же самое, но лишь со своими нюансами происходило и в истории развития отечественной (русской, советской) этнографической / этнологической науки. Правда, с одной поправкой: в ней по сравнению с западным опытом, в котором доминировал прикладной принцип в работах так называемых «правительственных антропологов», работавших в колониальных странах, акцент делался на изучение народов и их культур в чисто научном, академическом аспекте. Именно поэтому и там и там складывалась разная концептуальная направленность в интерпретации фактического материала, получаемого в полевых исследованиях. Примером такого различия могут служить персонально Н.Н. Миклухо-Маклай, С.М. Широкогоров, С.П. Толстов, С.А. Токарев – с русско-советской стороны, и Э. Тайлор (Тэйлор), Б.К. Малиновский, Л.Г. Морган, Ф. Боас – с англо-американской стороны.

Различие научных стратегий в этнографических / этнологических исследованиях западных и отечественных специалистов еще больше усилилось в советское время, когда в России (СССР) господствовала идеология диалектического и исторического материализма. И главным образом оно наблюдалось в области теории и методологии этнонауки, которая на западе позиционировала себя уже в качестве социально-культурной антропологии. Ее появление в результате объединения американской культурной и британской социальной антропологии было не только делом времени, оно определялось и близостью их научной парадигмы, основанной на буржуазной идеологии развития человеческого общества. Следование этой парадигме сыграло решающую роль в переходе отечественных этнографов / этнологов от прежней идеологии, присущей социальным наукам до распада Советского Союза, на рельсы западной социально-культурной антропологии. В какой степени этот процесс имел чисто научную составляющую, сказать трудно. Ясно только одно: состоялась попытка, и не безуспешная, объявить русско-советское наследие в области теории и методологии этнонауки якобы несостоявшимся, маргинальным и отставшим от общепризнанных достижений в мировой науке. В результате отечественная постсоветская этнография / этнология не только встроилась в качестве арьергарда в западную социально-культурную антропологию, но и приняла ее название. И теперь любые исследования социально-культурного содержания имеют в начале своего названия слово «антропология», что, по моему мнению, приводит к нарушению баланса между специализациями ряда общественных наук.

Определенным образом это явление отражено в моей монографии «Этнос и этничность. Ретроспективный взгляд на проблему» [Заринов, 2023], в которой отмечается, что в самой значительной степени антропологизм присутствует в конструктивистском направлении западной концепции этничности. В основе конструктивистского взгляда на этнический феномен почти полностью отсутствует историко-культурная основа этноса с его материально-духовной культурой и языком, зато превалирует социально-психологический аспект этничности, понимаемой ими как форма социальной организации культурных различий с границами, определяющими этнические группы с их

самоопределением на фоне отличая от других подобных групп. Таким образом, почти все исследования с этническим содержанием у представителей концепции этничности, особенно в лице конструктивистов, обрели форму антропологизма. Вот несколько примеров, когда тематика других дисциплин, в частности, этнографии / этнологии подается под рубрикой «Научные статьи раздела Антропология» [Научные статьи раздела Антропология ...]:

1. Шуляр Э. Ю. Татуировка народа айну на островах Сахалина и Хоккайдо.
2. Латышев К. И. Дискуссия на тему билингвизма на страницах украинской периодики.
3. Понедилок А. И. Суицид как вид разрушения личности (философско-религиозный анализ).
4. Стасив И. В. Загадочные геоглифы пустыни Сарыесик-Атырау Южного Прибайкалья.
5. Таранцова А. В. Современные представления о профессиональной компетентности, сущность термина «компетентность».
6. Коршнина Г. А. Татаро-мордовские взаимосвязи в обрядах, сопровождавших рождение ребенка.
7. Дыдров А. А. «Новояз» Англо-соц как форма «согласия».
8. Бобрихин А. А. Обрядовое моделирование жилого пространства.

Комментарии, как говорится, излишни. К социально-культурной и тем более физической антропологии выше приведенные темы исследований отнести трудно, даже с большой силой воображения. Повторюсь, это смешение жанров произошло в основном в постсоветское время, когда отечественные гуманитарные науки под влиянием идеологического наступления западной, в основном американско-британской социально-культурной антропологии, оказались в роли интерпретаторов ее основных теоретических и методологических концептов. И антропология, как наука о человеке, превратилась в нечто похожее на демиурга всего и вся.

Очень точно и аргументированно об этом говорит Ю. В. Попков, фиксируя доминирование антропологического дискурса, часто формального, в исследовании этнической тематики, что проявляется в наличии огромного количества форумов и публикаций, предметная область которых обозначается как антропология: от антропологии пола, телесности и повседневности до экономической, политической, юридической антропологии. «Практически любые проявления жизни, – продолжает он, – и не только отдельных людей, но также социальных групп и общества в целом, теперь рассматриваются под антропологическим прицелом. Правда, часто авторы не отдают себе отчет в том, правомерно ли их исследование именовать антропологическим, просто следуют заданной установке, современной “моде”» [Попков, 2023б, с. 15]. В этой связи автор статьи ставит закономерный вопрос: «А что же с традиционной отечественной этнографией?» И отвечает на него следующим образом: «Этнографические исследования продолжают проводиться, но они, можно сказать, не находятся в тренде. В качестве самостоятельного научного направления в российском социогуманитарном знании сохраняется также этносоциология, ориентирующаяся на анализ социального измерения этнической тематики. В определенном смысле можно говорить о ее некотором фрагментарном оживлении применительно к отдельным проблемным сегментам. Это произошло, например, после принятия в 2012 г. Стратегии государственной национальной политики РФ. В частности, актуализирована потребность в отслеживании состояния межнациональных (межэтнических) отношений, а главное, акцентирована необходимость измерения уровня

общероссийской (гражданской) идентичности. Обеспечение высоких позитивных относительных (процентных) данных по этим позициям обозначено как достижение фундаментальных целевых показателей реализации Стратегии» [Там же].

Продолжая затронутую выше тему, необходимо сказать, что если в советское время национальная политика была отдана на откуп «истматчикам», как образно их назвал С. В. Чешко, – специалистам, близким к современным политологам, то теперь вопросами этой политики занимаются все, кому попало: социологи, культурологи, историки, психологи, и даже вездесущие журналисты. Но более всех, и видимо это правильно, оценка и прогнозирование национального развития любого общества, и российского в частности, находится в руках этнополитологов. Однако современная этнополитология несет на себе ту же печать антропологизма, тогда как национальная проблематика не может рассматриваться вне исторического контекста. Социально-культурная же антропология, как это видно из анализируемой статьи Ю. П. Аверкиевой, историзм, как метод своих исследований, если не исключала полностью, то использовала незначительно. Ее в основном интересовали социально-культурный и политический вопросы, поскольку исследования проводились преимущественно среди народов колониальных стран; и при наличии в них чисто научного (академического) аспекта превалировала все-таки прикладная составляющая, используемая в политических целях правящим классом метрополий, а если быть точнее, сначала феодальных, а затем буржуазных правительств⁵. Это повлияло на окончательное установление предмета западной этнографии / этнологии. Она в поиске между культурологией и социологией к последней трети двадцатого столетия выбрала преимущественно антропологический дискурс, охватывающий широчайший круг вопросов вокруг социального и культурного контекстов. Антропология, по словам, приписываемым великому структуралисту К. Леви-Стросу, – это наука о тотальном человеке. Антропологизм позволил избежать, если сравнивать с российско-советской этнографией / этнологией, появление таких научных смежных с этнологией дисциплин, как этносоциология, этнопсихология, этнополитика и других с приставкой «этно». Эти смежные с этнографией / этнологией дисциплины, существовавшие в прежней научной практике отечественных ученых, по сути «растворила» в себе социально-культурная антропология, теоретически оказавшаяся в центре западной концепции этничности и ставшая доминирующим направлением также среди большинства постсоветских этнографов и этнологов.

Проблеме оппозиции концепции этничности в отношении к отечественной теории этноса посвящена моя упоминавшаяся монография, в которой наряду со многими важными вопросами, касающимися феноменов этноса и этничности, рассматривается и проблема всеядности антропологии и ее заявке быть сквозной в социальных науках, что проявляется в последнее время в чем-то, вроде «моды» [Заринов, 2023]. В книге, в частности, показано, почему и как произошла кардинальная трансформация предметного поля и методологических оснований в изучении этнического феномена. Главное здесь – исключение из обращения «этноса» как базового понятия отечественной науки

⁵ В советское время национальная повестка тоже имела большое значение, особенно при создании СССР и его исчезновении. Ее недооценка в позднее советское время сыграла одну из роковых причин распада Советского Союза.

и соответствующей теории, замена их соответственно на «этничность» и одноименную концепцию с принципиально разными методологическими основаниями и ориентирами. В свою очередь, это являлось следствием распада СССР и замены идеологии (с социалистической на буржуазную), что привело к диффамации всех сторон развития общества, в том числе в сфере науки [Заринов, 2023, с. 7]. Данный процесс подробно анализируется также Ю. В. Попковым [Попков, 2023а, с. 139-141].

Предвижу возражения типа: истинная наука находится вне идеологических принципов, являясь средством постижения истины. И деление ее в зависимости от социально-экономических и политических пристрастий ученого вряд ли допустимо. В идеале это возможно так и есть, если речь идет об естественных науках, но в области обществоведческих дисциплин мировоззрение исследователя, как подтверждает научная практика, играет важную роль. И его смена одного на другое – это сложный и болезненный процесс, неизвестно чем заканчивающийся. Но обычно и чаще всего он находится в орбите конъюнктурных причин. Данный факт, к сожалению, имел место в отечественном гуманитарном знании, и преимущественно в историко-социальных науках.

Стоит напомнить, что на универсализм в решении многих научных задач претендовала когда-то и этнология, что можно увидеть в заявлениях С. М. Широкогорова – ученого во многом предопределившего развитие теоретической этнологии. В какой-то момент он пришел «... к идее объединить такие науки, как физическая антропология, этнография и языкознание, синтезировав их в новое научное направление под названием “этнология”». Это, по его определению, «есть наука об этносе как форме, в которой развилось и живет человечество, т. е. этнология, как и биология, открывает законы жизни человека как вида, а, следовательно, его мышления и науки как результата мышления, и, таким образом, этнология является венцом знания человека» [Широкогородов 1923, с. 33]. Однако он, как ученый, постоянно сверявший свои теоретические воззрения на этнос с практикой своих полевых исследований среди тунгусо-маньчжурских народов, пришел к выводу, что «... классификации с антропологической, лингвистической и этнографической точки зрения до настоящего времени еще не дали возможности построить согласованную схему. Быть может, ввиду неустойчивости всех признаков и легкой заимствованности их, этого и невозможно сделать вообще» [Там же, с. 46]. Другими словами, этнология, при всех ее заявках быть универсальной наукой в изучении человека и его общества, имеет в этом деле определенные пределы, что свойственно любому научному знанию. Оно, по-моему, должно избегать крайностей, как догматизма, так и релятивизма, особенно процветающего в новейшее время.

Именно ему свойственно, о чем говорилось выше, насаждать монополизм антропологии в любых научных исследованиях, посвященных истории, культуре, социальным связям и другим процессам, происходящим внутри народа (этноса) и за его пределами. Однако этому монополизму препятствует тип мышления, сохранившийся от прежних отечественных корифеев этнонауки. К примеру, таких, как М. Н. Могиланский, С. М. Широкогородов, С. П. Толстов, Ю. В. Бромлей, С. А. Арутюнов, В. И. Козлов, С. А. Токарев и многих других. Именно поэтому «... победоносного этнологического поворота в российском научном дискурсе не произошло, окончательного преодоления отечественной традиции в исследовании этнического феномена не случилось. Анализируемый процесс оказался противоречивым с ярко выраженными неоднозначными последствиями. Реальность демонстрирует сложное

переплетение разнообразных проявлений этнического: материальных и духовных, объективных и субъективных, устойчивых и подвижных, структурных и процессуальных и т.д. Только учет всего комплекса этих проявлений может привести к адекватному пониманию сущности рассматриваемого явления и оценки его истинной роли в современной общественной жизни» [Попков, 2021, с. 228]. Не могу не поддержать этого мнения. По сути этому же посвящена моя упомянутая монография, а также ряд других работ, среди которых особо стоит отметить книгу Р. А. Данакари «Этническое бытие (опыт философского и политического исследования)» [Данакари, 2015].

Несколько извлечений из нее считаю целесообразным сделать в контексте обсуждаемой темы. «... Абсолютизация постмодернистских концепций, – пишет автор, – привела к игнорированию базисной, философской составляющей этнической проблематики, методологической растерянности и теоретическому эклектизму, падению престижа фундаментальных, философских исследований в области этноса и этничности. Социальная практика современности и непрерывность, преемственность в развитии науки демонстрируют необходимость нового возвращения к более глубокой проработке теоретических и методологических проблем этноса и нации, что, естественно, является исключительно прерогативой философии» [Там же, с. 216]. И дальше: «Дискуссии по вопросам природы и сущности этноса и нации, которые периодически возобновляются в современной науке, являются спорами не терминологического свойства, а свидетельствуют о достаточной серьезности и глубине характера проблемы. В отличие от западной этнологии, отрицающей совместимость двух концептов, мы считаем, что формирование идеи нации как согражданства и концепции этнической нации является объективным процессом. Соперничество этих двух концепций действительно имеет место, но идея нации как согражданства не является универсальной и общепризнанной в мире. В XX веке в результате общественного развития сформировались два типа нации, уже не в виде концептуальной, а социальной реальности. Они проходили разными путями в России и европейских странах, приобрели особое значение в наши дни» [Там же]. И наконец, что представляется мне самым важным в оценке действительного положения вещей на «этническом фронте» в настоящее время: «Социально-философское исследование этнического бытия подтвердило значимость всех признаков этноса как субстанциональных и системообразующих элементов единой универсальной системы, где решающую роль играют и природно-биологические, и социокультурные, духовно-ментальные факторы. Одновременно выявлен механизм функционирования этнического бытия в процессе развития социальной системы. Установлено наличие достаточно сложной и противоречивой цепи взаимодействий между социальным и этническим, выявлены особенности доминирования каждого из них на различных этапах метаэволюционного и исторического процесса» [Там же, с. 318].

Однако, несмотря на существование лагеря обоснованных критиков ограничений и издержек этнического конструктивизма⁶, активно проповедующего явление, которое в данной работе метафорично названо «антропологическим нашествием», оно в настоящее время занимает все-таки доминирующее положение в этнонациональном дискурсе.

⁶ Осмелюсь назвать нескольких из них. Это ныне здравствующие: Ю. В. Попков, А. М. Кузнецов, С. А. Арутюнов, И. Ю. Заринов. И уже ушедшие от нас: Ю. И. Семенов, С. В. Чешко, В. Н. Басилов, В. И. Козлов, С. А. Токарев.

В отечественной научной практике антропологический тренд активно продвигается академиком В. А. Тишковым через публикацию своих книг [Тишков, 2001; Тишков, 2003] и статей [Тишков, 1994; Тишков, 2016], а также посредством участия в различных общественных и государственных структурах⁷.

Здесь необходимо сказать, что в противоположность позиции ученых социально-культурной антропологии не признавать достижения в области теории и методологии российско-советской этнографии / этнологии, ее ученые достаточно позитивно оценивали и оценивают теоретические взгляды своих оппонентов в этнонауке. Например, Ю. В. Попков пишет: «...Было бы наивно и даже глупо утверждать, что конструкты сознания не присутствуют в нашей жизни или что они не играют в ней значимой роли. В эпоху информационного общества, наличия мощных СМИ и глобальных сетей социальные конструкты не только имеют широкое распространение, но сплошь и рядом влияют на поведение отдельных людей, групп и целых сообществ. Это же относится к проблеме идентичности, которая в настоящее время превратилась в одну из главных тем в рамках многих научных направлений социогуманитаристики» [Попков, 2021, с. 228].

Если сравнивать российскую и западную традиции изучения этнического феномена, то их разницу четко выразил А. В. Головнев: «... главным героем российской этнографии выступал конкретный народ, западной антропологии – универсальный человек» [Головнев, 2016, с. 61]. Однако с определенного времени, как показано выше, западный «универсальный человек» почти полностью заслонил собою российский «конкретный народ», так что почти любое исследование этнографо-этнологического контента в своей основе и названии имеет антропологический дискурс. Именно данное обстоятельство дает основание для названия данной статьи как «антропологическое нашествие».

Трюизм, который последует в выводах данной работы, необходим для того, чтобы объяснить нынешнюю монополию антропологии в социальных науках.

1. Наука, призванная изучать историю, культуру, коллективное сознание народов (этносов) в своем развитии поэтапно претерпевала различные трудности, в частности, в поисках своего предмета и соответственно своего имени. В ее основе было стремление людей узнавать территории близких соседей, а также постигать далекие пространства в путешествиях по Эйкумене. На основе этого стремления в глубокой древности возникло научное знание под названием «география» (гео – земля, графо – описываю). Но эти земли населялись различными культурными группами людей, организовывавшимися в определенное время (этногенез) в народы-этноты, изучение которых и легло в основу науки под названием «этнография». Развиваясь и совершенствуя свои методы исследований, а также постигая свой предмет, выходя на теоретическое обобщение, этнография приобретает новые горизонты изучения народа-этноты, получив название «этнология». В отечественной научной традиции уже в рамках этнологии (или теоретической этнографии) возникает теория этноты, объясняющая природу существования и развития народа-этноты в исторической перспективе. В зарубежной этнографии / этнологии состоялось ее превращение в социально-культурную антропологию, что подробно описано в статье Ю. П. Аверкиевой [Аверкиева, 1971].

⁷ В.А. Тишков является основателем и лидером отечественной научной школы интерпретивной социально-культурной антропологии, членом Президентского Совета, членом коллегии Министерства регионального развития, научных советов МИДа и Совбеза России.

2. Это превращение происходило, когда отечественная этнография / этнология также определяла свой предмет, и на начальном этапе этого процесса стояли такие ученые, как Н. И. Могиланский и С. М. Широкогоров, сформулировавшие понятие и термин – «этнос», которое стало научным эквивалентом многозначного и обыденного слова «народ». С этого момента этнос приобретает статус теоретической категории, на основе которой впоследствии возникает теория этноса, созданная коллективом советских ученых во главе с академиком Ю. В. Бромлеем.

3. Именно в это время стало очевидным различие научных стратегий отечественных и западных ученых в понимании этнического феномена в социуме. Отечественная этнография / этнология стала противостоять британо-американская социально-культурная антропология, которая с момента смены в России идеологии с социалистической на буржуазную нашла в ней своих сторонников. Произошел процесс встраивания некоторых из них в качестве арьергарда в западную социально-культурную антропологию. Заодно и название этнонауки в нынешней постсоветской России сменилось с этнографии / этнологии на социально-культурную антропологию. Именно этим можно объяснить, что почти любое исследование, имеющее социально-культурное содержание, сопровождается ныне в начале своего названия словом «антропология». В конце концов, антропология заполонила собой другие научные дисциплины, взяв на себя функции науки обо всем, что касается человека и общества. Так она лишила другие научные дисциплины их специализации, но более всего это коснулось этнографии и этнологии. Этнический конструктивизм взял на себя роль непререкаемого авторитета, как на Западе, так и в современной постсоветской России. Но, как известно, в науке, как и в других областях интеллектуального творчества, монополизм какой-либо идеи не является продуктивным явлением, он не способен привести к реальному прогрессу в рассматриваемой сфере.

Список литературы / References

- Аверкиева, Ю. П. (1971). Этнография и культурная / социальная антропология на Западе. *Советская этнография*. № 5. С. 9-16.
- Averkieva, Yu. P. (1971). Ethnography and Cultural / Social Anthropology in the West. *Soviet ethnography*. no. 5.pp. 9-16. (In Russ.)
- Головнев, А. В. (2016). Этнокультурный потенциал и полиэтничность (российский ракурс). *Вестник Томского государственного университета. История*. № 4 (42). С. 61-67.
- Golovnev, A. V. (2016). Ethnocultural potential and multi-ethnicity (Russian angle). *Bulletin of Tomsk State University. History*.no. 4 (42). pp. 61-67. (In Russ.)
- Данакари, Р. А. (2015). *Этническое бытие (опыт философского и политического исследования)*. Волгоград. Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС. 348 с.
- Danakari, R. A. (2015). *Ethnic Being (Experience of Philosophical and Political Research)*. Volgograd. 348 p. (In Russ.)

Заринов, И. Ю. (2023). *Этносиэтничность. Ретроспективный взгляд на проблему*. М. 236 с.

Zarinov, I. Yu. (2023). *Ethnos and ethnicity. A retrospective look at the problem*. Moscow. 236 p. (In Russ.)

Научные статьи раздела Антропология [Электронный ресурс]. *SCI-ARTICLE*. URL: <https://sci-article.ru/gryps.php?i=antropologiya> (дата обращения: 15.08.2023).

Scientific articles of the section Anthropology [Online]. *SCI-ARTICLE*. Available at: <https://sci-article.ru/gryps.php?i=antropologiya> (Accessed: 15 August 2023). (In Russ.)

Попков, Ю. В. (2021). Этнологическая модернизация в России и ее проявления в стратегических ориентирах государственной политики: парадигмальные основания и последствия. *Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник*. М. ИНИОН РАН. Вып. 16. Ч. 1. 1146 с. С. 226-228.

Popkov, Yu. V. (2021). Ethnological modernization in Russia and its manifestations in strategic guidelines of state policy: paradigm foundations and consequences. In *Russia: Development Trends and Prospects. Yearbook*. Moscow. pp. 226-228. (In Russ.)

Попков, Ю. В. (2023а). «Почва» в этничности. Традиции отечественного народоведения в испытании «перестройкой» и постмодернизм (постановка проблемы). *Новые исследования Тувы*. 2023. № 1. С. 137-153.

Popkov, Yu. V. (2023). "Soil" in Ethnicity. Traditions of Domestic Folk Studies in the Test of "Perestroika" and Postmodernism (Problem Setting). *New Researches of Tuva*. no. 1. pp. 137-153. (In Russ.)

Попков, Ю. В. (2023б). Этносоциальные процессы в концептосфере Новосибирской научной этносоциологической школы. *Гуманитарные науки в Сибири*. Т. 30. № 2. С. 14-23.

Popkov, Yu. V. (2023). Ethnosocial Processes in the Conceptosphere of the Novosibirsk Scientific Ethnosociological School. *Humanities in Siberia*. Vol. 30. no. 2. pp. 14-23. (In Russ.)

Тишков, В. А. (1994). Теория и политическая практика. *Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Материалы международного симпозиума. 18-20 апреля 1994 г.* Ч. 1. М. Информарт.

Tishkov, V. A. (1994). Theory and Political Practice. *Interaction of Political and National-ethnic Conflicts: Materials of the International Symposium. April 18-20, 1994*. Part 1. Moscow. (In Russ.)

Тишков, В. А. (2001). *Этнология и политика. Научная публицистика*. М. Наука. 240 с.

Tishkov, V. A. (2001). *Ethnology and Politics. Scientific Journalism*. Moscow. 240 p. (In Russ.)

Тишков, В. А. (2003). *Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии*. М. Наука. 544 с.

Tishkov, V. A. (2003). *Requiem for Ethnos. Research in Socio-Cultural Anthropology*. Moscow. 544 p. (In Russ.)

ТИШКОВ, В. А. (2016). От этноса к этничности и после. *Этнографическое обозрение*. № 5. С. 5-22.

Tishkov, V. A. (2016). From ethnos to ethnicity and after. *Ethnographic Review*. no. 5. pp. 5-22. (In Russ.)

Широкогоров, С. М. (1923). *Этнос. Исследования основных принципов изменения этнических и этнографических явлений*. Шанхай. 134 с.

Shirokogorov, S.M. (1923). *Ethnos. Studies of the Basic Principles of Changing Ethnic and Ethnographic Phenomena*. Shanghai. 134 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Заринов Игорь Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Москва, Ленинский проспект, 32а, e-mail: izarinov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 10.10.2023

После доработки: 20.11.2023

Принята к публикации: 30.11.2023

Zarinov Igor – Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Leninsky Prospekt, 32a, e-mail: izarinov@yandex.ru

The paper was submitted: 10.10.2023

Received after reworking: 20.11.2023

Accepted for publication: 30.11.2023

УДК 314.740; 316.742

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ТРАНЗИТЕ ПОНЯТИЯ НАЦИИ

Г. С. Солодова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
gsolodova@gmail.com

Аннотация. В статье предложены различные интерпретации понятия нации. Причина обращения к теме – парадокс между семантической неоднозначностью понятия и его одновременным активным использованием в научном и публичном пространстве. Статья основана на работах Р. Брубейкера, Э. Балибара, И. Валлерстайна. Помимо этого, представлен срез трактовок «нации» в российской истории. Отмечен переход от изначальной синонимизации с государством, народом в целом, к его редукции к понятию «этнос». Сделана попытка показать интеграционный потенциал понятия нации, заложенный в его исходных академических и политических смыслах.

Ключевые слова: постмодернистский поворот, нация.

Для цитирования: Солодова, Г. С. (2023). Несколько слов о постмодернистском транзите понятия нации. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 4. С. 168-175. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.168-175

A FEW WORDS ABOUT POSTMODERNIST TRANSIT OF THE CONCEPT OF NATION

G. S. Solodova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
gsolodova@gmail.com

Abstract. The article offers various interpretations of the concept of nation. The reason for referring to the topic is the paradox between the semantic ambiguity of the concept and its simultaneous active use in the scientific and public space. The article is based on the works of R. Brubaker, E. Balibar, I. Wallerstein. In addition, a cross-section of interpretations of the “nation” in Russian history is presented. The transition from the initial synonymization with the state and the people as a whole to its reduction to the concept of an ethnos is noted. An attempt is made to show the integration potential of the concept of nation, embedded in its original academic and political meanings.

Keywords: postmodern turn, nation.

For citation: Solodova, G. S. (2023). A Few Words about Postmodernist Transit of the Concept of Nation. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 4. pp. 168-175. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.168-175

Говорить об изменениях, трансформациях, подвижности мира стало доброй обывательской и научной традицией. Устойчивость и стабильность, как элементы повседневной жизни, приобрели качества непостоянства и фрагментарности. Данный феномен фиксируется на разных уровнях и в разных сферах социальной жизни. Более того, он приобрел сквозную структуру. Изменчивость стала реальностью и константой, базовым

атрибутом современного общества. Происходит появление и накопление нового социального опыта. В целом, это не является чем-то принципиально инновационным. Отличие – в скорости, непродолжительности его функциональности, быстрой замене новыми практиками. Важным является и то, что новые ориентиры носят глобальный, экстерриториальный и транснациональный характер.

«Человечество не является неизменной конструкцией, а представляет из себя нечто, постоянно меняющее свои границы в зависимости от конкретной ситуации. Быть может, народ не должен сохранять постоянства формы? ... Перед нами действительно нечто весьма любопытное, нечто, чьими главными чертами являются реальность непостоянства и отвержение этой реальности» [Валлерстайн, 2003, с. 92].

Среди главных факторов человеческих (human) изменений – электронные средства коммуникации и массовые миграции. Совместно воздействуя на «работу воображения», они формируют субъективность эпохи модерна. Согласно теории радикальной трансформации современности Арджуна Аппадурай, электронные посредники кардинально меняют все поле масс-медиа. Благодаря своей интенсивности и множественности форм, они предоставляют новые ресурсы и новые рамки для имажинативного конструирования человеческих «я» и социальных миров. Мир радикально изменился, стал более подвижным, группы мигрируют, *перегруппировываются* в новых местах, *реконструируют* свои этнические проекты, этно приобретает неуловимое, *нелокализуемое* качество. Ландшафты групповой идентичности (этноландшафты) перестали быть знакомыми антропологическими объектами в той степени, в какой группы не являются компактными, территориально ограниченными, культурно однородными [Фурс, 2003, с. 57-66].

Как «отрицательную реакцию на современность и ее глубокую культурную трансформацию» можно рассматривать постмодернистский поворот, произошедший в 60-е гг. прошлого века. Став «доминирующей тенденцией», он оказал глубокое влияние на академическую мысль, структуры мышления и мировосприятие. Произошел отказ от метанарративов – «масштабных, целостных объяснений того, как устроены мир и общество». Постмодернисты отказались от стремления «к аутентичности, объединяющим нарративам, универсализму». Были отвергнуты христианство и мораль, наука, рациональное мышление и столпы западной демократии. Постмодернизм «категорически» не приемлет, отвергает сами основы современных цивилизаций. Структуры мышления и общества были подвергнуты «экстремальным сомнениям». Уолтер Андерсон выделил четыре столпа постмодернизма, среди которых социальное конструирование понятия личности; релятивизм морального и этического дискурса. В данном контексте нас больше интересуют глобализационные последствия – рассмотрение любых границ как социальных конструкций, которые можно пересекать и реконструировать [Плакроуз, Линдси, 2022, с. 16-33]. Результат – снижение роли традиций, культурных норм, скептическое восприятие реальности, проблематизация привычного, плюрализм и двусмысленность.

Одной из сфер постмодернистского фокуса стало обращение к этно-национальной проблематике, расовому и культурному неравенству, что отчасти связано с активной миграцией в бывшие метрополии.

Понятие «нация» и его производные давно и прочно вошли в общественно-политическую практику. Будучи широко используемым и в чем-то даже ключевым,

тем не менее, оно не наделено сюжетной связностью. Его смысловое наполнение не является чем-то однозначным, и семантика определяется контекстом употребления. Представление нации как «некого исконного “проекта”, отмеченного этапами и осознаниями», «является ретроспективной иллюзией». Восприятие нации как цельного и линейного «проекта» несет в себе «императивные институциональные реалии». К таковым относится вера в то, что, несмотря на смену поколений, живущих примерно на одной и той же территории, существует некая константа – «неизменная субстанция». Миф об «истоках нации и национальной преемственности», который используется применительно как к «молодым», так и к «старым» нациям, служит «действенной идеологической формой, в которой каждодневно строится воображаемая исключительность национальных образований, нисходя от настоящего к прошлому» [Балибар, 2003, с. 102-103].

История понятия. Во времена Римской империи нации – окраинные сообщества и в некотором смысле неудачники. Для сообществ, которые обладали политической властью, существовало другое понятие «гендос» (благородный). В Средневековой Европе нации – это студенческие корпорации, сообщества, происходящие из одной области, региона. Вероятно, они были близки в языковом отношении, хотя в университетском пространстве все взаимодействовали на одном языке – латыни. Все изменилось в условиях Французской революции, французских революционных войн: «... нужно было найти какое-то слово, которое бы объединяло всех французов: мы из разных цехов, мы разного социального положения и разного вероисповедания, но мы все один народ, мы – нация» [Филиппов, 2007, с. 581].

Происходит расширение понятийного диапазона и выход на принципиально более высокий идентификационный уровень. Доминирование локальных и сословных идентичностей, соотнесение себя исключительно с монархом, феодалом, уходит в прошлое. Появилась новая ключевая и вмещающая, надсословная идентичность, которая объединила и постепенно инкорпорировала все сословия. В современной транскрипции ее принято обозначать как общегражданскую идентичность.

В России понятие нации появилось в начале XVIII в., почти одновременно с образованием Российской империи, и содержательно совпадало с понятием империи. Петр I использовал его как синоним империи и российского народа. Оно означало государственную принадлежность, суверенную политику и население ей принадлежащее. В целом в XVIII в. между понятиями *нация* и *империя* не было напряжения и противоречия [Миллер, 2012]. В этом смысле любопытен и актуален взгляд основоположника русской политической журналистики М. Н. Каткова, отмечавшего, что «прилагать принцип национальности там, где он ведет к разъединению, было бы противно закону исторического прогресса, но его должно прилагать везде, где он может скреплять политическое единство. Нации – не все равно, что племя и даже не все равно, что народ. Нация есть понятие политическое. Только история, только продолжительная политическая жизнь способна вырабатывать нации. И чем политическая жизнь богаче, тем крепче бывает национальное единство. Но, с другой стороны, никакой политической успех невозможен, если внутренняя политика государства не имеет национального характера. Космополитических государств на свете быть не может ... Скрепление государственного единства, соединение племен в политическую нацию, гордящуюся своими учреждениями и их национальным характером,

– вот где настоящее место для благотворного приложения принципа национальности. В этой, принадлежащей ему политической сфере, принцип национальности будет не разъединять людей, не отчуждать их друг от друга, а сближать их и связывать, превышая их политический дух и политическое самосознание. Вот это применение, которое принцип национальности должен получить в нашей политике» [Миллер, 2014, с. 102].

Дальнейший отечественный семантический транзит понятия нации кратко можно свести к двум составляющим. Во-первых, это его послереволюционное приравнение к этносу. Второй поворот носит реверсный характер – возвращение к исходному государственно-политическому толкованию, произошедшее в конце 80-х гг. XX в. Однако в этот раз опираться пришлось уже на зарубежных авторов, работающих к тому же в постмодернистской парадигме: Р. Брубейкера, Э. Балибара, И. Валлерстайна и др.

Разные понимания нации, как в первую очередь этнического или, напротив, гражданско-политического сообщества, в сущности, являются идеальными типами. Каждая из интерпретаций включает и этнокультурные, и гражданские компоненты. Различны степень и интенсивность их проявления или демонстрации. Как пишет Э. Брубейкер, «... они не являются взаимоисключающими и их жесткая классификация затруднена». Одна из причин этого – оба понимания нации охватывают культуру. В любом случае взаимодействия происходят в некоем культурном контексте. Наложение культуры на понимание нации, и как этнического сообщества, и как согражданства, неизбежно. Оба вида нации «не являются акультурными и аисторичными» [Брубейкер, 2012, с. 246-261].

В этнокультурном подходе нация, этническая группа, раса рассматриваются с субстанциалистических позиций как органические целостности. Прямым следствием этого является их расценивание как социальных субъектов, акторов. В крайней этнополитической практике их реальное воплощение может носить, по выражению Пьера Бурдьё, «перформативный характер». Аналогичное применение используются также для «политической мобилизации и репрезентации». Происходит социальный процесс «овеществления». Овеществление – «это мощное кристаллизовывание чувства группы». Оно ориентировано и нацелено на действие – «расшевелить, вызвать, оправдать, зажечь и придать энергию». Шведский исследователь Шируп (Schierup) заметил, что «широкое, но некритическое употребление термина “этничность” в социальных науках и его последующая интеграция в политический, административный и общий (здорового смысла) дискурсы были более эффективны как инструмент *создания реальности*, ... нежели как средство для ее действительного описания» [Брубейкер, 2012, с. 27-28].

Говоря о нормативных неясностях в понимании нации и национализма, Р. Брубейкер оперирует понятиями инклюзии и эксклюзии. Он отмечает, что «все понимания нации и национализма являются одновременно включающими и исключающими». Различия «не в самом факте и даже не в степени, а в основаниях и критериях» инклюзивности и эксклюзивности. Так, возможность получения гражданства везде является ограниченной. Само гражданство имеет не только включающий, но исключающий статус. Исходя из этого, гражданство также является инструментом социальной закрытости, одной из форм социального неравенства. И далее, Брубейкер делает разбивающий иллюзии вывод: гражданская нация не является более включающей нежели этническая. Срабатывают иные принципы включения. И это очень хорошо иллюстрируют события предыдущих лет.

Для сглаживания аналитических и нормативных неясностей между подходами Брубейкер предлагает «скромную альтернативу» – идею государственного фреймирования. В данном формате нация конгруэнтна, согласованна с государством, с его институциональным и территориальным фреймом, смысловым определением ситуации. Точка отсчета – государство, не гражданство. Именно государство задает фрейм нации. Несмотря на различия в гражданской и этнической интерпретации нации, отметим, что в Новое время культура является «полностью государственно-фреймированной». Производится и развивается благодаря государству. Соответственно, языковой, культурный и даже узкоэтнический аспекты нации и национализма могут быть фреймированы, опосредованы и сформированы государством [Брубейкер, 2012, с. 255-264]. Если опираться на представление, что нации возникают при капитализме, то переход от «до-национального» государства к его национальной форме связан с переходом от местных, сословных языков и наречий к языку государственному. Лишь в случае, когда граждане говорят на одном языке, все они могут «беспрепятственно сообщать свои мысли» и пользоваться равным доступом к государственным должностям. Дж. Милль сформулировал эту мысль так: «... если в народе нет чувства солидарности, если он говорит и пишет на различных языках, то не может существовать и объединенного общественного мнения, необходимого для действия представительного правления» [Брубейкер, 2012, с. 254]. Само возникновение нации как культурно-политического сообщества во многих случаях происходит с появлением массового начального образования как предпосылки языкового и культурного единства.

Иными словами, нация как государственный фрейм опосредуется и формируется государством посредством единого культурно-языкового пространства и понимания истории. Государственное фреймирование нации – это процесс фреймирования и национализации мышления. Исходя из всего этого, можно заключить, что между государственно-фреймированной нацией и этничностью, и культурой нет антагонистичности. Альтернативное понимание нации как культурной идиомы и политического проекта представляется утрированным и искусственным. Ни одна из трактовок в чистом виде не является непреложной. Но каждая из них подразумевает внутригрупповую солидаризацию.

Хотелось бы остановиться еще на одном подходе к пониманию нации, предложенном Иммануэлем Валлерстайном. Понятие нации он рассматривает в более широком терминологическом пространстве – контексте народа. Вариативными компонентами данного, редко используемого в аналитической литературе, понятия являются его возможные типы – раса, нация, этническая группа. Как и Брубейкер, Валлерстайн отмечает, что эти термины используются «удивительно непоследовательно». Несмотря на широкое применение, тем не менее, они продолжают оставаться семантически неустоявшимися, допускающими многовариативность. Расу Валлерстайн определяет как генетическую категорию, имеющую «четкое физическое выражение во внешнем виде человека». Нация является «социально-политической категорией», неким образом связанной с реальными или потенциальными границами государства. Этническая группа – категория культурная, «характеризующаяся рядом особенностей, переходящих из поколения в поколение». Этническая группа может не иметь «привязки к государству и его границам». Все три термина используются для обозначения некоего феномена, обладающего несомненным достоинством, а именно исторической «продолжительностью своего существования».

Этот факт не только оказывает многостороннее влияние на жизнь людей, но «создает основу для формирования политических требований». Смысл существования этих категорий заключается в том, что они дают возможность и наделяют «умением» предъявлять к настоящему требования, порожденные нашим прошлым. При этом их задачи варьируются: а) объяснить, почему все так, как оно есть, и почему менять ничего не следует; б) показать, почему все так, как оно есть, и изменено быть не может; в) доказать, что современные социальные структуры следует заменить, чтобы они больше напоминали более старые, а значит, более привычные социальные реалии. К причинам конструирования этих трех категорий Валлерстайн относит структурные изменения мировой экономики. Развитие мирового рынка, по его мнению, связано с неравномерностью, разной степенью и экономическим качеством вовлечения в него разных народов. Исходя из этого, концепция «расы» соотносится с осевым, укоренившимся в мировой экономике международным разделением труда, с антиномией ядра, центра (экономически высокоразвитых стран) и периферии (неевропейские страны с традиционным типом хозяйствования). Соответственно, раса и расизм являются сущностью и движущей силой «географической поляризации различных типов производства, связанных с осевым разделением труда». Концепция «нации» также связана с политической структуризацией, надстройкой обществ, достижением капиталистическими государствами суверенитета. Валлерстайн отмечает, что «практически во всех случаях образование государства предшествовало образованию нации». Появление третьей концепции «этнической группы» – результат недостаточности категориального деления на расы и нации. Иными словами, нация и народ в современном понимании являются историческими конструктами [Солодова, 2018].

Справедливости ради стоит отметить, что конструктивистский подход в понимании этнической проблематики не является результатом исключительно постмодернистского поворота. Задолго до постмодернизма американский социолог Э. Б. Дьюба утверждал, что понятие расы выполняет вполне инструментальную роль. Социальные и культурные различия интерпретируются в рамках антропологических отличий и «биологических объяснений». Цель – закрепление расовой дискриминации, оправдание «злодеяний европейского колониализма и атлантической работоторговли». [Плакроуз, Линдси, 2022, с. 151-153].

Вывод. Различные научные подходы, теории и парадигмы мутируют, набирают или теряют популярность и влияние, находят применение в политической и повседневной практике – приобретают прикладной характер. В этом смысле, понятия расы, нации, национализма в их разных интерпретациях представляются одними из наиболее «пострадавших». Как плод или жертва академических построений они зачастую используются как научное обоснование для аргументации вполне прагматичных, главным образом, экономических интересов. Как способ сглаживания социальных, геополитических неравенств или, напротив, получения таких преимуществ, они могут служить факторами консолидации или сепарации народов, их интеграции или дезинтеграции. Возвращение отечественной науки к традиционному для российской государственности и публицистики пониманию нации произошло в рамках постмодернистского транзита. В некотором смысле, можно говорить, что, сделав эссенциалистский зигзаг, понятие вернулось в привычное русло.

Список литературы / References

- Балибар, Э. (2003). *Нация как форма: история и идеология*. Э. Балибар, И. Валлерстайн. *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. М. Логос-Альтера. С. 102-124
- Balibar, E. (2003). Nation as a form: history and ideology. In E. Balibar, I. Wallerstein. *Race, nation, class. Ambiguous identities*. Moscow. pp. 102-124. (In Russ.)
- Брубейкер, Р. (2012). *Этничность без групп*. М. 408 с.
- Brubaker, R. (2012). *Ethnicity without groups*. Moscow. 408 p. (In Russ.)
- Валлерстайн, И. (2003). *Конструкция народа. Расизм, национализм, этническая принадлежность*. Э. Балибар, И. Валлерстайн. *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. М. Логос-Альтера. С. 85-101.
- Wallerstein, I. (2003). Construction of the people. Racism, nationalism, ethnicity. In E. Balibar, I. Wallerstein. *Race, nation, class. Ambiguous identities*. Moscow. pp. 85-101. (In Russ.)
- Миллер, А. (2012). История понятия «нация» в России. [Электронный ресурс]. *Отечественные записки*. № 1. URL: <http://oz.m2x.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii> (дата обращения: 12.07.2023)
- Miller, A. (2012). History of the concept of “nation” in Russia. [Online]. *Otechestvennye zapiski*. no. 1. Available at: <http://oz.m2x.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii> (Accessed: 12 July 2023). (In Russ.)
- Миллер, А. (2014). Понятие «нация» в постсевастопольской России. *Вестник Российской нации*. № 6. С. 189-208.
- Miller, A. (2014). The concept of “nation” in post-Sevastopol Russia. *Bulletin of the Russian Nation*. no. 6. 189-208 pp. (In Russ.)
- Плакроуз, Х., Линдси, Дж. (2022). *Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого*. М. 384 с.
- Pluckrose, H., Lindsay, J. (2022). *Cynical theories. How everyone started arguing about race, gender and identity and what's wrong with it*. Moscow. 384 p. (In Russ.)
- Солодова, Г. С. (2018). Иммануэль Валлерстайн о категориях расы, нации и этнической группы. *Сибирский философский журнал*. Т. 16. № 1. С. 128-137.
- Solodova, G. S. (2018). Immanuel Wallerstein on the categories of race, nation and ethnic group. *Siberian Journal of Philosophy*. Vol. 16. no. 1. pp. 128-137. (In Russ.)
- Филиппов, А. (2007). Империя в состоянии распада. *Российское государство: вчера, сегодня, завтра*. Под общ. ред. И. М. Клямкина. М. 624 с.

Filippov, A. (2007). The Empire is in a state of collapse. In Klyamkin, I. M. (ed.). *The Russian State: Yesterday, Today, Tomorrow*. Moscow. 624 p. (In Russ.)

Фурс, В. (2003). Арджун Аппадурай. «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации. *Социологическое обозрение*. Т. 3. № 4. С. 57-66.

Furs, V. (2003). Arjun Appadurai. "Modernity" in the open: cultural dimensions of globalization. *Sociological Review*. Vol. 3. no. 4. pp. 57-66. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Солодова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: gsolodova@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 15.10.2023

После доработки: 20.11.2023

Принята к публикации: 30.11.2023

Solodova Galina – Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: gsolodova@gmail.com

The paper was submitted: 15.10.2023

Received after reworking: 20.11.2023

Accepted for publication: 30.11.2023